

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ІШКІ ІСТЕР МИНИСТРЛІГІ
БӘРІМБЕК БЕЙСЕНОВ АТЫНДАҒЫ ҚАРАҒАНДЫ АКАДЕМИЯСЫ

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КАРАГАНДИНСКАЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ БАРИМБЕКА БЕЙСЕНОВА

KARAGANDA ACADEMY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN NAMED AFTER B. BEYSENOV

ХАБАРШЫ – ВЕСТНИК

№ 2 (72)

2021

Қазақстан Республикасы ІІМ
Бәрімбек Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының
2021 жылғы 30 маусым
№ 2 (72)
«ХАБАРШЫ — ВЕСТНИК» журналы

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат
министрлігінде тіркелген

31.05.2012 ж. № 12781-Ж Куәлік

Серия 1972 жылы құрылған.

Ғылыми жұмыстың негізгі нәтижелерін жариялау үшін Қазақстан
Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Білім және ғылым саласындағы сапаны қамтамасыз ету комитеті
ұсынатын басылымдар тізбесіне енгізілген
(Қазақстан Республикасы БҒМ 2021 жылғы 11 ақпандағы
№ 2 ҚБПУ бұйрығы).

Бас редакторы

О. Т. Сейтжанов, заң ғылымдарының кандидаты, доцент

Редакциялық алқа

М. Ю. Бурдин, заң ғылымдарының докторы, профессор
(Украина);

А. Х. Миндагулов, заң ғылымдарының докторы, профессор
(Ресей Федерациясы);

У. Х. Мухамедов, заң ғылымдарының докторы, профессор
(Өзбекстан Республикасы);

И. А. Насонова, заң ғылымдарының докторы, профессор
(Ресей Федерациясы);

Н. С. Нижник, заң ғылымдарының докторы,
профессор, Жоғары мектептің еңбек сіңірген қызметкері
(Ресей Федерациясы);

К. М. Осмоналиев, заң ғылымдарының докторы, профессор
(Қырғызстан Республикасы);

В. В. Кожокар, заң ғылымдарының кандидаты
(Ресей Федерациясы);

П. В. Грідюшко, заң ғылымдарының кандидаты, доцент
(Беларусь Республикасы);

Уфук Айхан, қауымдастырылған профессор
(Түрік Республикасы);

И. Ш. Борчаивили, заң ғылымдарының докторы, профессор,
Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері;

С. Е. Қайыржанова, заң ғылымдарының докторы, доцент;

М. Ч. Қоғамов, заң ғылымдарының докторы, профессор;

К. С. Лакбаев, заң ғылымдарының докторы, профессор;

С. С. Молдабаев, заң ғылымдарының докторы, профессор;

Е. О. Түзелбаев, заң ғылымдарының докторы, профессор;

З. С. Тоқыбаев, заң ғылымдарының докторы, профессор;

А. Д. Шаймұханов, заң ғылымдарының докторы, профессор;

С. Қ. Алтайбаев, заң ғылымдарының кандидаты;

А. Б. Жакулин, заң ғылымдарының докторы кандидаты, доцент;

Ж. Ш. Құсайынов, заң ғылымдарының магистрі
(жауапты хатшы).

Нөмірмен жұмыс
істегендер

Редакторлар

Лухтина Е. Ю.

Қалиев Б. А.

Дизайн,
техникалық редакциялау
және компьютерлік
беттеу:

Аубакирова С. М.

Басуға 14.05.2021 ж.

тапсырылды

Баспаға 30.06.2021 ж.

кол қойылды

Шартты баспа табақ 17,2.

Формат 60×84^{1/8}.

Офсеттік қағаз.

Баспа офсеттік.

Тапсырыс № 388.

Тиражы 200 дана.

Тоқсанына 1 рет
басылып шығарылады

Редакция материалдарды
қайтармайды.

Материалдарды қайта басып
шығару редакцияның
рұқсатымен ғана мүмкін.

Қазақстан Республикасы ІІМ

Б. Бейсенов атындағы

Қарағанды академиясының

2021 жылға Ведомстволық

әдебиетті басып шығарудың

тақырыптық жоспары

№ 2 позициясы.

Қазақстан Республикасы ІІМ

Б. Бейсенов атындағы

Қарағанды академиясының

баспаханасында басылған,

Қарағанды қ.,

Баспаханасының № 104

журнал «ХАБАРШЫ — ВЕСТНИК»
Карагандинской академии
МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова
№ 2 (72) за 2021 год
30 маусым

Зарегистрирован в Министерстве культуры и
информации Республики Казахстан,
свидетельство № 12781-Ж от 31.05.2012 г.

Серия основана в 1972 г.

Включен в перечень изданий, рекомендуемых Комитетом
по обеспечению качества в сфере образования и науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
для публикации основных результатов научной деятельности
(приказ МОН РК № 2 ДСП от 11 февраля 2021 года).

Главный редактор

О. Т. Сейтжанов, кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия

*М. Ю. Бурдин, доктор юридических наук, профессор
(Украина);*

*А. Х. Миндагулов, доктор юридических наук, профессор
(Российская Федерация);*

*У. Х. Мухамедов, доктор юридических наук, профессор
(Республика Узбекистан);*

*И. А. Насонова, доктор юридических наук, профессор
(Российская Федерация);*

*Н. С. Нижник, доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный работник высшей школы
(Российская Федерация);*

*К. М. Осмоналиев, доктор юридических наук, профессор
(Кыргызская Республика);*

*В. В. Кожокар, кандидат юридических наук
(Российская Федерация);*

*П. В. Гридюшко, кандидат юридических наук, доцент
(Республика Беларусь);*

*Уфук Айхан, ассоциированный профессор
(Турецкая Республика);*

*И. Ш. Борчаивили, доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель Казахстана;*

С. Е. Каиржанова, доктор юридических наук, доцент;

М. Ч. Кожамов, доктор юридических наук, профессор;

К. С. Лакбаев, доктор юридических наук, профессор;

С. С. Молдабаев, доктор юридических наук, профессор;

Е. О. Тузельбаев, доктор юридических наук, профессор;

З. С. Токубаев, доктор юридических наук, профессор;

А. Д. Шаймуханов, доктор юридических наук, профессор;

С. К. Алтайбаев, кандидат юридических наук;

А. Б. Жакулин, кандидат юридических наук, доцент;

*Ж. Ш. Кусаинов, магистр юридических наук
(ответственный секретарь).*

**Над номером
работали**

Редакторы

Е. Ю. Лухтина,
Б. А. Қалиев

**Дизайн,
техническое
редактирование,
компьютерная вёрстка:**

С. М. Аубакирова

Сдано в набор 14.05.2021.

Подписано в печать 30.06.2021.

Усл. печ. л. 17,2.

Формат 60×84^{1/8}.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 388.

Тираж 200 экз.

Издается 1 раз в квартал

Материалы редакцией
не возвращаются.
Перепечатка материалов
возможна только
с разрешения редакции.

Тематический план издания
ведомственной литературы
Карагандинской академии
МВД РК им. Б. Бейсенова
на 2021 г., позиция № 2.
Отпечатано в типографии
Карагандинской академии
МВД РК им. Б. Бейсенова,
г. Караганда,
ул. Ермакова, 124.

**The journal «KHABARSHI — VESTNIK»
of the Karaganda Academy
of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
No. 2 (72) for 2021
June 30**

**Registered with the Ministry of Culture and
Information of the Republic of Kazakhstan,
certificate No. 12781-Zh of 31.05.2012**

The series was founded in 1972.

It is included in the list of publications recommended by the
Committee for Quality Assurance in the Field of Education and
Science of the Ministry of Education and Science of the Republic
of Kazakhstan for the publication of the main results of scientific
activity (Order of the Ministry of Education and Science of the
Republic of Kazakhstan No. 2 for official use dated
February 11, 2021).

Chief editor

O. T. Seyitzhanov, *Candidate of Law, Associate Professor*

Editorial board

M. Y. Burdin, *Doctor of Law, Professor*
(Ukraine);

A. Kh. Mindagulov, *Doctor of Law, Professor*
(Russian Federation);

U. H. Mukhamedov, *Doctor of Law, Professor*
(Republic of Uzbekistan);

I. A. Nasonova, *Doctor of Law, Professor*
(Russian Federation);

N. S. Nizhnik, *Doctor of Law,
Professor, Honored Worker of Higher Education*
(Russian Federation);

K. M. Osmonaliev, *Doctor of Law, Professor*
(Kyrgyz Republic);

V. V. Kozhokar, *Candidate of Law*
(Russian Federation);

P. Gridyushko, *candidate of legal Sciences, associate Professor*
(Republic Of Belarus);

Ufuk Ayhan, *Associate Professor*
(Turkish Republic);

I. Sh. Borchashvili, *doctor of law, Professor,
honored worker of Kazakhstan;*

S. E. Kairzhanova, *doctor of legal Sciences, associate Professor;*

M. H. Kogamov, *doctor of law, Professor;*

K. S. Sakbaev, *doctor of law, Professor;*

S. S. Moldabaev, *doctor of law, Professor;*

E. O. Tuzelbaev, *doctor of law, Professor;*

Z. S. Tokubaev, *doctor of law, Professor;*

A. D. Shaimukhanov, *doctor of law, Professor;*

S. K. Altybaev, *candidate of juridical Sciences;*

A. B. Jakulin, *candidate of legal Sciences, associate Professor;*

Zh. Sh. Kussainov, *Master of Laws*
(Executive Secretary).

Worked on the issue:

Editors:

E. Yu. Lukhtina,

B. A. Kaliev

**Design,
technical editing,
computer layout:**

S. M. Aubakirova

Submitted to the set on
14.05.2021.

Signed to the press in 30.06.2021.

Conditional printed sheet 17.9.

The format is 60×84¹/₈.

Offset paper.

Offset printing.

Order No. 388.

Edition of 200 copies.

Published 1 time per quarter

Materials are not returned
by the editorial board.
Reprint of materials is possible
only with the permission
of the editorial board.

Thematic plan of publishing
departmental literature of the
Karaganda Academy of the
Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beisenov for
2021, position No. 2.
Printed in the printing house of
the Karaganda Academy of the
Ministry of Internal Affairs of
the Republic of Kazakhstan
named after B. Beisenov,
Karaganda,
Yermekova str., 124.

ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ПРОБЛЕМАЛАРЫ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ THE PROBLEMS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

УДК 343.933

Бубербаев Н. Д.,

*старший научный сотрудник центра по исследованию проблем криминалистического обеспечения деятельности ОВД НИИ, подполковник полиции
(Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан, e-mail: n.buberbayev@kra.gov.kz)*

О состоянии выявляемости уголовных правонарушений камерами видеонаблюдения

Аннотация. В статье анализируются статистические сведения о количественных и качественных параметрах уголовных правонарушений, выявленных камерами видеонаблюдения Центра оперативного управления МВД Республики Казахстан в период с 2018 по 2020 гг. Автор отмечает тенденцию роста фиксации правонарушений камерами видеонаблюдения как ответной государственной реакции на противоправные факты. Обосновывается необходимость расширения системы видеонаблюдения в деятельности органов полиции. Представлены предложения по интеграционной и адаптационной деятельности системы видеомониторинга, способные повысить степень раскрытия и расследования как уголовных, так и административных правонарушений, а также эффективность общей и специальной профилактики.

Ключевые слова: камеры видеонаблюдения, видеомониторинг, фиксация правонарушений, уголовные правонарушения, расследование преступлений, предупреждение преступлений, криминалистическая идентификация, общественная безопасности, охрана общественного порядка.

Использование камер видеонаблюдения сегодня — неотъемлемая часть жизнедеятельности городов, содействующая их нормальному и безопасному функционированию. Активное внедрение камер видеонаблюдения в деятельность органов правопорядка способствовало предупреждению, пресечению, раскрытию, расследованию уголовных, административных правонарушений, а их наличие на улицах и иных общественных местах оказывает большое превентивное воздействие на граждан.

С криминалистической точки зрения очевидно, что при наличии камер видеонаблюдения полнота фиксации механизма совершения правонарушения для построения версий особых трудностей не вызывает, однако процедура установления личности виновного редко дает положительные результаты и требует приложения дополнительных усилий.

Сегодня в республике установлено и функционирует свыше 30 тыс. камер видеонаблюдения, позволяющих органам полиции своевременной качественно реагировать на различные правонарушения и происшествия. По данным МВД Республики Казахстан, в течение последних трех лет камерами видеонаблюдения выявлено 14 829 уголовных, 1 356 681 административное правонарушение. Темпроста выявляемости уголовных правонарушений посредством камер видеонаблюдения в 2020 г. к аналогичному показателю предыдущего, 2019 г. составил 31,3 %, а к показателю базисного, 2018 г. — 107,9 % [1].

Подобная тенденция отмечается практически во всех регионах и городах республиканского значения. Так, в течение 2020 г. лидирующие позиции по числу выявленных криминальных правонарушений занимают г. Нур-Султан (2 320), г. Алматы (1 348) и Атырауская область (286). Наименьшее количество выявленных уголовных правонарушений наблюдается в Западно-Казахстанской (91), Кызылординской (107) и Туркестанской (108) областях.

Судя по результатам анализа, высокий процент в динамике выявляемости в течение исследуемого периода (с 2018 по 2020 гг.) демонстрируют Атырауская область (180,3 %), г. Алматы (123,1 %), г. Нур-Султан (34,5 %). Низкий процент выявляемости наблюдается в Карагандинской (0,4 %), Мангыстауской (1,3 %), Жамбылской (1,4 %) областях. Процент с отрицательным значением выявляемости — в Алматинской (–26,4 %), Восточно-Казахстанской (–18,8 %), Павлодарской (–8,5 %) областях.

Нельзя не заметить, что рост выявленных криминальных правонарушений посредством камер видеонаблюдения на фоне снижения абсолютных количественных показателей регистрируемых уголовных правонарушений (на 33,1 % к показателю 2019 г. и на 44,3 % к показателю базисного, 2018 г.) стал результатом увеличения как количественных, так и качественных (удельный вес выявленных посредством камер видеонаблюдения уголовных правонарушений в 2020 г. составил 4 %, в 2019 г. – 2 %, а в 2018 г. – 1 %) характеристик.

В структуре выявленных уголовных правонарушений доминируют кражи – 44,5 %, хулиганство – 7,8 %, грабежи – 5,4 %. Разбои составляют 0,25 %, убийства – 0,13 %, иные уголовные правонарушения – 41,7 %.

Следует, однако, признать, что рост количества выявляемости уголовных правонарушений не является следствием роста преступности, а говорит, скорее, об улучшении криминальной ситуации в стране и регионах благодаря системам видеонаблюдения, которые, в свою очередь, способствовали эффективной деятельности органов полиции по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию правонарушений.

Особый интерес представляет уровень имущественных уголовных правонарушений, выявленных посредством камер видеонаблюдения. Так, в 2019 г. темп прироста выявленных разбойных нападений к аналогичному показателю 2018 г. составил 46,1 %, грабежей – 25,5 %, краж – 138,2 %. Темп прироста выявляемости хулиганских действий – 15,8 %, иных уголовных правонарушений – 35,1 %. Относительно высокая выявляемость указанных противоправных действий объясняется тем, что они относятся к «уличным» правонарушениям и, соответственно, совершаются в общественных местах: в парках, скверах, на улицах, площадях, где функционируют системы видеонаблюдения.

Работа систем видеонаблюдения в общественных местах, без преувеличения, имеет большой антикриминогенный потенциал, что проявляется также и в фиксации значительного количества латентных правонарушений, которые вследствие своего естественного характера зачастую оставались за гранью статистической отчетности. Поэтому внедрение и расширение систем видеонаблюдения в городах является важным аспектом противодействия латентной правонарушаемости и обеспечения полной и объективной регистрации уголовных и административных правонарушений.

Вместе с тем, на рост фиксации правонарушений камерами видеонаблюдения в немалой степени повлияли мероприятия по реализации положений таких нормативных правовых актов, как:

1) Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 5 октября 2018 года «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни»»:

- п. 35.1 «Разработка стандартов и требований к оснащению организаций дошкольного и среднего образования системами видеонаблюдения»;
- п. 67 «Обеспечение городов системами мониторинга общественной безопасности»;
- п. 95 «Активное внедрение интеллектуальных систем видеонаблюдения и распознавания на улицах и местах массового пребывания граждан, контроля за дорожным движением»;
- п. 96 «Формирование на основе имеющегося опыта г. Астаны и иных населенных пунктов «эталонного» стандарта «Смарт Сити» [2];

2) Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 10 января 2018 года «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции»»:

– п. 50 «Принятие мер по развитию интеллектуальных систем безопасности, внесению в законодательство и строительные нормативы изменений и дополнений, устанавливающих требования к оборудованию объектов массового посещения людей и жилых комплексов современными средствами дистанционного электронного контроля» [3];

3) Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан»:

– п.п. 64-69 «Реализация компонентов «Smart City»» [4];

4) Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 г. [5];

5) Постановления Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан» [6] и многие другие документы, направленные на увеличение численности камер видеонаблюдения, улучшение качества систем записи и управления.

Высокая значимость реализации названных нормативных актов ориентирована не только на недопущение социальной деструкции общественного порядка и общественной безопасности современного казахстанского социума, но и на усиление эффективности государственной реакции на противоправные факты. Так, криминалистические исследования материалов видеозаписи способствовали интенсификации процессов идентификации личности виновных правонарушителей, а также предметов и средств, посредством которых совершены правонарушения.

Заметим, что применяемая в органах полиции система видеонаблюдения построена на основе современных цифровых технологий, позволяющих выполнять преобразование сигналов в цифровой формат, мультиплексирование, запись и хранение данных с возможностью дальнейшего просмотра цифровых изображений. Функционирует передовая система Pelco ENDURA — высокопроизводительная сетевая система видеонаблюдения с полностью распределенной архитектурой. Также камеры устанавливаются на оживленных перекрестках, в местах массового скопления граждан и в других наиболее криминогенных районах [7].

Сегодня с помощью подобных систем можно проводить постоянное наблюдение за различными объектами, находящимися как в государственной, так и в частной собственности, что способствует решению следующих оперативно-тактических задач:

– оценке оперативной обстановки, организационному и информационно-аналитическому обеспечению управленческих решений;

– своевременному выявлению противоправных действий, организации их предупреждения, пресечения, раскрытия, расследования;

– созданию видеоархивов, позволяющих использовать видеозаписи в качестве доказательств;

– обеспечению повышенных мер безопасности в местах массового скопления людей;

– повышению эффективности деятельности служб правопорядка различных уровней;

– усилению информационной базы правоохранительных служб;

– оперативному контролю ситуации на ключевых объектах городов;

– своевременной и достоверной информационной поддержке органов и подразделений внутренних дел;

– информированию соответствующих служб о возникновении чрезвычайных ситуаций;

– цифровому архивированию видеоинформации;

– обеспечению возможности восстановления хода событий на основе записанных видеоматериалов;

– интеграции с другими автоматизированными системами (при наличии таковой возможности).

Подводя итог анализу важнейших аспектов и роли систем видеонаблюдения в производстве криминалистических (габитоскопических) исследований, в частности, и в раскрытии, расследовании правонарушений в целом, считаем необходимым:

– продолжить работу по внедрению и расширению систем видеонаблюдения в общественных местах, в том числе на улицах, внутридворовых территориях, в районах повышенной криминальной пораженности;

– обеспечить внедрение в ЦОУ территориальных Департаментов полиции качественных аппаратно-программных комплексов в целях совершенствования криминалистической исследований по фото- и видеоматериалам.

Принимая во внимание, что большинство камер видеонаблюдения, установленных в общественных и иных местах, принадлежит местным органам власти или находится в собственности частных лиц, считаем целесообразным создать условия для постепенной интеграции общественных и частных видеосистем в оперативную базу ЦОУ территориальных Департаментов полиции для поддержания общественной безопасности и охраны общественного порядка.

Список использованной литературы:

1. По данным МВД Республики Казахстан с 2018 по 2020 гг. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim> (дата обращения: 29.01.2021).

2. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 5 октября 2018 года «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни»» от 12 октября 2018 г. № 772 // [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000772/info>. Дата обращения: 26 января 2021 г. Время обращения: 11:45 ч.

3. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 10 января 2018 года «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции»» от 9 февраля 2018 года. № 633 // [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000633#z0>. Дата обращения: 26 января 2021 г. Время обращения: 12:33 ч.

4. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» от 15 февраля 2018 года № 636 // [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636#z2>. Дата обращения: 26 января 2021 г. Время обращения: 15:18 ч.

5. Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗПК // [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418/history>. Дата обращения: 26 января 2021 г. Время обращения: 16:23 ч.

6. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»» от 12 декабря 2017 года № 827 // [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=37168057. Дата обращения: 26 января 2021 г. Время обращения: 16:57 ч.

7. Жакулин А. Б., Еленюк А. Г. Роль информационного обеспечения в раскрытии и расследовании преступлений // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. — 2020. — № 2. — С. 14–18.

Бүбербаев Н. Д.,

*ҒЗИ ІІО қызметін криминалистикалық қамтамасыз ету мәселелерін зерттеу бойынша орталығының аға ғылыми қызметкері, полиция подполковнигі
(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: n.buberbayev@kpa.gov.kz)*

**Бейнебақылау камераларының
қылмыстық құқық бұзушылықтарды анықтау жағдайы туралы**

Аннотация. Мақалада автор 2018–2020 жылдар аралығында Қазақстан Республикасы ІІМ Жедел басқару орталығы бейне бақылау камералары анықтаған қылмыстық құқық бұзушылықтардың сандық және сапалық параметрлері туралы статистикалық мәліметтерді келтіреді және талдайды. Заңсыз фактілерге қарсы мемлекеттік реакция ретінде, бейне бақылау камераларымен құқық бұзушылықтарды тіркеудің өсу үрдісі байқалады. Полиция органдарының қызметінде бейне бақылау жүйесін кеңейту қажеттілігі негізделеді. Қылмыстық, сондай-ақ әкімшілік құқық бұзушылықтарды ашу және тергеп-тексеру дәрежесін, сонымен қатар жалпы және арнайы профилактиканың тиімділігін арттыруға қабілетті бейнемониторинг жүйесінің интеграциялық және бейімдеу қызметі бойынша ұсыныстар ұсынылды.

Негізгі сөздер: бейне бақылау камералары, бейне мониторинг, құқық бұзушылықтарды тіркеу, қылмыстық құқық бұзушылықтар, қылмыстарды тергеу, қылмыстың алдын алу, криминалистикалық сәйкестендіру, қоғамдық қауіпсіздік және қоғамдық тәртіпті қорғау.

N. D. Buberbayev,

*senior researcher of the Center for the study of problems of forensic support of the Department of Internal Affairs of the Research Institute, Lieutenant Colonel of the police
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: n.buberbayev@kpa.gov.kz)*

On the state of detection of criminal offenses by video surveillance cameras

Annotation. The article analyzes statistical data on the quantitative and qualitative parameters of criminal offenses detected by video surveillance cameras of the Operational Management Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan in the period from 2018 to 2020. The author notes the growing trend of fixing offenses by video surveillance cameras as a response of the state to illegal facts. The necessity of expanding the video surveillance system in the activities of the police is justified. The article presents proposals for the integration and adaptation activities of the video monitoring system, which can increase the degree of detection and investigation of both criminal and administrative offenses, as well as the effectiveness of general and special prevention.

Keywords: video surveillance cameras, video monitoring, crime detection, criminal offenses, crime investigation, crime prevention, forensic identification, public safety and public order protection.

УДК 347

Весельская Н. Р.,

*заведующая кафедрой правового регулирования экономических отношений,
кандидат юридических наук, профессор
(Карагандинский университет Казпотребсоюза, г. Караганда, Республика Казахстан);*

Сидорова Н. В.,

*доцент кафедры правового регулирования экономических отношений,
кандидат юридических наук, доцент
(Карагандинский университет Казпотребсоюза, e-mail: nsidorova75@mail.ru);*

Чиркова Е. Н.,

*адвокат
(Карагандинская областная коллегия адвокатов, г. Караганда, Республика Казахстан)*

Некоторые проблемы соотношения налогового, банковского и исполнительного законодательства в Республике Казахстан

Аннотация. Проведенный в статье анализ казахстанского законодательства о налогах и сборах позволил авторам выявить коллизионные правовые нормы, регламентирующие механизм обеспечения наполнения бюджетов фискальными платежами, а также различные формы реализации прав и обязанностей публичных и частных субъектов. Исследование налогового, банковского и исполнительного законодательства и правоприменительной практики показало необходимость актуализации отдельных правовых норм, что позволит обеспечить эффективность механизма реализации налогового права, усилить роль и значение субъектов налогового правоприменения, повысить результативность реализации налогово-правовых норм. В статье обоснованы предложения по внесению изменений и дополнений в отдельные нормативные правовые акты по вопросам регламентации налогового правоприменения.

Ключевые слова: налоги, налоговое правоприменение, налоговые механизмы, налоговые инструменты, банки, судебные исполнители.

«В этом мире неизбежны только смерть и налоги» — эта фраза известного американского политика Бенджамина Франклина, ставшая афоризмом, наглядно отражает значимость налогов для государства и общества в целом. Универсальность налогового механизма, используемого государством, характеризуется не только экономическими инструментами, направленными на привлечение капитала как в перспективные, так и в малорентабельные кластеры экономики, но и широким спектром социальных инструментов снятия социальной напряженности в обществе, выравнивания уровня доходов налогоплательщиков, поддержки отдельных слоев населения и др. В совокупности данными инструментами обеспечивается политическая и социальная стабильность, создаются благоприятные условия экономического роста страны.

Несмотря на значимость правотворческой деятельности государства в сфере правового регулирования налогового механизма Республики Казахстан, не менее важен механизм реализации норм налогового права через призму всеобщности налогообложения, справедливости распределения налогового бремени, равноправия и недискриминационного характера налогообложения. Вместе с тем, по мнению Е. Порохова, именно в налоговом праве сегодня отсутствуют правовые институты гарантирования и защиты прав и свобод человека, отсутствуют правовые нормы, направленные на реализацию конституционного императива о приоритете прав и свобод человека в содержании и применении налоговых законов [1].

Анализ отечественного налогового законодательства и правоприменительной практики позволил авторам сделать вывод о том, что важнейшим требованием к налоговому правоприменению является его фактическая обоснованность. Субъекты налогового правоприменения должны адекватно обосновывать применение к конкретным налоговым правоотношениям одних правовых норм и невозможность применения других. В этих целях фактические об-

стоятельства каждого налогового дела должны тщательно изучаться, устанавливаться и учитываться при его разрешении и вынесении акта налогового правоприменения.

Налоговое правоприменение осуществляется усилиями компетентных государственных органов с использованием государственно-властных полномочий и направлено на реализацию налоговых норм в целях соблюдения интересов всех субъектов права. Законные властные полномочия субъектов налогового правоприменения связаны с исполнением выраженной в праве нормативной воли государства применительно к конкретным объективным ситуациям. В противовес – игнорирование нормативной воли государства, ее искажение и попираание, а также создание неформальной ее альтернативы и конкуренции являются недопустимыми противоправными проявлениями налогового правоприменения.

Именно последние негативные аспекты налогового правоприменения сегодня являются распространенной формой. На практике индивидуальное правовое регулирование налоговых отношений нередко начинает подменять собой, а иногда даже исключать нормативное правовое регулирование налоговых отношений, вступать с ним в противоречие, искажать его истинный смысл и содержание. В последнее время все более популярным становится восполнение актами налогового правоприменения существующих в налоговом праве пробелов и упущений, причем не в духе и не в соответствии с общими принципами права, а зачастую в противоречии с ними [1].

Так, налоговое правоприменение, закрепленное в ч. 2 ст. 6 Закона Республики Казахстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» от 2 апреля 2010 г., позволяет налоговым и иным государственным органам, банкам, иным кредитным учреждениям участвовать в исполнительном производстве в качестве лиц, осуществляющих исполнительное производство [2]. Следует отметить, что перечисленные субъекты осуществляют исполнительное производство в специфических случаях, когда исполнительные действия неразрывно связаны с их деятельностью, а потому обладают особым правовым статусом в исполнительном производстве, условиями возникновения которого является прямое указание в законе и исключительное взыскание денежных средств.

Одним из субъектов осуществления исполнительного производства согласно законодательству являются налоговые органы. Основанием для осуществления исполнительного производства налоговыми органами является неисполнение налогоплательщиком обязанностей налогового характера – по уплате налогов.

В соответствии со ст. 36 Налогового Кодекса РК в случае неуплаты или неполной уплаты налога в установленный срок обязанность по уплате налога исполняется принудительно путем обращения взыскания на денежные средства налогоплательщика на счетах в банках [3]. Именно на данной стадии банки становятся субъектами налоговых правоотношений, обеспечивают налоговые изъятия и наделяются в связи с этим соответствующими правами и обязанностями, что позволяет считать коммерческие банки специальными субъектами налогового и исполнительного производства.

В сравнении с другими участниками налоговых отношений банки не имеют собственно имущественного интереса при исполнении платежных поручений на перечисление налогов в бюджет, что определяет организационный характер их участия в налоговых отношениях, который может проявляться в информировании налоговых органов об имеющихся счетах и операциях с денежными средствами налогоплательщиков и др.

Законодательно установлено, что взыскание налога производится по постановлению налогового органа посредством направления в банк инкассового поручения на перечисление налога в бюджет, которое подлежит безусловному исполнению банком в соответствии с гражданским законодательством. Учитывая, что в инкассовом поручении не указывается процентное соотношение сумм, подлежащих взысканию, банк взыскивает 100 % поступающей суммы по текущему счету налогоплательщика. Отметим, что данный механизм исполне-

ния судебного или иного приравненного к нему акта непосредственно банком намного удобнее и более оперативно достигает своей цели, чем проведение исполнительного производства судебным исполнителем.

Следует сказать, что множественность субъектов исполнительного производства оказывает прямое влияние на их правореализационную деятельность, а последняя зависит от правильного соотношения налогового, банковского и исполнительного законодательства, отсутствия коллизий между данными отраслевыми нормами. Однако изучение судебной и правоприменительной практики наглядно обнажает коллизионность многих обозначенных норм.

Так, суды Карагандинской области рассмотрели ряд исков индивидуальных предпринимателей (предпринимательская деятельность которых приостановлена) о неправомерности приостановления расходных операций и ежемесячных взысканий в размере 100 % от суммы поступающих пенсионных выплат на основании инкассового распоряжения налогового органа о погашении налоговой задолженности (поясним, что для истцов пенсия является единственным источником доходов). Суды обязали налоговые органы отозвать распоряжения о приостановлении расходных операций и выставить в инкассовых распоряжениях ограничения на взыскание до 50 % поступающей суммы по текущему счету налогоплательщика в банк, тем самым частично удовлетворили требования истцов, обосновав это тем, что в силу действующего законодательства, а именно п. 1 ст. 95 Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», при обращении взыскания на заработную плату или иные виды дохода должника по одному или нескольким исполнительным документам, в том числе находящимся в производстве других судебных исполнителей, за должником должно быть сохранено не менее 50 % заработной платы или иного дохода [2].

Однако ни банк, ни налоговый орган исполнить судебный акт не могут из-за противоречий норм Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет РК (далее — Налоговый кодекс РК) от 25 декабря 2017 г., Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» от 2 апреля 2010 г. и Правил осуществления безналичных платежей и переводов денег на территории Республики Казахстан, утвержденных Постановлением Правления Национального Банка РК от 31 августа 2016 г. Так, п. 11 ст. 24 Налогового кодекса РК предусматривает положение, согласно которому банки второго уровня и организации, осуществляющие отдельные виды банковских операций, обязаны приостановить все расходные операции на банковских счетах перечисленных в п. 11) субъектов, с учетом п. 2 ст. 118 Налогового кодекса РК, согласно которому приостановление распространяется на все расходные операции налогового агента, кроме операций, предусмотренных ст. 189 Налогового кодекса, а именно таможенных платежей, пени, начисленной за несвоевременную уплату, а также штрафов, взыскиваемых в бюджет [3]. Приостановление же расходных операций по банковским счетам в соответствии с Налоговым кодексом РК производится в пределах суммы налоговой задолженности, указанной в распоряжении налогового органа, и распространяется на все расходные операции налогового агента, кроме случаев, определенных в п. 2 ст. 118 Налогового Кодекса РК.

Взыскание банком задолженности в бюджет за счет денег, находящихся на банковских счетах налогоплательщика, осуществляется на основании инкассового распоряжения налогового органа на общую сумму, указанную в нем (за исключением случаев, названных в п. 2 ст. 122 Налогового Кодекса РК). Банк проверяет только правильность зафиксированных в инкассовом распоряжении реквизитов, и при их соответствии исполняет его в сроки, установленные Законом РК «О платежах и платежных системах» от 26 июля 2016 г., путем дебетования банковского счета налогоплательщика [4]. Банк может отказать в исполнении инкассового распоряжения только в случае, если банковский счет открыт для социальных выплат из бюджета (пособия, пенсии и др.), зачисления денег, внесенных на условиях депозита нотари-

уса, денег по договору об образовательном накопительном вкладе жилищных строительных вкладов и сбережений.

В соответствии с п. 3 ст. 50 Закона Республики Казахстан «О пенсионном обеспечении», обращение взыскания (ареста) денежных средств не допускается только на взносы и накопления в Едином накопительном пенсионном фонде, на выплату пенсий указанные нормы не распространяются [5]. Действующим законодательством не установлена также предельная сумма взыскания с пенсии индивидуальных предпринимателей в счет погашения налоговой задолженности.

По законодательству Республики Казахстан специальная правосубъектность банков в налоговых правоотношениях заключается в том, что они причислены к институту «налоговых агентов». Это позволяет государству опосредовано через банки реализовывать текущий финансовый мониторинг финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков. Функции банков и их обязанности как налоговых агентов производны от задач и функций налоговых органов, они как посредники между последними и налогоплательщиками вступают во взаимоотношения по рассматриваемой проблематике. В то же время статус налогового агента не позволяет банкам быть самостоятельными субъектами налоговых правоотношений, так как они лишь выражают властные полномочия налоговых органов и не самостоятельны в принятии соответствующих решений. Такой статус налоговых агентов не дает юридических оснований для оспаривания права агента по законному удержанию налогов с конкретного лица.

Таким образом, двойственность ситуации заключается в том, что непосредственными участниками правоотношений по взиманию налогов с банковских счетов являются налогоплательщики и банки как уполномоченные государством налоговые агенты. Однако надлежащим ответчиком по искам о возврате излишне уплаченных сумм налогов или освобождению от налогообложения является налоговый орган, что определено в ст. 35 Закона РК «О платежах и платежных системах», в соответствии с которой ответственность за обоснованность изъятия денег с банковского счета отправителя денег без его согласия несет инициатор инкассового распоряжения [4].

В тех случаях, когда коммерческий банк как налоговый агент превышает свои полномочия относительно исчисления и удержания налогов или неправильно применяет налоговые льготы, образуется состав налогового правонарушения, субъектом которого будет признан банк. В этой связи банк не имеет правовых оснований исполнять инкассовое распоряжение налогового органа по ограничению взыскания пенсионных сумм до 50 % поступающих на текущий счет истца в карточной базе в банке, так как банковское законодательство Республики Казахстан не предусматривает каких-либо ограничений при исполнении инкассового распоряжения налогового органа о 100 %-ном списании сумм с карточной базы налогоплательщика как меры принудительного взыскания налоговой задолженности.

Возникающие в современном казахстанском обществе правоотношения постоянно подвергаются изменениям, а регулирующая их нормативно-правовая база нуждается в систематическом совершенствовании с учетом реалий сегодняшнего дня [6, с. 61].

Таким образом, анализ рассмотренных правовых норм обнажает их коллизионность и несогласованность, что негативно влияет на налоговое правоприменение и формирует политику «безусловного и неограниченного налогового суверенитета государства, связанного с взиманием налогов с любых лиц, без учета социальной направленности данных действий и социальной значимости денежных средств, на которые направлено взыскание. Полагаем, что исходя из содержания п. 1 ст. 1 и п. 2 ст. 12 Конституции Республики Казахстан, а также в условиях построения «открытого и слышащего государства» обозначенные негативные коллизии с точки зрения первичности прав и свобод человека должны быть устранены. Для этого необходимо провести ревизию комментируемых правовых актов и устранить их противо-

речия друг другу посредством соответствующих изменений и дополнений. Особое внимание следует обратить на положения норм, закрепленных: п. 2 ст. 118, п. 11. ст. 24, п.п. 2, 6 ст. 122 Налогового кодекса РК; п. 1 ст. 95 Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» от 2 апреля 2010 г.; п.п. 142, 143 Правил осуществления безналичных платежей и переводов денег на территории Республики Казахстан от 31 августа 2016 г. и др.

Список использованной литературы:

1. Порохов Е. Проблемы налогового правоприменения в Республике Казахстан». — Электронный ресурс. [Режим доступа] <https://www.zakon.kz/4751281-problemy-nalogovogo-pravoprimereniya.html> (дата обращения 26.02.2021 г.)
2. Закон РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» от 2 апреля 2010 года № 261-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021 г.) — Электронный ресурс. [Режим доступа] https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30617206 (дата обращения 26.02.2021 г.)
3. Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.02.2021 г.). — Электронный ресурс. [Режим доступа] <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120> (дата обращения 26.02.2021 г.)
4. Закон Республики Казахстан от 26 июля 2016 года № 11-VI «О платежах и платежных системах» (с изменениями и дополнениями по состоянию 05.01.2021). — Электронный ресурс. [Режим доступа] <http://adilet.libgateway.psu.kz/rus/docs/Z1600000011> (дата обращения 26.02.2021 г.)
5. Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 года № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021 г.). — Электронный ресурс. [Режим доступа] <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000105> (дата обращения 26.02.2021 г.)
6. Мишкковская В. В., Карпекин А. В. Место и роль института законности в административных правоотношениях ОВД Республики Казахстан // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан. — 2017. — № 2. — С. 61–63.

Весельская Н. Р.,

*экономикалық қатынастарды құқықтық реттеу кафедрасының бөлім бастығы,
профессор, заң ғылымдарының кандидаты
(Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ.)*

Сидорова Н. В.,

*экономикалық қатынастарды құқықтық реттеу кафедрасының доценті,
заң ғылымдарының кандидаты, доцент,
(Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы,
Қарағанды қ., e-mail: nsidorova75@mail.ru)*

Чиркова Е. Н.,

*(Қарағанды облыстық адвокаттар алқасының адвокаты,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ.)*

Қазақстан Республикасындағы салық, банк және атқарушылық заңнамалар арақатынасының кейбір проблемалары

Аннотация. Мақалада жүргізілген салық және алымдар туралы қазақстандық заңнамаға жасалған талдау авторларға бюджеттердің фискалдық төлемдермен толтырылуын қамтамасыз ету тетігін, сондай-ақ жария және жеке субъектілердің құқықтары мен міндеттерін іске асырудың әртүрлі нысандарын регламенттейтін коллизиялық құқықтық нормаларды анықтауға мүмкіндік берді. Салықтық, банктік және атқарушылық заңнаманы және құқық қолдану практикасын зерттеу жекелеген құқықтық нормаларды өзектілендіру қажеттігін көрсетті, бұл салық құқығын іске асыру тетігінің тиімділігін қамтамасыз етуге, салықтық құқық қолдану субъектілерінің рөлі мен маңызын күшейтуге, салық-құқықтық нормаларды іске асырудың нәтижелілігін арттыруға мүмкіндік береді.

Бапта салықтық құқық қолдануды регламенттеу мәселелері бойынша жекелеген нормативтік құқықтық актілерге өзгерістер мен толықтырулар енгізу жөніндегі ұсыныстар негізделген.

Негізгі сөздер: салықтар, салықтық құқық қолдану, салық механизмдері, салық құралдары, банктер, сот орындаушылары.

N. R. Veselskaya,

*head of Department of the Department of legal regulation of economic relations,
candidate of law, Professor*

(Karaganda economic University Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda)

N. V. Sidorova,

*associate Professor of the Department of legal regulation of economic relations,
candidate of law, associate Professor*

*(Karaganda University Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda,
e-mail: nsidorova75@mail.ru)*

E. N. Chirkova,

lawyer

(Karaganda Regional Bar Association, Republic of Kazakhstan, Karaganda)

Some problems of the correlation of tax, banking and executive legislation in the Republic of Kazakhstan

Annotation. The analysis of Kazakhstan's legislation on taxes and fees allowed the authors to identify conflict of laws regulations governing the mechanism for ensuring the filling of budgets with fiscal payments, as well as various forms of the implementation of the rights and obligations of public and private entities. The study of tax, banking and enforcement legislation and law enforcement practice has shown the need to update certain legal norms, which will ensure the effectiveness of the mechanism for implementing tax law, strengthen the role and importance of tax law enforcement entities, and increase the effectiveness of implementing tax and legal norms. The article substantiates proposals for amendments and additions to certain regulatory legal acts on the regulation of tax law enforcement.

Keywords: taxes, tax enforcement, tax mechanisms, tax instruments, banks, bailiffs.

УДК 343

Еспергенова Е. В.,

*старший научный сотрудник центра по исследованию проблем уголовной политики и профилактики преступности, НИИ, PhD., подполковник полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: yevgeniyayes@mail.ru)*

Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с хищением денежных средств со счетов банковских карт

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с хищением денежных средств со счетов банковских карт. Внимание автора акцентируется на предмете хищения, совершаемого с использованием платежных карт, установлены его признаки и особенности. Рассматриваются вопросы разграничения таких деяний, как кража, мошенничество, грабеж, разбой. Изучены вопросы, связанные с окончанием рассматриваемых преступлений. По результатам проведенного исследования автором предлагаются соответствующие рекомендации, направленные на совершенствование правоприменительной практики в вопросах квалификации рассматриваемых деяний и в целом противодействия данному виду преступной деятельности. Выводы и заключения основаны на анализе юридической литературы, материалов правоприменительной практики и опросе соответствующего круга респондентов.

Ключевые слова: законодательство, правоохранительные органы, преступление, хищения, банковская карта, счет, кража, мошенничество, обман, покушение.

Процесс всемирной экономической, политической, культурной интеграции (глобализации) на современном этапе является, с одной стороны, положительной тенденцией развития общества, с другой стороны, создаёт ряд определённых проблем негативного характера, которые значительно влияют на все сферы общества. Немаловажным направлением глобализации на сегодня является динамичное развитие системы информационных отношений, влекущее за собой внедрение новейших электронных систем и коммуникационных средств в различные сферы деятельности современного общества.

Так, одной из перспективных тенденций развития мировой компьютерной системы является появление и использование электронных средств платежа, которые активно применяются почти во всех сферах банковской системы, торговле, обслуживании населения и др. В настоящее время одним из распространенных видов электронных платежных средств, стали платежные (банковские) карты (кредитные, дебетные и предоплаченные карты).

Согласно Закону Республики Казахстан от 26 июля 2016 г. «О платежах и платежных системах» платежная карточка — это средство электронного платежа, которое содержит информацию, позволяющую ее держателю посредством электронных терминалов или других каналов связи осуществлять платежи и (или) переводы денег либо получать наличные деньги, либо производить обмен валют и другие операции, определенные эмитентом платежной карточки и на его условиях [1].

По информации Национального банка, на 1 декабря 2020 г. в обращении находилось 46,8 млн платежных карточек. Объем транзакций с использованием платежных карточек казахстанских эмитентов составил 45,5 трлн тенге, что больше, чем за аналогичный период 2019 года, на 57,7 %. Количество транзакций за 2020 г. составило почти 2778,3 млн, увеличившись по сравнению с 2019 годом на 80,4 %. При этом число безналичных транзакций в 2020 году выросло более чем в 2 раза — до 2506,9 млн операций на 30,6 трлн тенге. Держателями платежных карточек было проведено 271,3 млн операций по снятию наличных денег на сумму почти 15 трлн тенге [2].

Кроме того, следует отметить, что все большее распространение получает способ дистанционного банковского обслуживания клиентов — интернет-банкинг (мобильный банкинг), который осуществляется кредитными организациями в сети Интернет (в том числе через web-сайты). К мобильным устройствам относятся сотовые телефоны, смартфоны, планшеты, нетбуки и т. д., которые обладают небольшими размерами (что делает удобным их транспортировку), а также имеют операционную систему, которая позволяет пользоваться информационными сетями.

С помощью мобильного банкинга (Интернет-банкинга) клиенты могут самостоятельно производить различные финансовые операции, в частности, переводы между своими счетами, картами, вкладами, платежи по кредитам и кредитным картам, пополнение электронных кошельков, переводы денежных средств на счета других лиц и т. д.

В последнее время кредитные организации совершенствуют процесс автоматизации своей деятельности, связанный с внедрением банковских автоматизированных систем и технологий дистанционного обслуживания. Так, например, Каспи Банк, Halyk Bank предлагают своим клиентам посредством онлайн-обслуживания (через Интернет) получать подробную информацию о банковских продуктах (вкладах, картах, кредитах), совершать платежи (оплачивая, в частности, коммунальные услуги, связь, Интернет и цифровое телевидение).

Вместе с тем, наряду с совершенствованием дистанционного банковского обслуживания, с увеличением безналичных расчетов увеличивается и число преступлений, связанных с хищением денежных средств посредством использования кредитных и расчетных банковских карт. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что в практической деятельности часто возникают проблемы квалификации хищений денежных средств со счетов банковских карт. Практика квалификации таких действий не отличается единообразием, по-

скольку в одних случаях применяется ст. 190 УК РК «Мошенничество», в других – ст. 188 УК РК «Кража».

Так, к примеру, К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. 4 ч. 2 ст. 190 УК РК. К. представился по телефону сотрудником службы безопасности банка и заявил, что со счета клиента кто-то пытается вывести крупную сумму. Для предотвращения транзакции нужно назвать PIN-код банковской карты. Поскольку К. назвал сумму, которая находится на счету клиента М., и финансовые операции, которые тот совершал в последнее время, М. продиктовал PIN-код, вследствие чего К. похитил накопления с банковской карточки М. в сумме 2 700 000 тг [3].

Другой пример. Действия гр. Т. были квалифицированы по п. 4 ч. 2 ст. 188 УК РК. Работая официантом в одном из увеселительных заведений города Нурсултан, Т. при оплате счета посетителями с помощью POS-терминала, используя свое служебное положение, злоупотреблял доверием клиентов и списывал реквизиты их банковских карт. В дальнейшем, используя реквизиты, Т. через Интернет-банкинг совершал хищения денег с банковских карт [4].

Таким образом, нередко хищения с использованием платежных карт совершаются путем обмана или злоупотребления доверием, то есть формально лицо использует обман при изъятии денежных средств. Согласно Нормативному Постановлению Верховного Суда от 29 июня 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве» обман является способом совершения мошенничества с целью хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество. Обман может состоять в преднамеренном введении виновным в заблуждение собственника или иного владельца имущества сообщением заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в сокрытии истинных фактов, которые должны были быть сообщены собственнику либо владельцу имущества, создающих у владельца имущества или иного лица ошибочное представление о правомерности перехода имущества во владение виновного лица и (или) других лиц [5].

Злоупотребление доверием как способ мошенничества заключается в том, что виновный использует доверие, возникшее между ним и собственником или иным лицом, в ведении которого находится имущество, с целью незаконного получения чужого имущества или права на него из корыстных побуждений. Доверие владельца имущества или иного лица к мошеннику может быть вызвано различными обстоятельствами: личным знакомством, рекомендациями родственников и иных лиц, служебным положением виновного и т. д. [5].

Таким образом, хищение денежных средств с банковских карт с преднамеренным использованием обмана, введением в заблуждение собственника или иного владельца похищаемых денежных средств, на наш взгляд, следует квалифицировать как мошенничество.

Если действия виновного были тайными, то есть совершались в отсутствие собственника или иного владельца имущества либо незаметно для них, они будут квалифицированы как кража. Следовательно, в основе разграничения данных составов преступлений (кража, мошенничество) лежит способ совершения преступления.

Следует отметить, что основным объектом хищения выступает право собственности. При этом необходимо определить, что является предметом хищения: банковская карточка или безналичные денежные средства, находящиеся на счетах банковских организаций, поскольку правильное определение предмета хищения имеет принципиальное значение для квалификации действий лица, завладевшего банковской картой.

Анализ юридической литературы позволяет говорить о том, что при рассмотрении предмета хищения, мнения ученых-юристов, бесспорно, сходятся в части того, что предметом преступного посягательства по делам, связанным с хищением с банковских карт, являются денежные средства, находящиеся на расчетном счете карты банка, банковская карта, в свою очередь, выступает средством совершения преступления. С данным утверждением следует

согласиться, поскольку банковская карта сама по себе не обладает экономической ценностью, а, следовательно, признаком предмета преступления, соответственно, она не может являться таковым при любой форме хищения. Банковская карта в данном случае выступает в качестве средства совершения хищения.

Кроме того, в случае, если потерпевший введен в заблуждение или обманут, под воздействием чего сам передает злоумышленнику свою карту или сообщает персональный идентификационный номер (пин код), при этом снятие денег с банкомата происходит без присутствия потерпевшего, действия виновного также необходимо квалифицировать как мошенничество (ст. 190 УК РК).

Действия, связанные с перехватом информации с пластиковых карт, с использованием, например, «хакерских ридеров», то есть специальных устройств, способных перехватывать электронные сигналы, или специальных устройств, устанавливаемых в карточкоприемник банкомата, следует квалифицировать как кражу, совершенную путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций (п. 4 ч. 2 ст. 188 УК РК).

Если виновное лицо открыто похищает банковскую карту, при помощи насилия к потерпевшему выясняет пин-код карты, такие действия (несмотря на то, что в последующем лицо могло и не снять денежные средства с банкомата) следует квалифицировать в зависимости от обстоятельств по ст. 191 УК РК «Грабеж» или ст. 192 УК РК «Разбой».

При этом следует отметить, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, мнения ученых-юристов по поводу определения момента окончания преступления, связанного с хищением денежных средств со счетов банковских карт, расходятся. Так, В. Э. Панферчева полагает: поскольку преступники, завладев чужой банковской картой или идентификационными данными карты, могут использовать полученные безличные денежные средства для удовлетворения собственных интересов, по своему усмотрению, то в уголовно-правовом аспекте такие действия мошенников уже образуют оконченное преступление [6].

Л. В. Горбунова, в свою очередь, считает, что факт изъятия банковской карты нельзя квалифицировать как оконченное преступление, предметом которого становятся средства на счете держателя этой карты, поскольку лицо только незаконно завладело картой (как, например, ключом к чужой квартире) [7].

На наш взгляд, руководствуясь положениями действующего уголовного законодательства, следует согласиться с мнением Л. В. Горбуновой. Полагаем, что преступление будет считаться оконченным, когда будут похищены денежные средства с банковской карты, а хищение самой банковской карты или завладение ее идентификационными данными будет считаться приготовлением к совершению хищения. При этом необходимо учитывать, что вопрос об уголовной ответственности за приготовление к преступлению встает лишь в случае приготовления к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 24 УК РК «Приготовление к преступлению и покушение на преступление»). Соответственно, только в случае, если деяние связано с хищением в крупном либо особо крупном размере (кража – ч. 3, 4 ст. 188 УК РК, мошенничество – ч. 3, 4 ст. 190 УК РК), либо в содеянном усматриваются другие особо квалифицирующие признаки кражи или мошенничества, возможно привлечь лицо к уголовной ответственности. В иных случаях деяние не образует состава преступления.

Таким образом, действия, направленные на завладение банковской картой путем хищения, следует расценивать как приготовление к мошенничеству (ч. 1 ст. 24, ст. 190 УК РК), или приготовление к краже (ч. 1 ст. 24, ст. 188 УК РК) — в зависимости от направленности умысла завладеть денежными средствами определенным способом (либо путем обмана, либо тайно).

Следует иметь в виду, что законодатель признает разбой оконченным с момента нападения с целью завладения чужим имуществом, соединенного с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой непосредственного применения такого насилия, независимо от того, завладел виновный имуществом или нет, в данном случае денежными средствами. Таким образом, завладение банковской картой с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия следует расценивать как оконченный разбой.

В случае, если виновное лицо в целях завладения банковской картой применяет насилие, не опасное для жизни или здоровья, либо угрозу такого насилия, деяние, на наш взгляд, не будет расцениваться как оконченный грабеж (п. 1 ч. 2 ст. 191 УК РК), так как грабеж по конструкции является материальным составом, а банковская карта, как было отмечено выше, не является предметом хищения, то есть действия виновного следует квалифицировать как побои либо причинение легкого вреда здоровью. Однако поскольку побои и причинение легкого вреда не являются уголовно наказуемым деянием, то действия виновного будут рассматриваться в рамках административного законодательства (ст. 73-2 КоАП РК либо ст. 73-1 КоАП РК) [8].

Кроме того, как свидетельствует анализ практической деятельности, у сотрудников следственных подразделений нередко возникают вопросы в части доказывания направленности умысла виновного лица на совершение хищения денежных средств с банковских карт определенным способом и в определенных размерах. В настоящее время положения ст. 187 УК РК «Мелкое хищение», ст. 188 УК РК «Кража», ст. 190 УК РК «Мошенничество», ст. 191 УК РК «Грабеж», ч. 2 ст. 24 «Приготовление к преступлению и покушение на преступление» не позволяют привлечь к уголовной ответственности лицо, похитившее банковскую карту или завладевшее ее идентификационными данными и получившее по ней сумму, не превышающую двух месячных расчетных показателей (5,834 тенге), либо которое не смогло завладеть денежными средствами потерпевшего, в связи с тем, что на момент хищения банковской карты или на момент завладения ее идентификационными данными денежные средства отсутствовали на счете ее держателя. Привлечение к уголовной ответственности за приготовление к хищению в данной ситуации возможно, если виновному было достоверно известно, что на этот счет в дальнейшем поступят денежные средства именно в крупном размере, что в рамках доказывания будет сделать очень сложно.

Таким образом, с учетом изложенного, учитывая динамичное развитие системы информационных отношений, в целях совершенствования правоприменительной практики и исключения проблем в деятельности сотрудников следственных органов считаем целесообразным в виде исключения, только применительно к такого рода деяниям, как хищения денежных средств со счетов банковских карт, закрепить в разъяснениях Нормативного постановления Верховного Суда положение о том, что при мошенничестве либо краже денежных средств с использованием информационных систем либо банковских карт банковская карта должна признаваться предметом преступления.

Следует отметить, что в результате проведенного нами опроса подавляющее большинство сотрудников правоохранительных органов (78 % респондентов) на вопрос: «Считаете ли вы целесообразным закрепить уголовную ответственность за хищение банковской карты или завладение идентификационными данными карты с целью дальнейшего ее использования» ответили положительно.

Полагаем, что изложенное заслуживает внимания законодателя и послужит совершенствованию правоприменительной практики, в результате чего рассматриваемое правонарушение получит соответствующую правовую оценку, а назначенное наказание будет соответствовать принципу справедливости и неотвратимости.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 26 июля 2016 года № 11-VI ЗРК «О платежах и платежных системах» [Электронный ресурс] // Информационно правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» URL: <http://adilet.zan.kz> (дата обращения 18.03.2021).
2. Зачем и для кого в Казахстане создается собственная платежная система [Электронный ресурс] // Курсив URL: <https://kursiv.kz/news/finansy/2021-01/> (дата обращения 18.03.2021).
3. Мошенники похитили у пенсионера в СКО огромные деньги. [Электронный ресурс] // Литер Новости Казахстана URL: <https://liter.kz> (дата обращения 18.03.2021).
4. Официант в Нур-Султане похищал деньги с банковских карт клиентов. [Электронный ресурс] // Эхо Казахстана URL: <https://ehonews.kz/> (дата обращения 18.03.2021).
5. Нормативное Постановление Верховного Суда от 29 июня 2017 года № 6 «О судебной практике по делам о мошенничестве» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» URL: <http://adilet.zan.kz> (дата обращения 18.03.2021).
6. Панферчева В. Э. Особенности уголовной ответственности за хищения с банковской карты // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2019. Т. 7. — № 1 (25) URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 18.03.2021).
7. Горбунова Л. В. Вопросы квалификации хищений с использованием банковских карт // Магистр юридический вестник. — 2016. № 1(16). — С. 45–47.
8. Кодекс об административных нарушениях Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» URL: <http://adilet.zan.kz> (дата обращения 18.03.2021).

Еспергенова Е. В.,

Ғылыми-зерттеу институтының қылмыстық саясат және қылмыстың алдын алу мәселелерін зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, PhD, полиция подполковнигі (Қазақстан Республикасы ИІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: yevgeniyayes@mail.ru)

Банктік карточкалық шоттардан ақша бопсалауға байланысты бірнеше біліктілік сұрақтары

Аннотация. Мақалада банк карталарының шоттарынан ақша ұрлаумен байланысты қылмыстарды саралаудың кейбір мәселелері қарастырылған. Автордың назары төлем карталарын пайдалана отырып жасалатын ұрлау нысанасына аударылады, оның белгілері мен ерекшеліктері белгіленеді. Жұмыста ұрлық, алаяқтық, тонау, қарақшылық сияқты әрекеттерді ажыратуға байланысты мәселелер қарастырылады. Қарастырылған қылмыстардың аяқталуына байланысты мәселелер зерттелді. Зерттеу нәтижелері бойынша автор кеңейтілген әрекеттерді саралау және жалпы қылмыстық әрекеттің осы түріне қарсы тұру мәселелерінде құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге бағытталған тиісті ұсыныстарды ұсынады. Қорытындылар мен қорытындылар құқықтық әдебиеттерді, құқық қолдану практикасының материалдарын талдауға және респонденттердің тиісті тобына сауалнама жүргізуге негізделген.

Негізгі сөздер: заңнама, құқық қорғау органдары, қылмыс, ұрлық, банк картасы, есепшот, ұрлық, алаяқтық, алдау, әрекет.

Y. V. Yespergenova,

*Senior Researcher, Center for research of problems of criminal policy and crime prevention,
Research Institute, PhD, Police Lieutenant Colonel
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: yevgeniyayes@mail.ru)*

**Some questions of qualification of crimes related
to theft of funds from bank card accounts**

Annotation. In the article, the author discusses some issues of qualification of crimes related to the theft of funds from bank card accounts. The author's attention is focused on the subject of theft committed using payment cards, its signs and features are established. The paper deals with issues related to the differentiation of such acts as theft, fraud, robbery, robbery. The issues related to the end of the crimes under consideration are considered. Based on the results of the study, the author proposes appropriate recommendations aimed at improving law enforcement practice in matters of qualification of the acts in question and, in general, counteraction to the considered type of criminal activity. The conclusions and conclusions are based on the analysis of legal literature, materials of law enforcement practice and a survey of the corresponding circle of respondents.

Keywords: legislation, law enforcement agencies, crime, theft, bank card, account, theft, fraud, deception, attempt.

УДК 343.72

Жолжаксынов Ж. Б.,

*начальник центра по исследованию проблем уголовной политики и профилактики
преступности НИИ, PhD, капитан полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: jandoss@inbox.ru);*

Жунусов Е. Б.,

*председатель Карагандинского областного филиала Республиканского общественного
объединения «Казахстанский союз юристов», PhD
(г. Караганда, Республика Казахстан)*

**Хищение посредством использования информационно-коммуникационных
технологий в уголовном законодательстве Республики Казахстан**

Аннотация. В настоящее время, особенно в условиях пандемии, в Республике Казахстан заметно увеличился интерес к исследованию проблем противоправного использования информационных систем или информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций с целью незаконного обогащения, что также связано с ростом количества случаев совершения соответствующих деяний. По мнению специалистов в данной сфере, резкое возрастание объема электронных платежей привело к тому, что стали появляться новые формы мошеннических действий, связанных со стремлением завладеть конфиденциальными данными клиентов онлайн-банкинга. В статье обоснована необходимость обособления в Уголовном кодексе РК нового вида хищения — «хищения в информационной сети». Соответствующие квалифицирующие признаки из состава кражи и мошенничества должны быть изъяты и включены в новый состав уголовного правонарушения.

Ключевые слова: хищение; электронные денежные средства; информационные технологии; компьютерное мошенничество; квалификация преступлений; кража.

В последние годы заметно активизировались исследования по вопросу криминального использования информационных ресурсов с целью незаконного обогащения, что, конечно, связано и с ростом количества случаев совершения соответствующих деяний. Как указывают исследователи, резкое возрастание в последние годы объема электронных платежей привело к тому, что стали появляться новые формы мошеннических действий, связанных со стремле-

нием завладеть конфиденциальными данными клиентов онлайн-банкинга [1, с. 17]. В настоящее время квалифицирующий признак использования информационно-коммуникационных технологий предусмотрен в двух формах хищений: кража (п. 4) ч. 2 ст. 188 УК РК) и мошенничество (п. 4) ч. 2 ст. 190 УК РК). При этом гипотетически данный признак может иметь место и в составах присвоения или растраты (в частности, если лицо имеет доступ к конфиденциальной информации, необходимой для завладения чужим имуществом или имущественными правами), а также в составе вымогательства. В последнем случае речь должна идти не об использовании информационно-коммуникационных ресурсов для доведения для потерпевшего требований вымогателя. В целом, в теории уголовного права превалирует точка зрения, что форма доведения содержания угрозы до потерпевшего не имеет определяющего значения. В данном случае соответствующий квалифицирующий признак в большей степени должен означать, что потерпевший передает те или иные имущественные блага с помощью соответствующих технологий, опасаясь приведения угрозы в исполнение.

Оценивая факт включения соответствующих квалифицирующих признаков в составы хищений чужого имущества, следует признать, что в данном случае имеет место своего рода «частичная криминализация», поскольку и при отсутствии данных признаков непосредственно в тексте уголовного закона правоприменитель (особенно суд при назначении наказания) должен был бы учитывать особый характер способа совершения соответствующего деяния. Как указывают исследователи, основанием для криминализации того или иного деяния всегда является появление новых, недавно возникших (объективировавшихся) угроз существующим общественным отношениям [2, с. 243]. Дополнительным фактором, который учитывается в рамках методологии установления уголовно-правовых запретов, является достижение определенной степени распространенности соответствующего деяния (данный признак при всей его типичности, тем не менее, является вторичным и имеет вспомогательное значение, поскольку далеко не всегда непосредственно влияет на решение о криминализации). До настоящего времени основополагающим критерием криминализации является наличие той степени общественной опасности деяния, которая требует установления уголовно-правового запрета за его совершение. Исследователи традиционно обосновывают значимость уголовно-правового запрета, поскольку именно благодаря ему, в конечном итоге, фиксируется повышенная степень общественной опасности преступления по сравнению с иными правонарушениями [3, с. 725; 4, с. 144].

Однако мы в рамках настоящей статьи ставим вопрос не столько о целесообразности учета фактора использования информационно-коммуникационных технологий при совершении хищений, сколько о возможности видового обособления соответствующей формы хищения как обладающей признаками, способными качественно отличить ее от всех иных форм.

Исследователи указывают, что при совершении посягательств посредством информационных технологий (подавляющее большинство которых связаны с причинением имущественного ущерба), как правило, отсутствует реальный контакт между виновным и потерпевшим, поскольку он заменяется виртуальными средствами идентификации [5, с. 18]. В целом, ученые замечают тенденцию, что в структуре хищения с каждым годом начинают заметно возрастать «бесконтактные» и весьма завуалированные формы криминального поведения, которые в большинстве своем имеют признаки состава мошенничества [6, с. 36]. Казахские исследователи в последние годы также обращают внимание на тот факт, что очевидный рост различного рода мошеннических действий, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий, свидетельствует о том, что уголовный закон имеет пробелы в контексте криминализации соответствующих форм общественно опасного поведения.

Так, в частности, Ж. Ю. Сайлибаева, М. Серикболкызы, рассуждая о недостатках уголовно-правового регулирования мошеннических действий, указывают, что «речь идет о про-

тивоправных деяниях в сфере высоких технологий (фрикерство, хакерство и радиопиратство). Данные деяния с полной уверенностью можно отнести к мошенничеству» [7]. При этом традиционное понимание мошеннического обмана как формирования у потерпевшего ложного представления об имеющих место фактах, введения его в заблуждение остается неизменным, меняется только механизм совершения хищения [8, с. 527]. При этом следует принимать во внимание тот факт, что совершение обманных действий в «обезличенной» среде информационно-коммуникационных технологий имеет практически бесконечный ресурс. В данном случае имеет значение, что сам факт алгоритмизации тех или иных действий (операций) приводит к определенному автоматизму в поведении, который неизбежно снижает бдительность лица, использующего электронные средства расчета и иные возможности информационных систем.

Диапазон мошеннических действий, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий, весьма велик: создание фэйковых сайтов, предоставляющих те или иные услуги; sms-оповещения о проведении тех или иных акций; продажа «оздоровительных курсов», а также различных лекарственных препаратов, биологически активных добавок и многие другие формы. Причем возможны и «обезличенные» формы мошенничества, рассчитанные на максимальное привлечение как можно большего количества потенциальных потерпевших, и адресные формы обманного воздействия (например, звонок, в котором сообщается, что близкий человек попал в беду, и требуется перечислить определенную денежную сумму для решения вопроса).

В Республике Казахстан систематический статистический учет хищений, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий, ведется только последние несколько лет. Для сравнения приведем также статистические данные стран ближнего зарубежья — Российской Федерации и Республики Беларусь. Так, например, к 2018 г., по данным Генпрокуратуры РФ, количество преступлений, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий, составило уже 4,4 % (то есть фактически каждое 20-е совершенное преступление).

При этом следует отметить, что включение в УК РФ специального состава мошенничества (ст. 159.3 УК РФ «Мошеннические действия, совершенные с использованием электронных средств платежа») привело к резкому возрастанию случаев регистрации соответствующих деяний. Так, в частности, указывается, что в первом полугодии 2018 г. их количество выросло в 7 раз по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года [9]. Аналогично, по данным МВД Республики Беларусь, в 2018 г. хищения составили 75,8 % от общего количества преступлений, совершаемых посредством использования информационно-коммуникационных технологий [10].

По данным МВД Республики Казахстан, размещаемым в доступных информационно-коммуникационных ресурсах, в Казахстане в последние годы также имеет место резкий скачок случаев мошеннических действий (преимущественно в плане утечки персональных данных и хищения денежных средств). Так, в 2020 г. было зарегистрировано более 12 тысяч онлайн-преступлений, что на 58 % больше, чем в 2019 г. Сумма ущерба по оконченным уголовным делам составила 24 млн. тенге [11]. С января 2021 г. уже совершено свыше 1700 такого рода уголовных правонарушений [12].

Интересен также тот факт, что, учитывая криминологические данные относительно преобладающей возрастной группы лиц, совершающих хищения посредством использования информационно-коммуникационных технологий, в Республике Беларусь соответствующие деяния отнесены к группе преступлений с пониженным возрастом уголовной ответственности (14 лет). Данное решение белорусского законодателя находит поддержку у современных исследователей именно потому, что отражает тенденции соответствующего сегмента пре-

ступности, для которого характерна преступная деятельность именно лиц молодого (даже подросткового) возраста [13, с. 75].

В целом следует признать, что в криминологическом плане такой сегмент преступности, которую условно принято называть «киберпреступностью», с каждым годом набирает обороты, причем в ее структуру начинают входить все новые и новые формы общественно опасно поведения. При этом киберпреступность ежегодно (если не более быстрыми темпами) существенно меняется, трансформируется, усложняется. Те деяния, которые ранее относились к достаточно сложным по механизму исполнения элементам киберпреступности, постепенно становятся повседневной реальностью, а на смену им появляются новые формы, требующие своевременного реагирования и учета в структуре уголовно-правовых запретов. Так или иначе, корыстный мотив, стремление незаконного и быстрого обогащения с необходимостью приводит к тому, что именно различного рода хищения (преимущественно мошенничества) составляют подавляющую долю всех деяний в структуре киберпреступности (на втором месте — распространение вредоносных программ, вирусов с целью блокирования, приведения в негодность, взлома той или иной информационной системы). Учитывая указанные обстоятельства, будет закономерным утверждение о том, что соответствующие деяния (хищения с использованием информационно-коммуникационных систем) требуют самостоятельного от других форм хищений учета. Это необходимо, в том числе, и для оценки уровня кибернетической преступности в стране.

Распространенность соответствующих деяний является значимым, но не единственным фактором, свидетельствующим о необходимости самостоятельной видовой дифференциации хищений, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий. Исследователи практически единодушно указывают на повышенную степень общественной опасности соответствующих посягательств, которая формируется по причине высокой степени «скрытости» преступных деяний не только от потерпевших, но и от правоохранительных органов [14, с. 71]. В целом, можно признать, что данная криминальная сфера деятельности формирует особый, качественно новый тип преступника, обладающего большим объемом познаний в контексте эксплуатации информационно-коммуникационных ресурсов, в том числе и причинения вреда их пользователям. Факт «обезличенности» сферы кибернетического пространства, как правило, не останавливает пользователей, поскольку проведение электронных платежей, электронный документооборот обладают значительными преимуществами в плане комфортности их осуществления и существенной экономии реальных ресурсов. Именно этими обстоятельствами и пользуются лица, совершающие анализируемый вид хищений. Не лишним будет также указать, что пространственные параметры совершения преступления (которые неизбежно имеют место при обычных формах хищений), в случае совершения хищения посредством информационно-коммуникационных технологий утрачивают свое значение. То есть данные деяния становятся как бы «вне пространства», что неизбежно приводит к транснациональному характеру соответствующей преступности, еще более усложняющему деятельность правоохранительных органов по выявлению, пресечению и профилактике данной группы преступлений.

Следовательно, в контексте хищений, совершаемых посредством использования информационно-коммуникационных систем, имеет место такой критерий их обособления, как способ совершения. В этом смысле мы согласны с мнениями исследователей, отстаивающих в своих работах необходимость формулировки в уголовном законе новой формы хищения — хищения с использованием информационных (компьютерных) технологий [15, с. 173].

Наглядный критерий для выделения хищений, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий, в отдельный вид — это специфический способ их совершения, который приводит к образованию качественно нового уголовно-правового явления. Причем данный способ, безусловно, обладает явным качественным отличием от других спо-

собов. Полагаем, что вопрос обособления хищений подобного рода в отдельный вид (в случае принятия соответствующего законодательного решения) будет иметь даже несколько запоздалый характер.

Так, исследователи совершенно справедливо указывают, что объем безналичного денежного оборота из года в год неуклонно возрастает, и именно безналичные средства становятся объектами хакерских атак, приводящих к утрате собственником соответствующего денежного эквивалента [16, с. 48]. При этом нам также представляется убедительной позиция ученых, которые полагают, что уязвимость пользователей информационно-коммуникационных систем приводит к резкому ежегодному возрастанию данных видов хищений, в связи с чем ставить параметры уголовной ответственности за них в зависимость от суммы реально причиненного ущерба было бы неверным [17, с. 125]. Мы в данном ключе, в целом, согласны с такой точкой зрения.

Резюмируя приведенные аргументы, считаем, что в УК РК должна быть обособлена новая форма хищения чужого имущества — хищение посредством использования информационно-коммуникационных технологий. Таким образом, соответствующие квалифицирующие признаки из состава кражи и мошенничества должны быть изъяты и включены в новый состав уголовного правонарушения. Данная форма хищения будет обладать достаточно высокой степенью статичности, поскольку сам технологический вектор развития общества (с учетом сохраняющегося доминирования корыстной мотивации в криминальных актах) дает основания для соответствующих прогнозов.

Список использованной литературы:

1. Атагимова Э. И., Потемкина А. Т., Цопанова И. Г. «Кража личности» как самостоятельное преступление или разновидность мошенничества // Правовая информатика. — 2017. — № 3. — С. 14–22.
2. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 339 с.
3. Крылова Н. Е. Существует ли уголовное право «в широком смысле слова» // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: Мат-лы 5-го Российского конгресса уголовного права. — М.: Проспект, 2010. — С. 721–727.
4. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: Монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 152 с.
5. Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. О нетипичных аспектах соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2017. — № 5(61). — С. 17–21.
6. Белокопытов В. В., Филипшенков В. М. Особенности совершения и предупреждения киберпреступлений // ИБ «Комментарии законодательства». — Минск: ООО «ЮрСпектр», 2019. — С. 36.
7. Сайлибаева Ж. Ю., Серикболкызы М. Мошенничество: пробелы в законодательстве Республики Казахстан // <https://articlekz.com/article/18695>
8. Борчашвили И. Ш. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть: Курс лекций. — Алматы: Жеті жарғы, 2006. — 632 с.
9. О преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, коммуникационных технологий // <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104>.
10. Министерство внутренних дел Республики Беларусь // <http://mvd.gov.by/main.aspxguid-3311.08.08.2020>.
11. В период пандемии в Казахстане активизировались интернет-мошенники // <https://fingramota.kz/ru/news/post/v-period-pandemii-v-kazahstane-aktivizirovalis-internet-moshenniki>
12. Случаи совершения киберпреступлений участились в Казахстане // https://www.inform.kz/ru/sluchai-soversheniya-kiberprestupleniy-uchastilis-v-kazahstane_a3753267

13. Гриб Д. В. Социальная обусловленность норм законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий // Евразийская адвокатура. — 2019. — № 2(39). — С. 74–78.

14. Хилота В. В. Практика правоприменения нормы о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями // Судовы веснік. — 2007. — № 4. — С. 69–73.

15. Иногамова-Хегай Л. В. Квалификация преступлений с использованием компьютерных технологий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Мат-лы междунаrod. науч.-практ. конф. — М.: МГЮА, 2006. — С. 172–179.

16. Иванов И. С., Рязанцева С. В. Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств // Российский следователь. — 2018. — № 8. — С. 46–50.

17. Чернякова А. В. Актуальные вопросы уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 3(49). — С. 124-130.

Жолжақсынов Ж. Б.,

ФЗИ Қылмыстық саясат және қылмыстың алдын алу проблемаларын зерттеу орталығының бастығы, PhD, полиция капитаны (Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: jandoss@inbox.ru);

Жүнісов Е. Б.,

«Қазақстан заңгерлер одағы» Республикалық қоғамдық бірлестігінің Қарағанды облыстық филиалының төрағасы, PhD (Қарағанды қаласы, Қазақстан Республикасы)

Қазақстан Республикасының Қылмыстық заңнамасындағы ақпараттық-байланыс технологияларын қолдану арқылы жасалатын жымқыру

Аннотация. Қазіргі таңда, әсіресе пандемия жағдайында Қазақстан Республикасында заңсыз баю мақсатында ақпараттық жүйелерді немесе телекоммуникация желілері бойынша берілетін ақпаратты заңсыз қолдану мәселелерін зерттеуге қызығушылық айтарлықтай артты, бұл және тиісті әрекеттерді жасау жағдайларының санының артуымен де байланысты болып отыр. Осы саладағы мамандардың пікірі бойынша электронды төлем жасау көлемінің шұғыл түрде өсуі онлайн-банкинг клиенттерінің құпия мәліметтерін иемдену құлшынысымен байланысты алаяқтық әрекеттерінің жаңа нысандарының пайда болуына алып келді. Мақалада Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінде жымқырудың жаңа түрін — «ақпараттық желідегі жымқыруды» бөліп шығару қажеттілігі негізделеді. Ұрлық пен алаяқтық құрамдарынан тиісті саралау белгілері алынып, қылмыстық құқық бұзушылықтың жаңа құрамына енгізілуі керек.

Негізгі сөздер: жымқыру; электрондық ақша қаражаты; ақпараттық технологиялар; компьютерлік алаяқтық; қылмыстарды саралау; ұрлық.

Zh. B. Zholzhaxynov,

*Head of the Center for Research of Problems of Criminal Policy and Crime Prevention
of the Research Institute, PhD., police captain
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the
Republic of Kazakhstan named after B. Beysenov, e-mail: jandoss@inbox.ru);*

E. B. Zhunussov,

*Chairman of the Karaganda regional branch of the Republican Public Association
«Kazakhstan Union of Lawyers», PhD
(city of Karaganda, Republic of Kazakhstan)*

Embezzlement through the use of information and communication technologies in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan

Annotation. At present, especially in the context of the pandemic in the Republic of Kazakhstan, there has been a noticeable increase in interest in studying the problems of illegal use of information systems or information transmitted over telecommunications networks for the purpose of illicit enrichment, which is also associated with an increase in the number of cases of committing relevant acts. According to experts in this field, the sharp increase in the volume of electronic payments has led to the fact that new forms of fraudulent actions related to the desire to seize confidential data of online banking customers have begun to appear. The article substantiates the need to separate a new type of theft in the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan — «theft in the information network». The relevant qualifying signs from the composition of theft and fraud should be removed and included in the new composition of the criminal offense.

Keywords: theft; electronic money; information technologies; computer fraud; qualification of crimes; theft.

УДК 343

Корнейчук С. В.,

*старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности*

*(Костанайская академия МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева,
Республика Казахстан, г. Костанай, e-mail: korneychuk-sergey@mail.ru);*

Колесников Ю. Ю.,

*декан факультета экономики и права, кандидат юридических наук
(Торайгыров-университет, Республика Казахстан, г. Павлодар);*

Тузельбаев Н. О.,

*директор ТОО «ЮКЕН», кандидат юридических наук
(Республика Казахстан, г. Алматы)*

Основной критерий оценки деятельности участкового инспектора полиции по привлечению граждан к охране общественного порядка

Аннотация. Актуальность темы настоящей статьи содержится в ряде программных документов, определяющих основные направления деятельности ОВД. Особое значение в этой связи приобретает институт оценки деятельности сотрудников полиции, осуществляющих публичную службу по охране общественного порядка. В статье обосновано, что следует внедрить новые современные форматы работы с населением, кардинально изменить критерии оценки участковых инспекторов полиции. Ключевыми параметрами оценки работы участковых инспекторов полиции должны стать уровень доверия со стороны общества и чувство безопасности у населения. В заключении статьи сделаны выводы по содержанию основного критерия оценки деятельности службы участковых инспекторов полиции, по привлечению граждан к охране общественного порядка по пяти показателям.

Ключевые слова: общественный помощник полиции, охрана общественного порядка, критерий оценки работы, мнение населения, количественный показатель, динамика показателя, индикатор деятельности.

Основной составляющей частью повышения эффективности деятельности службы участковых инспекторов полиции (далее — УИП) по охране общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, а также защиты прав и свобод граждан, является факт участия в этой деятельности общественных формирований правоохранительной направленности. После развала СССР участковые инспектора полиции долгое время оставались один на один с преступностью, так как общественные формирования правоохранительной направленности лишились государственного стимулирования, они практически прекратили свое действие.

Процесс расширения возможностей общества принимать участие в поддержании правопорядка должен стать частью реформы местной полицейской службы. Наличие общественных помощников полиции у участковых инспекторов полиции (далее — УИП) позволит более эффективно реализовать принцип «полиции в шаговой доступности», провозглашенный Президентом Республики Казахстан К. К. Токаевым в своем ежегодном Послании народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий» [1].

Это, безусловно, поможет повысить статус службы УИП, а также предоставит сотрудникам местной полицейской службы все возможности для эффективной и продуктивной работы по охране общественного порядка и профилактике правонарушений. Но, возникает обоснованный вопрос о показателях и индикаторах оценки деятельности УИП по привлечению граждан к участию общественного порядка и профилактики правонарушений.

Основным нормативным документом, регулирующим механизм привлечения населения для поддержания правопорядка, в том числе тех общественных формирований по охране общественного порядка и профилактики правонарушений, является Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 года № 590 «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка». В этом законе определены полномочия органов государственной власти, в том числе и органов внутренних дел, в отношении порядка привлечения населения к охране общественного порядка, порядок создания и регистрации общественных формирований [2].

Основные функции, права и обязанности их членов, а также основы правовых гарантий и социальной защиты граждан, участвующих в этих формированиях подробно урегулированы и утверждены приказом МВД РК № 641 от 27 ноября 2004 года «Об утверждении Правил о порядке, формах и видах привлечения граждан к мероприятиям по обеспечению общественного порядка» [3].

Но, несмотря на то, что правовые основания деятельности общественных помощников полиции существуют, в них нет четких индикаторов оценки их деятельности, и не ясно по каким показателям следует оценивать работу УИП по привлечению граждан к поддержанию правопорядка. В третьем разделе Постановления Правительства Республики Казахстан от 24 декабря 1996 года № 1598, в котором предусмотрены критерии оценки деятельности участковых инспекторов полиции, вообще не предусмотрен такой критерий [4].

По нашему мнению, так как деятельность участкового инспектора полиции финансируется из местного бюджета, и он назначается на должность с учетом мнения населения в соответствии с требованиями приказа Министра внутренних дел Республики Казахстан от 17 июля 2014 года № 438, то и оценивать его деятельность, должно гражданское общество. В ходе отчета УИП, также необходимо давать оценку деятельности гражданам, принимающим участие в поддержании правопорядка. Целями введения такой процедуры в процессе назначения участкового инспектора полиции на должность является:

- 1) построение и развитие партнерских отношений между полицией и населением в процессе разработки и реализации мер по обеспечению общественной безопасности;
- 2) повышение ответственности участковых инспекторов полиции перед гражданами;
- 3) рост доверия населения к деятельности местной полицейской службы ОВД;
- 4) реализация сервисных подходов деятельности по оказанию правоохранительных услуг населению [5].

При проведении УИП отчета перед населением, он должен довести до сведения гражданского общества о роли граждан в поддержании правопорядка и конкретные показатели деятельности общественных помощников полиции. УИП следует предложить законопослушному населению принимать участие в мероприятиях по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также разъяснить порядок оформления и меры социальной защиты общественных помощников полиции. Поэтому мы считаем, что в Постановлении Правительства от 6 ноября 2018 года № 723 необходимо предусмотреть три оценки деятельности УИП по работе с общественными формированиями и гражданами, участвующими в охране правопорядка, в виде: высокоэффективно, эффективно и неэффективно [6].

Кроме того, мы полагаем, что оценку деятельности УИП должны давать не только местное сообщество, то есть население административного участка, но и члены Общественного совета, которые впервые заработали в Республике Казахстан с 1 января 2016 года на основании Закона Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года № 383 «Об Общественных советах». Общественные советы – консультативно-совещательные, наблюдательные органы, образуемые министерствами, центральными исполнительными органами, не входящими в состав Правительства РК, органами, непосредственно подчиненными и подотчетными Президенту РК, а также органами местного государственного управления по вопросам их компетенции, за исключением государственных органов, указанных в части второй настоящего пункта, совместно с некоммерческими организациями, гражданами [7].

Мы согласны с мнением М. Д. Тулешева, который пришел к выводам, что «В сознании граждан необходимо укрепить принцип, что полицейский не карает, а помогает в трудной ситуации. При городских и районных органах внутренних дел нужно создать комфортные условия для приема граждан по принципу ЦОНов, то есть фронт-офисы. Города Казахстана необходимо обеспечить системами мониторинга общественной безопасности. Ключевыми параметрами оценки работы полиции реализуется установление уровня доверия со стороны общества и чувства безопасности у населения. Сейчас особое внимание придается обоснованной необходимости модернизации правоохранительной системы, где главным критерием является низкий уровень доверия населения» [8, с. 359].

Кроме основного показателя оценки работы с общественными формированиями правоохранительной направленности не следует отказываться от количественного показателя. Но количественный показатель деятельности граждан, участвующих в охране общественного порядка, должен считаться факультативным по отношению к основному показателю, которым должна являться оценка мнением населения, проживающего на административном участке.

Во-первых, эта деятельность должна измеряться по количеству оформленных (привлеченных) граждан к поддержанию правопорядка и действующих общественных формирований правоохранительной направленности на административном участке. Причем динамика этого показателя должна быть положительной по сравнению с аналогичным показателем прошлого года.

Во-вторых, необходимо учитывать работу УИП по количеству раскрытых уголовных и административных правонарушений по сообщениям, полученным от общественных помощников полиции. Здесь индикатором оценки деятельности должен являться удельный вес рас-

крытых таких правонарушений по отношению к общему числу совершенных преступлений и правонарушений, совершенных на административном участке за оцениваемый период.

Количественные показатели общественных помощников полиции, по объему предупрежденных, пресеченных, выявленных и раскрытых преступлений и административных правонарушений, следует связывать с показателями УИП, так как в основном они их достигают в ходе совместной деятельности. Люди нарушали закон всегда во все времена, нарушают сейчас и будут совершать уголовные и административные правонарушения в будущем времени, но надо стремиться к тому, чтобы минимизировать любую деликтность. Поэтому если расчетная динамика совершаемых преступлений и правонарушений по сравнению с аналогичными отчетными периодами прошлых годов будет снижаться, то и работу УИП и граждан, привлеченных к поддержанию правопорядка, следует оценивать положительно. Поэтому же принципу можно определять их профессиональный потенциал с целью определения слабых мест в работе УИП и адекватно реагировать на них.

Но не всегда следует оценивать отрицательно деятельность общественных помощников УИП в случаях роста совершенных уголовных и административных правонарушений, если это вызвано вполне прогнозируемыми причинами. Например, после амнистии, которых со дня провозглашения Независимости в Казахстане было проведено 10 раз, всегда происходил рост уголовной и административной деликтности. Поэтому оценивая деятельность УИП и граждан, участвующих в охране общественного порядка, по исследуемому показателю, следует тщательно анализировать пояснительные записки к динамике о совершенных уголовных и административных правонарушениях.

Таким образом, критерий оценки деятельности службы участковых инспекторов полиции, по привлечению граждан к охране общественного порядка, должен состоять из следующих показателей:

- 1) оценка населения административного участка, полученная в ходе отчета участкового инспектора полиции перед населением, о работе граждан, вовлеченных в процесс обеспечения общественного порядка;
- 2) количество оформленных (привлеченных) граждан к поддержанию правопорядка на закрепленном административном участке;
- 3) количество действующих общественных формирований правоохранительной направленности на административном участке;
- 4) количество раскрытых уголовных правонарушений по сообщениям, полученным от общественных помощников полиции;
- 5) количество выявленных административных правонарушений по сообщениям, полученным от граждан и общественных помощников полиции.

Список использованной литературы:

1. Токаев К.-Ж. Казахстан в новой реальности: время действий: Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g
2. Об участии граждан в обеспечении общественного порядка: Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 года № 590 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000590_
3. Об утверждении Правил о порядке, формах и видах привлечения граждан к мероприятиям по обеспечению общественного порядка: Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан № 641 от 27 ноября 2004 г. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011392>
4. О повышении роли участковых инспекторов полиции органов внутренних дел в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности: Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 декабря 1996 г. № 1598 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P960001598_

5. Об утверждении Правил назначения участковых инспекторов полиции: Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 17 июля 2014 года № 438 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1400009696>.

6. Об утверждении Правил организации и проведения отчетов начальника департамента полиции области, города республиканского значения, столицы, городского, районного, районного в городе органа полиции и участкового инспектора полиции перед населением: Постановление Правительства РК от 6 ноября 2018 года № 723 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000723>

7. Об общественных советах: Закон Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года № 383-V // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000383>

8. Тулешев М. Д. Подбор и подготовка кадров по формированию нового стандарта полицейского // Совершенствование деятельности правоохранительных органов с учетом современных реалий: Мат-лы МНПК от 15 ноября 2019 года. — Актобе, 2019. — С. 357–359. (430 с).

Корнейчук С. В.,

*әкімшілік құқық және әкімшілік қызметі кафедрасының аға оқытышусы
(Қазақстан Республикасы ІІМ Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қостанай қ., e-mail: korneychuk-sergey@mail.ru);*

Колесников Ю. Ю.,

*экономика мен құқық факультетінің деканы заң ғылымдарының кандидаты
(Торайғыров университеті, Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.);*

Тузельбаев Н. О.,

*ЖШС «ЮКЕН» директоры, заң ғылымдарының кандидаты
(Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)*

Азаматтарды қоғамдық тәртіпті қорғауға тарту жөніндегі учаскелік полиция инспектор қызметінің негізгі бағалау өлшемі

Аннотация. Мақала тақырыбының өзектілігі ішкі істер басқармасы қызметінің негізгі бағыттарын анықтайтын бірқатар бағдарламалық құжаттарда қамтылған. Қоғамдық тәртіпті қорғау бойынша көпшілік қызметін жүзеге асыратын полиция қызметкерлерінің қызметін бағалау институты ерекше маңызды. Мақалада халықпен жұмыс жасаудың жаңа заманауи форматтарын енгізу, учаскелік полиция инспекторларын бағалау өлшемдерін түбегейлі өзгерту қажет екендігі дәлелденеді. Халықтың сенімі мен тұрғындар арасындағы қауіпсіздік сезімі учаскелік полиция инспектор жұмысын бағалаудың негізгі параметрлері болуы тиіс. Мақаланың қорытындысында учаскелік полиция инспекторлары қызметін бағалаудың негізгі критерийінің мазмұнына, бес көрсеткіш бойынша азаматтарды қоғамдық тәртіпті қорғауға тарту туралы қорытынды жасалды.

Негізгі сөздер: қоғамдық полиция көмекшісі, қоғамдық тәртіпті қорғау, қызметті бағалау критерийі, қоғамдық пікір, сандық көрсеткіш, индикатор динамикасы, белсенділік индикаторы.

S. V. Korneichuk,

*Senior lecturer of the Administrative Law and Administrative Activities Department
(Kostanay academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after Sh. Kabyrbayev, Kostanay, e-mail: korneychuk-sergey@mail.ru)*

Yu. Yu. Kolesnikov,

*Dean Faculty of Economics and Law, Candidate of Law
(Toraighyrov University, Republic of Kazakhstan, Pavlodar)*

N. O. Tuzelbayev,

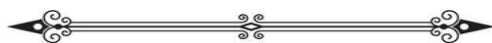
*CEO of LLP «LCEN», Candidate of Law
(Republic of Kazakhstan, Almaty)*

Citizens involvement in the maintenance of public order as the main assessing criterion for the activities of the district police inspector

Annotation. The importance of the article topic is contained in a number of policy documents that determine the main activity directions of the Internal Affairs Directorate. In this regard, the institution of po-

lice officers' activity assessing, whose task is carrying out public service for the protection of public order, acquires special importance. The article substantiates the necessity of introducing new modern formats of work with the population; radically change the assessing criteria of district police inspectors. The key evaluating features of the district police inspectors' work should be the level of public trust and a sense of security among the population. Conclusions of the article are drawn on the content of the main assessing criterion for the service activities of the district police inspectors, involving citizens in protecting public order according to five indicators.

Keywords: public police assistant, public order and security, activity assessment criterion, population opinion, quantitative indicator, indicator dynamics, activity indicator.

УДК 343.847

Муканов М. Р.,

*доцент кафедры уголовного права и организации исполнения наказания,
доктор философии (PhD), подполковник полиции
(e-mail: alik8385@mail.ru);*

Амангельдиев Д. А.,

*начальник кафедры уголовного права и организации исполнения наказания,
доктор философии (PhD), подполковник полиции
(Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, г. Костанай, Республика Казахстан)*

Актуальная проблема при объявлении в розыск лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с исполнением такого вида уголовного наказания, как ограничение свободы. Авторы рассматривают сроки исчисления данного вида наказания, обращают внимание на проблемы, возникающие в части исчисления сроков отбывания наказания в виде ограничения свободы, в результате чего предлагают внести изменения в соответствующие положения УИК Республики Казахстан и отдельных нормативно-правовых актов, связанные с исполнением уголовного наказания в виде ограничения свободы, в частности, дополнить ст. 64 УИК РК. В работе акцентируется внимание на сущности и значении системы пробации в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан.

Ключевые слова: розыск, задержание, условно осужденные, первоначальные мероприятия, служба пробации, ограничение свободы.

Проблема розыска лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, всегда остро стояла перед уголовно-исполнительной системой и органами внутренних дел [1, с. 70].

Ограничение свободы состоит в установлении пробационного контроля за осужденным на срок от шести месяцев до семи лет и привлечении его к принудительному труду по сто часов ежегодно в течение всего срока отбывания наказания. Ограничение свободы отбывается по месту жительства осужденного без изоляции от общества. Принудительный труд организуется местными исполнительными органами в общественных местах и отбывается не свыше четырех часов в день. К принудительному труду не привлекаются осужденные, имеющие постоянное место работы или занятые на учебе, несовершеннолетние, беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей в возрасте до трех лет, мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей в возрасте до трех лет, женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет, инвалиды первой или второй групп, а также осужденные, которым наказание заменено на ограничение свободы сроком менее шести месяцев.

Пробационный контроль осуществляется уполномоченным государственным органом и по решению суда включает исполнение осужденным обязанностей:

- не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления уполномоченного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного;
- не посещать определенные места;
- пройти курс лечения от психических, поведенческих расстройств (заболеваний), связанных с употреблением психоактивных веществ, заболеваний, передающихся половым путем;
- осуществлять материальную поддержку семьи;
- других обязанностей, которые способствуют исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых уголовных правонарушений.

В случае злостного уклонения от отбывания ограничения свободы его неотбытый срок заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день ограничения свободы. При назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное уголовное правонарушение, назначении наказания за неоконченное преступление, а также при замене наказания срок ограничения свободы может быть ниже низшего предела, установленного ст. 44 УК РК.

Если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным.

При применении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие ответственность и наказание обстоятельства. При назначении условного осуждения суд устанавливает по правилам ч. 2 ст. 44 УК РК пробационный контроль на весь назначенный срок лишения свободы, а несовершеннолетним на срок от шести месяцев до одного года.

Применение условного осуждения к несовершеннолетним возможно и при повторном совершении преступления небольшой или средней тяжести в период пробационного контроля при условном осуждении.

Пробационный контроль не устанавливается при условном осуждении иностранца или лица без гражданства, которому суд назначил выдворение за пределы Республики Казахстан в качестве дополнительного вида наказания.

При условном осуждении могут быть назначены дополнительные виды ограничений и наказаний, несовершеннолетнему могут быть назначены принудительные меры воспитательного воздействия.

Условное осуждение не применяется к лицам при рецидиве преступлений, опасном рецидиве преступлений, при осуждении лица за особо тяжкое преступление, коррупционное преступление, террористическое преступление, экстремистское преступление, преступление, совершенное в составе преступной группы, преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Указанное ограничение не распространяется на несовершеннолетних, совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (ст. 63 УК РК).

Если до истечения срока пробационного контроля условно осужденный своим поведением доказал свое исправление, суд по представлению органа, осуществляющего пробационный контроль, может постановить об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости. При этом условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного срока.

Суд по представлению органа, осуществляющего пробационный контроль, может продлить срок пробационного контроля, но не более чем на один год, в случаях, когда условно осужденный совершил:

1) административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и нравственность, права несовершеннолетних, на личность и в сфере семейно-бытовых отношений, за которое на него было наложено административное взыскание;

2) умышленное повреждение (порчу) электронных средств слежения либо не явился для регистрации без уважительной причины или сменил место жительства без уведомления органа, осуществляющего пробационный контроль;

3) уголовный проступок.

При неисполнении условно осужденным возложенных на него судом обязанностей либо повторном совершении условно осужденным нарушений, предусмотренных ч. 2 настоящей статьи, суд по представлению органа, указанного в ч. 1 настоящей статьи, постановляет об отмене условного осуждения и исполнении назначенного наказания приговором суда, а в отношении несовершеннолетнего осужденного может повторно продлить срок пробационного контроля, но не более, чем на один год.

В случаях совершения условно осужденным в течение срока пробационного контроля преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой тяжести, а условно осужденным несовершеннолетним — преступления небольшой или средней тяжести вопрос об отмене или о сохранении условного осуждения решается судом при назначении наказания за новое преступление.

При совершении условно осужденным в течение срока пробационного контроля умышленного преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а несовершеннолетним — тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам назначения наказания по совокупности приговоров. По этим же правилам назначается наказание в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 64 УК РК.

Местные исполнительные органы, общественные объединения и иные организации оказывают осужденным к ограничению свободы социально-правовую помощь на основании правил оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации, в соответствии с индивидуальной программой, разработанной службой пробации (ст. 63 УИК РК).

Срок отбывания наказания в виде ограничения свободы исчисляется со дня принятия вступившего в законную силу приговора суда к исполнению службой пробации (ст. 64 УИК РК).

В отношении осужденного к ограничению свободы, скрывшегося с целью уклонения от отбывания наказания, служба пробации осуществляет первоначальные розыскные мероприятия и вносит в суд представление об объявлении его в розыск (ст. 69 УИК РК).

Лица, осужденные условно, обязаны отчитываться перед службой пробации о своем поведении, выполнять возложенные судом обязанности, являться два раза (проживающие в сельской местности один раз) в месяц для регистрации, а также по вызову в службу пробации. При неявке без уважительных причин лицо, осужденное условно, подвергается приводу.

В случае уклонения лица, осужденного условно, от пробационного контроля служба пробации проводит первоначальные мероприятия по установлению места его нахождения и причин уклонения. В случае неустановления места его нахождения служба пробации вносит представление в суд об объявлении в розыск и избрании меры пресечения (ст. 174 УИК РК).

Срок пробационного контроля исчисляется со дня постановки лица, осужденного условно, на учет службы пробации. Пробационный контроль осуществляется в течение всего срока, установленного приговором суда. По истечении срока пробационного контроля служба пробации снимает лицо, осужденное условно, со своего учета. Течение срока пробационного контроля приостанавливается с момента начала проведения первоначальных розыскных ме-

роприятий на основании постановления суда об объявлении в розыск лица, осужденного условно, и возобновляется по постановлению суда (ст. 175 УИК РК).

В случае неисполнения лицом, осужденным условно, возложенных на него судом обязанностей либо повторного совершения им нарушений, указанных в ч. 1 ст. 175, а также если оно скрылось от пробационного контроля, служба пробации вносит в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении назначенного наказания приговором суда, а в отношении несовершеннолетнего осужденного – о продлении срока пробационного контроля, но не более чем на один год.

Скрывающимся от пробационного контроля признается лицо, осужденное условно, место нахождения которого в течение более пятнадцати дней со дня неявки для регистрации в службу пробации не установлено (ст. 176 УИК РК). В соответствии с ч. 3 ст. 175 УИК РК течение срока пробационного контроля приостанавливается с момента начала проведения первоначальных розыскных мероприятий на основании постановления суда об объявлении в розыск лица, осужденного условно, и возобновляется по постановлению суда.

Однако в отношении осужденных к ограничению свободы течение срока пробационного контроля во время нахождения в розыске не приостанавливается. В этой связи во время подготовки материалов в суд на замену ограничения свободы лишением свободы возникают затруднения в части исчисления срока отбывания наказания в отношении осужденных, у которых срок пробационного контроля фактически истек. Так, как на практике у судьи возникает проблема при рассмотрении материала в отношении осужденного к ограничению свободы, который продолжительное время скрывался от пробационного контроля, об отмене данного наказания и замене его на лишение свободы.

Законодатель в ст. 64 УИК РК не определил, приостанавливается ли срок исчисления наказания при объявлении в розыск осужденного к ограничению свободы. В связи с этим по смыслу данной статьи осужденные могут скрываться от пробационного контроля до конца назначенного судом срока наказания, и в отношении них никаких мер принято не будет. Данный факт противоречит принципу уголовного наказания в части восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых уголовных правонарушений.

Например, осужденному «А» судом в 2017 г. назначено наказание в виде ограничения свободы на 3 года. В соответствии со ст. 64 срок отбывания исчисляется со дня принятия вступившего в законную силу приговора суда к исполнению службой пробации. Однако осужденный не явился в установленный срок, определенный ч. 5 ст. 402 УПК (согласно которой, если подсудимому назначен пробационный контроль, он должен явиться в службу пробации в течение десяти суток после вступления приговора в законную силу). В соответствии с ч. 4 ст. 69 УИК РК в отношении осужденного, скрывшегося с целью уклонения от отбывания наказания, службой пробации осуществлены первоначальные розыскные мероприятия и внесено в суд представление об объявлении его в розыск. После вынесения судом постановления об объявлении в розыск в соответствии с п. 120 параграфа 13 Приказа № 511 МВД РК, в день получения постановления суда об объявлении в розыск осужденного копии материалов первоначальных розыскных мероприятий для дальнейшего розыска переданы в службу криминальной полиции [2].

Огромную помощь в профилактике административных и раскрытии уголовных правонарушений оказывает имеющаяся на вооружении органов внутренних дел система видеонаблюдения [3, с. 44]. Благодаря ей более чем через три года, в 2021 г. осужденный «А» был установлен, задержан и помещен в следственный изолятор, так как избрана мера пресечения «Арест» до принятия решения судом о дальнейшем отбывании наказания. После установления местонахождения осужденного служба пробации направила в суд представление об отмене ограничения свободы и замене его на лишение свободы, с постановкой вопроса о пре-

кращении в отношении него розыска. Однако суд не знал, как назначить наказание и на каком основании осужденный находится в следственном изоляторе, поскольку фактически срок отбывания наказания осужденным «А» прошел, так как не был приостановлен исходя из понятия ст. 64 УИК РК.

В этом случае на практике нормы закона подвергаются искажению и разному толкованию, что приводит к неправильному применению действующего законодательства. В данном случае вопреки действующим нормам была применена аналогия, приостановлен срок как осужденным условно и назначено наказание, в некоторых случаях такие осужденные просто снимаются с учета службы пробации.

В связи с изложенным в целях единого правильного применения норм законодательства и восстановления социальной справедливости по исполнению наказания виде ограничения свободы необходимо ст. 64 УИК РК дополнить положением о приостановлении срока отбывания наказания в случае вынесения постановления суда об объявлении осужденного к ограничению свободы в розыск.

Список использованной литературы:

1. Мищенко А. С. Актуальные проблемы розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда // Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 3 (17). — С. 70–75.
2. Приказ МВД РК № 511 от 15 августа 2014 года, зарегистрированного министерством юстиции Республики Казахстан 17 сентября 2014 года № 9738 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0009738>
3. Жаров Ж. К., Кожобеков Е. Н. К вопросу о значении систем видеонаблюдения в профилактике административных правонарушений // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. — 2017. — № 3. — С. 44–46.

Мұқанов М. Р.,

*қылмыстық құқық және жазаны орындауды ұйымдастыру кафедрасының доценті,
философия докторы (PhD), полиция подполковнигі
(e-mail: alik8385@mail.ru);*

Амангельдиев Д. А.,

*қылмыстық құқық және жазаны орындауды ұйымдастыру кафедрасының бастығы
философия докторы (PhD), полиция подполковнигі
(Қазақстан Республикасы ІІМ Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қостанай қ.)*

Бас бостандығын шектеу түріндегі жазаға сотталған адамдарды іздестіруді жариялау кезіндегі өзекті проблема

Аннотация. Мақалада автор қылмыстық жазаның осы түрін орындауға байланысты мәселелерді бостандықты шектеу, жазаның осы түрін есептеу мерзімдерін қарастырады. Бас бостандығын шектеу түріндегі жазаны өтеу мерзімін есептеу тұрғысынан проблемалық мәселелерге назар аударады. Автор ҚР Қылмыстық-атқару кодексінің және бостандықты шектеу түріндегі қылмыстық жазаны орындауға байланысты кейбір нормативтік құқықтық актілердің ережелерін жетілдіру бойынша өзгерістер енгізуді ұсынады. Автор қолданыстағы заңнама нормаларын дұрыс қолдану және бостандықты шектеу түріндегі жазаны өтеу мерзімдерін есептеу үшін Қазақстан Республикасы ҚАК 64-бабын толықтыру қажет деп санайды. Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық-атқару заңнамасындағы пробация жүйесінің мәні мен маңызы туралы мәселелер қарастырылған.

Негізгі сөздер: іздеу, ұстау, шартты түрде сотталған, алғашқы іс-шаралар, пробация қызметі, бостандықты шектеу.

M. R. Mukanov,

*associate professor of the Department of Criminal Law and Organization of Execution of Punishment,
Doctor of Philosophy (PhD), Police Lieutenant Colonel
(e-mail: alik8385@mail.ru);*

D. A. Amangeldiev,

*Head of the Department of Criminal Law and Organization of the Execution of Punishment,
Doctor of Philosophy (PhD), Police Lieutenant Colonel
(Kostanay academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after
Shrakhbek Kabyrbayev, Kostanay, Republic of Kazakhstan)*

An actual problem when declaring a wanted list of persons sentenced to punishment in the form of restriction of freedom

Annotation. The article examines the issues related to the execution of such a type of criminal punishment as restriction of liberty. The authors consider the terms of calculation of this type of punishment, draw attention to the problems that arise in terms of calculating the terms of serving a sentence in the form of restriction of freedom, as a result of which they propose to amend the relevant provisions of the PEC of the Republic of Kazakhstan and certain regulatory legal acts related to the execution of criminal punishment in the form of restriction of freedom, in particular, to supplement Article 64 of the PEC of the Republic of Kazakhstan. The article focuses on the essence and significance of the probation system in the criminal executive legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: search, detention, conditionally sentenced, initial measures, probation service, restriction of freedom.

УДК 342.9

Татарян В. Г.,

*профессор кафедры административного права, доктор юридических наук, профессор,
академик Евразийской академии административных наук,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ,
Почетный ветеран МВД РК и Национальной гвардии РК
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва,
Российская Федерация, e-mail: tataryan2654@inbox.ru);*

Абеуов Е. Т.,

*заместитель начальника академии,
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: abeouov_74@mail.ru);*

Майкенов А. Р.,

*адъюнкты, подполковник полиции
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва,
Российская Федерация, e-mail: arman_maikenov@mail.ru)*

Анализ структуры, основных терминов, понятий Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан

Аннотация. В научной статье учеными из Российской Федерации и Республики Казахстан был проведен первый авторский анализ общей структуры, основных новых терминов и понятий, а также задач и принципов административных процедур и административного судопроизводства в концептуально новом Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан. Проект Административного процедурно-процессуального Кодекса Республики Казахстан в течение нескольких лет активно разрабатывался в Министерстве юстиции и в Верховном Суде совместно с ведущими учеными и практическими сотрудниками правоохранительных органов. С

точки зрения авторов, разработчиками Кодекса проведена высококачественная работа. Кодекс вступает в силу с 1 июля 2021 г. Данная статья призвана помочь заинтересованному кругу лиц в понимании содержания раздела 1 этого законодательного акта.

Ключевые слова: административный орган, административная процедура, административное судопроизводство, судебное разбирательство, подсудность административного дела, административный акт, административный иск.

Проект Административного процедурно-процессуального Кодекса Республики Казахстан (далее — АППК) в течение нескольких лет активно разрабатывался в Министерстве юстиции и в Верховном Суде совместно с ведущими учеными и практическими сотрудниками правоохранительных органов. Президент РК К.-Ж. Токаев в первом Послании народу Казахстана обозначил необходимость внедрения института административной юстиции, отметив, что в настоящее время в публично-правовых спорах простые граждане страны находятся в неравных условиях, их возможности несоизмеримы с ресурсами государственного аппарата [1].

Министр юстиции М. Бекетаев, выступая в Сенате Парламента в ходе первого обсуждения проекта АППК, также назвал данный Кодекс концептуально новым документом для нашей правовой системы, который закрепляет совокупность гарантий, позволяющих гражданам активно участвовать в процессе принятия управленческих решений. Он отметил, что АППК позволит установить эффективные механизмы защиты прав граждан Казахстана при рассмотрении споров вышестоящим органом и органами судебной власти. При принятии органами власти страны управленческих решений в отношении граждан будут закреплены процедурные гарантии, обеспечивающие обратную связь. Основное правило также заключается в том, что субъект государственной власти будет обязан выслушать мнение заинтересованного гражданина перед принятием окончательного решения.

Основными целями разработки и принятия нового АППК явились: 1) установление и закрепление в едином законодательном акте правовых основ, принципов, правил осуществления административных процедур и судопроизводства в сфере публичных правоотношений»; 2) обеспечение прозрачности деятельности государственных органов и исключение административного произвола, предотвращение условий для проявления фактов коррупции; 3) повышение эффективности деятельности государственной администрации и уровня доверия населения к государству; 4) установление критериев для действенного и полноценного судебного контроля за решениями административных органов, в особенности принятых на основе административного усмотрения.

Законодатели РК, согласившись с мнением Президента страны К.-Ж. Токаева, Премьер-министра А. Мамина и Министра юстиции М. Бекетаева, приняли концептуально новый «Административный процедурно-процессуальный кодекс». Президент страны 29 июня 2020 г. подписал Закон № 359-VI ЗРК 30 июня 2020 г. данный Кодекс впервые был опубликован в газете «Казахстанская правда», а позже — в Ведомостях Парламента РК [2]. Кстати, для того чтобы получить данную информацию, не нужно искать еще один самостоятельный Закон Республики Казахстан. Следует лишь обратиться к заключительной статье № 175 настоящего Кодекса — «Порядок введения в действие настоящего Кодекса» Главы 29 «Заключительные положения». Там же можно получить полную информацию о том, когда он будет введен в действие и какие ранее действовавшие Законы РК утратят силу.

Итак, данный АППК вступает в действие с 1 июля 2021 г. За это время все заинтересованные чиновники, юристы и простые граждане смогут его подробно изучить и быть на все 100 % готовы к работе с ним. При этом государственным органам РК до введения в действие Кодекса необходимо провести работу по приведению нормативных правовых актов, регламентирующих административные процедуры, в соответствие с ним.

В соответствии со ст. 174 «Ответственность за нарушение законодательства Республики Казахстан об административных процедурах и законодательства Республики Казахстан об административном судопроизводстве» нарушение законодательства Республики Казахстан об административных процедурах и законодательства Республики Казахстан об административном судопроизводстве повлечет ответственность, установленную другими законами Республики Казахстан.

Следует также отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 75 «Порядок введения в действие настоящего Кодекса» два ранее действовавших Закона РК: «Об административных процедурах» от 27 ноября 2000 г. [3] и «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» от 12 января 2007 г. [4] будут признаны утратившими силу с 1 июля 2021 г.

Согласно ч. ч. 4–6 ст. 175 Кодекса рассмотрение дел, находящихся в судах, принятых к производству до введения в действие настоящего АППК, будет осуществляться по правилам процессуального законодательства Республики Казахстан, действовавшего до введения в действие настоящего Кодекса. Административная процедура, возбужденная до введения в действие настоящего Кодекса, но не завершенная после его введения в действие, будет осуществляться в соответствии с законодательством Казахстана, действующим до введения в действие настоящего Кодекса. Административная процедура, возбужденная до введения в действие настоящего Кодекса, но не завершенная после его введения в действие настоящего Кодекса, может осуществляться в незавершенной части в соответствии с настоящим Кодексом, если заявитель ходатайствует об этом в письменной форме перед соответствующим административным органом, должностным лицом.

Данный Кодекс состоит из 4-х разделов, 29-ти глав и 176-ти статей. В раздел 1 «Общие положения» АППК включены 6 глав, состоящие из 35 статей. Раздел 2 «Внутренние административные процедуры государственных органов» АППК состоит из 2-х глав, содержащих 27 статей. Кстати, в главу 7 «Общие положения внутренних административных процедур государственных органов» Законом РК от 2 января 2021 г. № 399-VI введена первая новая статья 43-1 «Проектное управление». В разделе 3 «Административная процедура» законодатели разместили 20 глав и 40 статей. Заключительный, 4-й раздел АППК состоит из 14-ти глав и 74 статей.

Содержание разделов 2, 3 и 4 Кодекса мы планируем подробно исследовать в следующих научных публикациях. А в рамках этой статьи мы подробно рассмотрим содержание основных статей раздела 1 «Общие положения». Глава 1 «Законодательство Республики Казахстан об административных процедурах и законодательство Республики Казахстан об административном судопроизводстве» состоит из четырех статей. В статье 1 АППК «Законодательство Республики Казахстан об административных процедурах и законодательство Республики Казахстан об административном судопроизводстве» определено, что законодательство Республики Казахстан об административных процедурах состоит из настоящего Кодекса и иных нормативных правовых актов Республики Казахстан, основанных на Конституции и общепризнанных принципах и нормах международного права. При этом особенности осуществления административных процедур устанавливаются законами Республики Казахстан. Настоящий же Кодекс регулирует отношения, связанные с осуществлением административных процедур, в части, не урегулированной законами Республики Казахстан. Порядок административного судопроизводства на территории Республики Казахстан определяется конституционными законами, настоящим Кодексом, основанными на Конституции и общепризнанных принципах и нормах международного права.

В административном судопроизводстве применяются положения Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, если иной порядок не предусмотрен настоящим Кодексом. Положения иных законов Республики Казахстан, регулирующих административное судопроизводство, подлежат включению в настоящий Кодекс. Международные договор-

ные и иные обязательства Республики Казахстан, а также нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного Суда Республики Казахстан являются составной частью административного и административно-процессуального права.

В статье 2 «Применение в административном судопроизводстве правовых норм, имеющих преимущественную силу» парламентарии определили, что Конституция Республики Казахстан имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики. В случае противоречия между нормами настоящего Кодекса и конституционным законом Республики Казахстан действуют положения конституционного закона. В случае противоречия между нормами настоящего Кодекса и иными законами действуют положения настоящего Кодекса. Международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед настоящим Кодексом. Если международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законодательством об административном судопроизводстве, то применяются правила международного договора.

Согласно статье 3 «Отношения, регулируемые настоящим Кодексом» настоящий Кодекс регулирует отношения, связанные с осуществлением внутренних административных процедур государственных органов, административных процедур, а также порядок административного судопроизводства. При этом участниками регулируемых настоящим Кодексом отношений являются государственные органы, административные органы, должностные лица, а также физические и юридические лица.

Предусмотренный настоящим Кодексом порядок осуществления внутренних административных процедур государственных органов в части, не урегулированной нормативными правовыми актами Республики Казахстан, применяется в деятельности: 1) Президента Республики Казахстан, государственных органов и должностных лиц, обеспечивающих деятельность главы государства, государственных органов, непосредственно подчиненных и подотчетных Президенту; 2) Канцелярии Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы; 3) аппаратов Палат Парламента, Центральной избирательной комиссии; 4) аппаратов Конституционного Совета, Высшего Судебного Совета, Совета Безопасности, Верховного Суда и канцелярий судов; 5) Правительства, Канцелярии Премьер-министра, центральных исполнительных органов и их структурных и территориальных подразделений; 6) аппаратов местных представительных органов; 7) местных исполнительных органов.

Порядок же административных процедур, установленный настоящим Кодексом, не распространяется на отношения, регулируемые: 1) уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным законодательством Республики Казахстан и законодательством об административных правонарушениях; 2) законодательством о Конституционном Совете, о Высшем Судебном Совете; 3) бюджетным законодательством в части порядка осуществления государственного и бюджетного видов планирования; 4) Законом «О правовых актах» в части порядка разработки, представления, обсуждения, введения в действие и опубликования законодательных и иных нормативных правовых актов; 5) законодательством о выборах и республиканском референдуме; 6) законодательством о внешней разведке, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности, а также по обеспечению безопасности охраняемых лиц и объектов и проведению охранных мероприятий; 7) законодательством о нотариате в части совершения нотариальных действий.

При этом действие настоящего Кодекса, связанное с порядком осуществления административных процедур, за исключением глав 12, 13, 14 и 15 настоящего Кодекса, не распространяется на отношения, регулируемые законодательством Республики Казахстан о специальных государственных органах. Действие АППК, связанное с порядком осуществления административных процедур, за исключением глав 1, 2, 12, 13, 14 и 15 настоящего Кодекса, не

распространяется на отношения, связанные с порядком совершения административного действия (бездействия), не связанного с принятием административного акта. Не подлежат рассмотрению в порядке административного судопроизводства: 1) правовые акты, проверка которых отнесена к исключительной компетенции Конституционного Совета; 2) дела, порядок производства которых предусмотрен уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным законодательством и законодательством об административных правонарушениях.

В главе 2 определены задачи и принципы административных процедур и административного судопроизводства. В соответствии с ч. 1 ст. 5 «Задачи административных процедур и административного судопроизводства» основными задачами административных процедур являются: полная реализация публичных прав, свобод и интересов физических и юридических лиц; достижение баланса частных и общественных интересов в публично-правовых отношениях; обеспечение эффективного и прозрачного государственного управления, в том числе посредством участия лиц в принятии управленческих решений; укрепление законности в публично-правовой сфере.

Согласно ч. 2 ст. 5 задача административного судопроизводства — справедливое, беспристрастное и своевременное разрешение административных дел с целью эффективной защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов физических лиц, прав и законных интересов юридических лиц в публично-правовых отношениях.

В статье 6 «Принципы административных процедур и административного судопроизводства и их значение» закреплено, что административные процедуры и административное судопроизводство осуществляются на основе принципов, изложенных в настоящей главе; установленные в настоящей главе. Они не являются исчерпывающими и не могут быть препятствием для применения других принципов права. Принципы гражданского судопроизводства применяются в административном судопроизводстве, если это не противоречит принципам, изложенным в настоящей главе. Нарушение принципов административных процедур и административного судопроизводства в зависимости от его характера и существенности влечет признание административных актов, административных действий (бездействия) незаконными, а также отмену вынесенных судебных актов.

Таким образом, в ст. ст. 6–18 казахстанский законодатель определил перечень основных принципов. Поясним, что не во всех названиях статей имеется термин «принцип». Перечислим статьи по названиям: «Принципы административных процедур и административного судопроизводства и их значение», «Принцип законности»; «Принцип справедливости»; «Защита прав, свобод и законных интересов»; «Соразмерность»; «Пределы осуществления административного усмотрения»; «Принцип приоритета прав»; «Охрана права на доверие»; «Запрет злоупотребления формальными требованиями»; «Презумпция достоверности»; «Активная роль суда»; «Разумный срок административного судопроизводства»; «Обязательность судебных актов». Подробно остановимся на содержании некоторых из них.

В статье 7 «Принцип законности», состоящей из 5 частей, определяется понятие принципа законности: «1. Административный орган, должностное лицо осуществляют административные процедуры в пределах своей компетенции и в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, настоящим Кодексом и иными нормативными правовыми актами страны. 2. Суд при рассмотрении и разрешении административных дел обязан точно соблюдать требования Конституции, конституционных законов, настоящего Кодекса, других нормативных правовых актов, подлежащих применению международных договоров Казахстана. 3. Суды не вправе применять законы и иные нормативные правовые акты, ущемляющие закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина. Если суд усмотрит, что закон или иной нормативный правовой акт, подлежащий применению, ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина, он обязан приостановить производство по

административному делу и обратиться в Конституционный Совет Республики Казахстан с представлением о признании этого акта неконституционным. По получению судом решения Конституционного Совета производство по делу возобновляется. 4. Решения судов, уполномоченных рассматривать административные дела, основанные на законе или ином нормативном правовом акте, признанном неконституционным, подлежат отмене. 5. В случае отсутствия норм права, регулирующих спорное правоотношение, суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения, а при отсутствии таких норм разрешает спор исходя из общих начал и смысла законодательства».

В части 1 ст. 8 «Принцип справедливости» законодатели установили, что «при рассмотрении административного дела административный орган, должностное лицо и суд обязаны, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечить каждому из участников административного дела равные возможности и условия для реализации их прав на всестороннее и полное исследование обстоятельств административного дела». Согласно ч. 2 ст. 8 что «если законом или соглашением сторон спора предусматривается разрешение соответствующих вопросов судом, то суд обязан разрешать эти вопросы, исходя из критериев справедливости и разумности».

В части 1 ст. 9. «Защита прав, свобод и законных интересов» закреплено, что «Каждый вправе в порядке, установленном настоящим Кодексом, обратиться в административный орган, к должностному лицу или в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Отказ от права на обращение в административный орган, к должностному лицу или в суд недействителен». В ч. 2 данной статьи установлено, государственные органы в пределах своей компетенции, физические и юридические лица в порядке, установленном настоящим Кодексом, вправе обратиться в суд с иском о защите нарушенных или оспариваемых законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц. Прокурор вправе обратиться в суд с иском в целях осуществления возложенных на него обязанностей в порядке, установленном настоящим Кодексом. В части 3 ст. 9 определено, что «если законом установлен досудебный порядок урегулирования спора, обращение в суд может быть подано после соблюдения этого порядка». В части 4 ст. 9 устанавливает, что «никому не может быть без его согласия изменена подсудность, предусмотренная для него законом. И наконец, согласно ч. 5 ст. 9 «принуждение к отказу от права на обращение в административный орган, к должностному лицу или в суд является незаконным и влечет ответственность, установленную законами Республики Казахстан».

В статье 12 «Принцип приоритета прав» законодатель установил, что «все сомнения, противоречия и неясности законодательства Республики Казахстан об административных процедурах толкуются в пользу участника административной процедуры».

В статье 14 «Запрет злоупотребления формальными требованиями» строго определено, что «административному органу, должностному лицу запрещается отказывать в реализации, ограничивать, прекращать право участника административной процедуры, а также возлагать на него обязанность с целью соблюдения требований, не установленных законодательством Республики Казахстан».

Статья 15 «Презумпция достоверности», состоящая из 2-х частей, закрепляет: «При осуществлении административной процедуры материалы, объекты, документы и сведения, представленные участником административной процедуры, считаются достоверными до тех пор, пока административный орган, должностное лицо не установят обратное». Частью 2 предусмотрено, что «административный орган, должностное лицо обязаны самостоятельно проверять подлинность материалов, объектов, документов и сведений при наличии сомнений в их подлинности».

В соответствии с ч. 1 ст. 16 «Активная роль суда» «административное судопроизводство осуществляется на основе активной роли суда». При этом, согласно ч. 2, «суд, не ограничиваясь объяснениями, заявлениями, ходатайствами участников административного процесса, представленными ими доводами, доказательствами и иными материалами административного дела, всесторонне, полно и объективно исследует все фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения административного дела. Судья вправе высказать свое предварительное правовое мнение по правовым обоснованиям, относящимся к фактическим и (или) юридическим сторонам административного дела». Часть 3 этой статьи гласит: «Суд по собственной инициативе или мотивированному ходатайству участников административного процесса собирает дополнительные материалы и доказательства, а также выполняет иные действия, направленные на решение задач административного судопроизводства».

В статье 17 «Разумный срок административного судопроизводства» также в трех частях казахстанский законодатель установил, что «административное судопроизводство, включая производство отдельных процессуальных действий, осуществляется в разумный срок. Рассмотрение и разрешение отдельных категорий административных дел осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. При определении разумного срока учитываются такие обстоятельства как правовая и фактическая сложность административного дела, поведение участников административного процесса, выражающееся в степени использования процессуальных прав и выполнения процессуальных обязанностей, процессуальная достаточность и эффективность действий суда, осуществляемые в целях оперативного рассмотрения административного дела».

В части 1 заключительной ст. 18 «Обязательность судебных актов» Главы 2 АПК казахстанскими законодателями были закреплены положения о том, что «суд первой инстанции принимает судебные акты по административным делам в форме решений и определений. Суды апелляционной, кассационной инстанций принимают судебные акты в форме постановлений и определений». Часть 2 устанавливает: «Вступившие в законную силу судебные акты, а также распоряжения, требования, поручения, вызовы, запросы и другие обращения судов и судей при отправлении правосудия обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, юридических лиц, должностных лиц, физических лиц и подлежат исполнению на всей территории Республики Казахстан. Судебные акты, основанные на законе или ином нормативном правовом акте, который признан Конституционным Советом Республики Казахстан неконституционным, исполнению не подлежат». Согласно ч. 3 «неисполнение судебных актов, а равно требований суда влечет применение мер процессуального принуждения, предусмотренных настоящим Кодексом». В части 4 определено, что «обязательность судебного акта не лишает заинтересованных лиц, не участвовавших в административном процессе, возможности обратиться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов». В соответствии с ч. 5 ст. 18 «судебные акты направляются судом сторонам административного процесса в течение трех рабочих дней со дня окончательного изготовления».

В заключение нашего анализа нового казахстанского законодательства отметим, что законодателями, учеными-юристами, правоприменителями Казахстана была проведена высококачественная профессиональная работа по разработке концептуально нового Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Список использованной литературы:

1. Токаев К.-Ж. Казахстан в новой реальности: время действий: Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. // https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g

2. Подробнее см.: Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями от 02.01.2021 г.) // Ведомости Парламента РК. — 2020. — № 13. — Ст. 66; Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Практическое пособие. — Алматы: ТОО «Издательство «Норма-К», 2020. — 88 с.

3. См.: Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2019. — № 8. — Ст. 46; № 21–22. — Ст. 90.

4. См.: Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2007. — № 2. — Ст. 17; 2018. — № 9. — С. 31; № 22. — Ст. 82.

Татарян В. Г.,

*әкімшілік құқық кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының докторы, профессор,
Еуразиялық әкімшілік ғылымдар академиясының академигі,
РФ жоғары кәсіби білім беру ісінің құрметті қызметкері, Қазақстан Республикасы ИМ және
Қазақстан Республикасы Ұлттық ұланының құрметті ардагері
(Ресей Федерациясы ИМ В. Я. Кикоть атындағы Мәскеу университеті,
Ресей Федерациясы, Мәскеу қ., e-mail: tataryan2654@inbox.ru);*

Әбеуов Е. Т.,

*академия бастығының орынбасары, заң ғылымдарының кандидаты, доцент,
полиция полковнигі
(Қазақстан Республикасы ИМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: abeiov_74@mail.ru);*

Майкенов А. Р.,

*адъюнкт, полиция подполковнигі
(Ресей Федерациясы ИМ В. Я. Кикоть атындағы Мәскеу университеті,
Ресей Федерациясы, Мәскеу қ., e-mail: arman_maikenov@mail.ru)*

**Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексінің
құрылымын, негізгі терминдерін, ұғымдарын талдау**

Аннотация. Осы ғылыми мақалада Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының ғалымдары тұжырымдамалық жаңа Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексіндегі жалпы құрылымға, негізгі жаңа терминдер мен ұғымдарға, сондай-ақ әкімшілік рәсімдер мен әкімшілік сот ісін жүргізудің міндеттері мен принциптеріне алғашқы авторлық талдау жүргізді. Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексінің жобасы бірнеше жыл бойы Әділет министрлігінде және Жоғарғы Сотта құқық қорғау органдарының жетекші ғалымдарымен және практикалық қызметкерлерімен бірлесіп белсенді түрде әзірленді. Авторлардың, Кодекс әзірлеушілерінің көзқарасы бойынша жоғары сапалы жұмыс жүргізілді. Кодекс 2021 жылғы 1 шілдеден бастап күшіне енеді. осы бап мүдделі адамдарға осы Кодекстің 1-бөлімінің мазмұнын түсінуге көмектесуге арналған.

Негізгі сөздер: әкімшілік орган, әкімшілік рәсім, әкімшілік сот ісін жүргізу, сот талқылауы, әкімшілік істің соттылығы, әкімшілік акт, әкімшілік талап қою.

V. G. Tataryan,

professor of the Department of administrative law, Doctor of legal sciences, professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative sciences, Honorary veteran of bodies of the Ministry of Internal Affairs of Kazakhstan and the National Guard of Kazakhstan (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, e-mail: tataryan2654@inbox.ru);

E. T. Abeuov,

Deputy Head of the Academy, Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Police Colonel (Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beysenov, e-mail: abeuov_74@mail.ru);

A. R. Maikenov,

Adjunct, Lieutenant colonel of police (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, e-mail: arman_maikenov@mail.ru)

Analysis of the structure, basic terms, concepts of the Administrative Procedural and Process-related Code of the Republic of Kazakhstan

Annotation. In this scientific article professors from the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan conducted the first author's analysis of the general structure, the main new terms and concepts, as well as the tasks and principles of administrative procedures and administrative proceedings in the conceptually new Administrative Procedural Code of the Republic of Kazakhstan. The draft Administrative Procedural Code of the Republic of Kazakhstan has been actively developed for several years in the Ministry of Justice and the Supreme Court in cooperation with leading scientists and practical law enforcement officers. From the point of view of the authors, the developers of the Code have carried out high-quality work. The Code comes into force on July 1, 2021. This article is intended to help the interested circle of persons in understanding the content of section 1 of this Code.

Keywords: administrative body, administrative procedure, administrative proceedings, judicial proceedings, jurisdiction of an administrative case, administrative act, administrative claim.

УДК 343.976

Феткулов А. Х.,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института экономических и правовых исследований, кандидат юридических наук, доцент, (Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, г. Караганда, e-mail: fetkulov_german@mail.ru)

Анализ наркоситуации в стране и некоторые пути преодоления наркотизма

Аннотация. В статье дается криминологическая характеристика наркоситуации в Казахстане. Рассматриваются меры предупреждения наркотизма, подходы к управлению профилактикой правонарушений и его основные параметры, которые в совокупности оказывают негативное влияние на состояние и развитие наркоситуации в стране. Предлагается создание координирующих органов по противодействию с наркотизмом, наделенных соответствующими полномочиями, а также реабилитационных центров, оказывающих психологическую и социальную помощь больным наркоманией при сохранении института принудительного лечения. Существует потребность в модернизации подходов к реабилитационной работе с наркоманами. Автор указывает на необходимость создания в стране целостной системы предупреждения правонарушений и организации здорового образа жизни на основе единой государственной политики.

Ключевые слова: наркотизм, наркомания, наркобизнес, незаконный оборот наркотиков, наркотики, наркопреступность.

Рассматривая наркоситуацию в стране и в мире в целом, следует отметить, что пандемия коронавируса существенно повлияла на обстановку в сфере транснациональной наркопреступности и наркотрафика. Введения ограничительных карантинных мер внутри государства, закрытие государственных и таможенных границ самым непосредственным образом сказались на логистике незаконных поставок наркотиков в Казахстан, то есть усложнили перемещение и транспортировку незаконных наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее — наркотики) как внутри Казахстана, так и за его пределами.

Вызывает обеспокоенность, что на нелегальном рынке идет постепенное замещение традиционных наркотиков растительного происхождения на синтетические наркотики, которые более опасны для здоровья людей и имеют необратимые последствия для организма человека после их употребления. В последние годы увеличивается количество изъятых психотропных веществ синтетического происхождения. За 2020 год из незаконного оборота в государствах — участниках Центральноазиатского регионального информационного координационного центра (ЦАРИКЦ) изъято более одной тонны психотропных и новых психоактивных веществ, часть из которых — это стимуляторы амфетаминового ряда. Количество изъятых из незаконного оборота психотропных веществ практически не уступает количеству изъятых наркотиков каннабисной группы, и это вызывает беспокойство. Здесь следует акцентировать внимание на том, что новые синтетические наркотики стали дешевле и доступнее. Закрытие внешних границ, ограничения в передвижении людей, товаров и услуг способствовало тому, что в Казахстане увеличилось количество подпольных лабораторий по нелегальному производству психотропных веществ. Только с начала 2020 года было выявлено и ликвидировано пять подпольных лабораторий по производству синтетических наркотиков [1].

Следует заметить, что помимо традиционных маковых полей и героина Афганистан также стремительно втягивается в производство синтетических наркотиков — метамфетаминов («мет»), никоим образом с опиумом не связанных... Афганистан же, с его максимально развитой наркоструктурой и наркоэкономикой, способен будет производить тонны новых типов наркотиков, постоянно совершенствуя этот процесс [2]. Это тенденция может привести к тому, что Казахстан, как страна транзитёр будет втягиваться в наркотрафик синтетических наркотиков.

Наркопреступления все больше и больше совершаются бесконтактным способом [3, с. 40], посредством использования мобильной связи, сети Интернет, различных электронных платежных систем. В тоже время, сбытчики изощряются, и находят новые формы распространения наркотиков, помимо бесконтактного способа передачи наркотиков с помощью закладок, они используют курьерские службы доставки или под видом таковых. По мнению экспертов, данный способ распространения наркотиков, возможно, сохраниться и в дальнейшем, наркодилеры будут совершенствовать старые, и придумывать новые технологичные инструменты сбыта наркотиков.

С помощью информационной системы «Кибернадзор» правоохрнительные органы выявляют факты рекламы и сбыта наркотиков, но вызывают трудности для правоохрнительных органов выявление распространителей, которые при сбыте наркотиков на территории Казахстана используют интернет-платформы, находящиеся за рубежом. Сюда следует отнести в зависимости от масштаба преступной деятельности интернет-магазины, которые реализуют наркотики в странах дальнего и ближнего зарубежья, а также посредством объединения в межрегиональные преступные альянсы [4, с. 20].

Правоохрнительными органами Казахстана, ведущими противодействие наркопреступности, с начала 2020 года уже заблокировано доступ к более 700 сайтам, аккаунтам и другим информационным ресурсам, рекламирующим и пропагандирующим наркотики, но наркоторговцы создают все новые и новые сайты. Как нам представляется, необходимо внедрять опыт

правоохранителей Алматы, которые, с одной стороны блокировали сайты, рекламирующие наркотики, а с другой стороны создавали, так называемые ложные Telegram-каналы, по которым наркоманы оплачивали за «товар», а получить впоследствии наркотики не могли. Когда число «полицейских» интернет-ресурсов перевалило определенный рубеж, произошел переход количественных изменений в качественные: доверие «потребителей» к онлайн-услугам упало, и черный рынок наркоторговли вошел в фазу дезорганизации. Возможно, определенное влияние на спад онлайн-наркоторговли оказал коронавирус и вызванные им карантинные ограничения, однако на первом месте все равно подрыв доверия в той части криминальной цепочки, где оно критически важно для наркобизнеса [5].

Результаты нашего исследования со всей очевидностью показывают, что без эффективной системы мер предупреждения наркотизма, и, прежде всего, наркотизма несовершеннолетних, ощутимых успехов в противодействии с этим асоциальным явлением достичь невозможно [6].

При этом следует учитывать, что угроза наркотизма исходит, в основном, от следующего: а) наличия собственной обширной сырьевой базы — дикорастущих конопли и эфедры; б) контрабандного транзита и поступления в республику наркотиков; в) реструктуризации рынка наркотиков — вытеснения традиционных их видов (героина, гашиша, марихуаны) более «тяжелой синтетикой» — амфетаминами, галлюциногенами, различными стимуляторами и т. п. Все эти факторы в совокупности оказывают негативное влияние на состояние и развитие наркоситуации в Казахстане.

Тем не менее, несмотря на перечисленные выше сложности, противодействие наркотизму является одним из важнейших приоритетов в деятельности различных государственных институтов, которые вопросам противодействия с наркотизмом уделяют постоянное внимание. В данном случае вполне уместным является вопрос о необходимости создания в стране целостной системы предупреждения правонарушений, организации здорового образа жизни. Во главе этой системы должен находиться компетентный орган, обладающий полномочиями и статусом, позволяющими ему осуществлять реальное взаимодействие со всеми соответствующими субъектами общественных отношений, координировать их работу и на деле реализовывать государственную политику в сфере преодоления правонарушений, культивирования здорового образа жизни.

Распространенность наркотизма обусловлена, прежде всего, серьезными недостатками в организации воспитательной работы в учебных заведениях, трудовых коллективах, по месту жительства, а также в семьях. Как показывают результаты исследования, развитие наркомании происходит, в основном, в семейно-бытовой сфере, которая практически не контролируется. Большинство лиц начинали и продолжают потреблять наркотики в собственных квартирах или в квартирах других потребителей, во дворах домов. По данным нашего исследования, 63,6 % респондентов впервые стали употреблять наркотики по месту жительства. Между тем, возможности позитивного влияния семьи и местных общественных формирований государством используются крайне незначительно.

В противодействии наркотизму существенную роль играет просветительная антинаркотическая пропаганда. Эта работа требует скоординированных и согласованных усилий средств массовой информации, педагогических и воспитательных коллективов детских садов, школ, колледжей и вузов. По мнению 32,3 % респондентов, одно из основных обстоятельств, в наибольшей мере способствующих распространению наркомании и наркобизнеса в Казахстане, — недостаточный уровень предупредительной работы социальных институтов (органы образования, медицины, семьи, и т. д.). Вся организация этой деятельности должна получить мощную поддержку со стороны государства и общественных организаций [7, с. 23].

Бесспорную актуальность сохраняет предложенный ранее подход к управлению профилактикой правонарушений, основные параметры которого сводятся к следующим моментам:

а) логическая целостность и завершенность цикла профилактики и ее элементов на основе единства планирования, организации, регулирования и корректирования, контроля и учета; б) единство внешних воспитательно-профилактических воздействий и самовоспитания личности; в) комплексный характер воспитательно-профилактического воздействия на коллектив и личность; г) обеспечение эффективной циркуляции информации между государственными и общественными органами; д) рациональное распределение усилий между всеми субъектами профилактики на основе единства целей [8, с. 121].

Этот подход должен быть адаптирован к целям профилактики наркотизма, которая предполагает, прежде всего, эффективную систему мер общей профилактики на основе единой государственной политики. Для ее обеспечения необходимо создать целостную государственную структуру контроля уровня распространения наркотизма. В этих целях следует привести национальное законодательство республики в полное соответствие с международными нормативными правовыми актами. Действия правоохранительных органов следует направить, прежде всего, против распространителей (сбытчиков), а также лиц, склоняющих других к потреблению наркотиков. Здесь следует уяснить, что считать наркомана преступником нельзя. Это противоречит медицинской характеристике наркомании, определяющей пристрастие к наркотикам как болезнь. Лицо, совершившее уголовное правонарушение, будучи наркозависимым, является больным человеком, и его лечение заключается не только в снятии абстинентного синдрома, но и в реабилитации его психики и душевного состояния [9, с. 625]. Кроме того, по законодательству человек не отвечает перед законом за вред, причиненный собственному здоровью. Поэтому необходимо сломать сложившийся многолетний стереотип отношения к потребителю наркотиков как к потенциальному преступнику, ибо это мешает правоохранительным органам и здравоохранению, широкой общественности получать помощь от тех, для кого проводится эта работа. Вследствие этого преступление, где в действиях виновных отсутствует цель сбыта, должно влечь наказание, не связанное с изоляцией от общества и конфискацией имущества. При этом в случае необходимости, следует предусмотреть и обязательную медицинскую реабилитацию данных лиц.

С целью практического воплощения стоящих перед обществом задач целесообразно создать центральные и местные координирующие органы по противодействию с наркотизмом, наделенных соответствующими полномочиями. Эффективность деятельности структуры по противодействию с наркотизмом, прежде всего, среди несовершеннолетних, зависит от степени научной обоснованности и последовательности выполнения поставленных целей и задач. Для этого необходим республиканский научно-исследовательский центр по проблемам наркомании, наркотизма и наркобизнеса. Деятельность этого центра должна быть сфокусирована на исследованиях не только медицинского и юридического, но и психологического, политического, идеологического, нравственного и прочих аспектов проблемы, по выработке проектов законов. Центр давал бы обзоры рекомендаций по тактике и методике раскрытия и расследования уголовных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков практическим работникам правоохранительных органов, ведущих противодействия с наркопреступностью.

Анализ статистики по данным видам уголовных правонарушений в Казахстане за последние годы свидетельствует о том, что наблюдается снижение наркозависимых лиц, состоящих на учетах в органах здравоохранения Республики Казахстан с 54,6 тыс. в 2008 году до 23 тыс. — в 2020 году [10]. В настоящее время в борьбе с наркотиками применяются преимущественно паллиативные меры [11, с. 96–98]. Поэтому существует потребность в модернизации подходов к реабилитационной работе с наркоманами. Предлагается продвижение психологической и социальной помощи навстречу больным — не пассивное ожидание, когда они в отчаянии сами обратятся за помощью, а активное выявление сотрудниками реабилита-

ционных служб наркозависимых лиц в проблемных ситуациях и предложение своих услуг до того, как конкретные обстоятельства и заболевания приняли у больного тяжелую форму.

Важным моментом является подготовка специальных кадров для работы в реабилитационных центрах. Для этого необходимо предусмотреть проведение регулярных семинаров для специалистов по вопросам реабилитации, а также стажировок в уже действующих центрах, в том числе и зарубежных, имеющих богатый опыт успешной работы в данном направлении.

Наряду с созданием реабилитационных центров, считаем необходимым сохранить институт принудительного лечения для десоциализированных наркоманов, чье поведение угрожает их собственным интересам и интересам их близких. В таких тяжелых случаях, когда степень деградации больного настолько значима, что он уже не отвечает за себя, требуется принудительное лечение, которое обязательно должно быть сопряжено с трудотерапией. Как показала многолетняя практика принудительного лечения наркологических больных в лечебно-трудовых профилакториях системы МВД СССР, его эффективность составляла 5–7 %, что является довольно высоким показателем в лечении наркомании [12, с. 32-34].

Естественно, что предложенные мероприятия не являются исчерпывающими. Работу по профилактике наркотизма следует проводить, опираясь на глубокие научные исследования в этой области, с использованием наиболее эффективных форм и методов, так как наркотизм по-прежнему сохраняет лидирующее положение в числе наиболее острых социальных проблем, что крайне негативно отражается на перспективах развития общества и государства. Более того, результаты исследования со всей очевидностью показывают, что без продуманной, последовательной государственной политики бороться успешно с этим асоциальным явлением невозможно.

Противодействие наркотизму должно рассматриваться как комплексная задача, что предопределяет необходимость в осуществлении неотложных и достаточно эффективных мер по пресечению попыток превращения Казахстана в один из центров международного наркобизнеса, дальнейшего распространения наркотизма, предупреждения его доминирующего влияния на формирование подрастающего поколения.

Список использованной литературы:

1. Вопросы борьбы с организованной наркопреступностью в реалиях пандемии COVID-19 // [Электронный ресурс]. URL.: <https://caricc.org/index.php/publikatsii/stati> (дата обращения 09.02.2021).
2. В Казахстане с начала года ликвидировали 5 нарколабораторий [Электронный ресурс] URL.: https://www.kt.kz/rus/crime/5_1377904184.html (дата обращения 13.02.21.).
3. Габбасов А.К. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. — 2018. — № 4 — С. 40.
4. Земцова С. И. Бесконтактный сбыт наркотических средств с использованием интернет-магазинов: актуальные вопросы // Наркоконтроль. — 2019. — № 3 — С. 20.
5. Как полиция Алматы интернет-наркоторговлю подорвала [Электронный ресурс] URL.: <https://zonakz.net/2020/08/05/kak-policiya-almaty-internet-narkotorgovlyu-podorvala/> (дата обращения 15.02.21.)
6. В рамках выполнения проекта грантового финансирования Комитета науки МОН РК на тему «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в Республике Казахстан» (ИРН № AP05135432) были опрошены и проанкетированы более двух тысяч респондентов (2018–2020 гг.).
7. Грамматчиков М. В. К вопросу о профилактике наркопреступности среди молодежи // Материалы международного научно-практического семинара. — Красноярск, 2019. — С. 23.
8. Ветров Н. И. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. — М., 1980. — С. 181.

9. Ханов Т.А., Бакишев К.А., Феткулов А.Х., Нурпеисова А. К. Общая характеристика законодательных новелл в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Казахстан // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 3. — С. 625.

10. Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетом Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс] URL.: https://www.qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat?_piref36_258157_36_223082_223082(дата обращения 23.02.21.).

11. Сембиев Н. С. Есірткі, психотроптық заттарды, сол тектестерді тұтынуға көндірудің кейбір мәселелері // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Ресупублики Казахстан им. Б. Бейсенова. — 2017. — № 2. — С. 96–98

12. Алтынбеков С. А. Распространение наркозависимости в Республике Казахстан и меры противодействия в секторе здравоохранения // Аналитическое обозрение. — 2007. № 1. — С. 32–34.

Феткулов А. Х.,

*экономикалық және құқықтық зерттеулер ғылыми-зерттеу институтының жетекші ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының кандидаты, доцент,
(Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы,
Қарағанды қ., e-mail: fetkulov_german@mail.ru)*

Елдегі есірткі ахуалын талдау және нашақорлықты жеңудің кейбір жолдары

Аннотация. Мақалада Қазақстандағы есірткі ахуалына криминологиялық сипаттама беріледі. Есірткінің алдын алу шаралары, құқық бұзушылық профилактикасын басқару тәсілдері және оның жиынтықта елдегі есірткі ахуалының жай-күйі мен дамуына теріс әсер ететін негізгі параметрлері қаралады. Тиісті өкілеттіктер берілген нашақорлыққа қарсы іс-қимыл жөніндегі үйлестіруші органдарды, сондай-ақ мәжбүрлеп емдеу институтын сақтай отырып, нашақорлықпен ауыратыннауқастарға психологиялық және әлеуметтік көмек көрсететін оңалту орталықтарын құру ұсынылады. Нашақорлар мен оңалту жұмыстарының тәсілдерін жаңарту қажеттілігі бар. Жұмыста елде құқық бұзушылықтардың алдын алудың біртұтас жүйесін құру және бірыңғай мемлекеттік саясат негізінде салауатты өмір салтын ұйымдастыру қажеттілігі туралы көрсетіледі.

Негізгі сөздер: нашақорлық, есірткі бизнесі, есірткінің заңсыз айналымы, есірткі, есірткі қылмысы.

A. Kh. Fetkulov,

*Leading researcher of the Research Institute of Economic and Legal Studies,
Candidate of Law, Associate Professor,
(Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda,
e-mail: fetkulov_german@mail.ru)*

Analysis of drug situation in the country and some ways to overcome drugs

Annotation. This article provides a criminological description of the drug situation in Kazakhstan. The article considers narcotism measures, approaches to crime prevention management and its main parameters, which together have a negative impact on the state and development of the drug situation in the country. It is proposed to create coordinating bodies for combating narcotism, endowed with appropriate powers, as well as rehabilitation centers that provide psychological and social assistance to drug addicts while maintaining the institution of compulsory treatment. There is a need to modernize approaches to rehabilitation work with drug addicts. The paper points out the need to create a comprehensive system of crime prevention in the country and to organize a healthy lifestyle on the basis of a unified state policy.

Keywords: narcotism, drug addiction, drug business, drug trafficking, drug, drug crime.

УДК 343.1

Шукенов Н. С.,

*докторант факультета послевузовского образования, магистр юриспруденции,
подполковник полиции*

(e-mail: karaganda1286@mail.ru);

Абеуов Д. А.,

*начальник кафедры уголовного процесса, магистр юриспруденции, полковник полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: dulatabeuov@mail.ru)*

Совершенствование законодательства по вопросам согласия для принятия процессуального решения

Аннотация. В статье раскрываются точки зрения учёных-процессуалистов относительно процедур начала досудебного расследования по обращению руководителя коммерческой организации, анализируются проблемы, возникающие на стадии досудебного расследования, пути их решения и предложения по их оптимизации. Участники досудебного производства, в том числе работники коммерческой организации, имеют право на объективное расследование в целях недопущения ущемления их конституционных прав и прав на своевременное получение заработной платы. Кроме того, автор акцентирует внимание на мерах пресечения, затрагивающих конституционные права и свободы граждан как участников уголовного процесса, и на основе их анализа предлагает внести ряд изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство по этому вопросу.

Ключевые слова: следователь (дознатель), прокурор, судья (суд), уголовный процесс, процедуры согласования, мера пресечения.

Приоритетной задачей и одним из принципов уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов личности (гл. 2, ст. 8 УПК РК). Уголовное судопроизводство гарантирует защиту конституционных прав и интересов личности каждого гражданина. Поэтому каждый гражданин в уголовном судопроизводстве имеет возможность выражать свое согласие на принятие процессуальных решений, действий, явно и существенно затрагивающих его права и законные интересы.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан к процедурам согласования, обеспечивающим отстаивание участниками процесса своих законных прав и интересов, необходимо отнести:

- получение согласия на привлечение к уголовной ответственности по заявлению коммерческой или иной организации (ст. 33 УПК РК);
- получение следователем согласия на применение мер принуждения участников уголовного судопроизводства (ст. ст. 142, 144 УПК РК);
- получение следователем согласия от участников уголовного судопроизводства на проведение следственных действий (ст. ст. 220, 226, 274 УПК РК);
- получение следователем согласия участников уголовного судопроизводства на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ст. 35 ч. 1 п.п. 5, 11 УПК РК).

Есть и другие процедуры согласования процессуальных решений и действий с участниками уголовного судопроизводства, но мы остановимся на тех случаях согласования процессуальных решений и действий, обеспечивающих отстаивание участниками уголовного процесса своих законных прав и интересов, которые сегодня нуждаются в совершенствовании.

Рассмотрим норму статьи 33 УПК РК: «Если деяние, предусмотренное главой 9 Уголовного кодекса Республики Казахстан, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным предприятием, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, привлечение к уголовной ответственности осуществляется по заявлению руководителя,

учредителя (участника) этой организации или уполномоченного органа или с их согласия» [1].

В практической деятельности при расследовании преступлений, вред от которых причинен коммерческой или иной организацией, могут возникнуть проблемы на стадии досудебного расследования. В соответствии с п. 12 ч. 6 ст. 71 УПК РК потерпевшим может признано юридическое лицо в случае причинения ему имущественного вреда. Здесь мы уже не говорим о деловой репутации юридического лица, так как при определении деловой репутации можно говорить о достоинствах и недостатках юридического лица. При этом нужно учитывать, что между имущественным вредом и неимущественным имеется тесная связь, поскольку последняя подчинена имущественной сфере и несёт за собой определённые последствия. Кроме того, вред, причинённый юридическому лицу в лице коммерческой или иной организации, влечёт за собой существенные последствия, выражающиеся в снижении дохода, не своевременной выплате заработных плат, премий работникам данной организации, поэтому во многом от мнения и, так сказать, согласия руководителя зависит ход расследования досудебного производства. При расследовании подобных категорий уголовных дел следователь не всегда может точно определить размер и сумму причинённого имущественного вреда данному юридическому лицу и установить круг лиц, виновных в причинении вреда. Поэтому можно утверждать, что изначально данная задача полностью возлагается на руководителя организации.

Так, при расследовании уголовных дел проблемой может стать ситуация, когда руководитель сам причастен к данному преступлению, а в соответствии со ст. 33 УПК РК уголовное преследование не может быть начато без заявления последнего. Это усложняет процесс, поскольку руководитель юридического лица, который должен защищать интересы и права организации, может объективно воспрепятствовать началу досудебного расследования.

Отметим для сравнения, что согласно ст. 23 УПК РФ «Если деяние причинило вред исключительно коммерческой или иной организации, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации» [2]. На эту норму обращают внимание российские ученые-процессуалисты. Так, Н. Л. Емелькина предлагает для решения рассматриваемой проблемы внести в ст. 23 УПК РФ изменения, указывающие на то, что заявление руководителя организации необходимо не для возбуждения уголовного дела, а для начала уголовного преследования [3].

В. В. Афисов считает, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела нужно учитывать волеизъявление как коммерческой, так и иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, потерпевшей в результате неправомерных действий ее сотрудника [4]. Э. Мурадов акцентирует внимание на проблеме установления руководителя организации как субъекта преступления в случаях, когда решение о совершении руководителем заведомо противоправных, причинивших крупный ущерб действий принималось коллегиальным органом управления юридического лица [5].

Таким образом, с нашей точки зрения, в целях защиты законных прав и интересов работников организации, а также качественного и объективного расследования уголовных дел данной категории необходимо исключить из ст. 33 УПК РК привлечение к уголовной ответственности по заявлению руководителя коммерческой или иной организации, и расследование осуществлять в общем порядке.

Применение меры пресечения, какой бы она не была: связанной с лишением свободы или ограничением в действиях — в уголовном процессе является одной из мер, затрагивающих права и свободы личности гражданина. Не все меры пресечения, указанные в УПК РК, можно применить самостоятельно, применение некоторых мер пресечения, как мы уже отме-

тили выше, возможно лишь с согласия лица, в отношении которого она применяется, либо с согласия лиц, на которых возлагается обязательство по ее выполнению.

Так, одной из мер пресечения, при которой необходимо согласие лица, на которого возлагается определённое обязательство, является личное поручительство (ст. 142 УПК РК). В качестве поручителя могут выступать два лица, которые принимают на себя поручительство о надлежащем поведении лица, в отношении которого применена мера пресечения.

Рассмотрим меру пресечения в виде наблюдения командования воинской части за военнослужащим. Согласно диспозиции ст. 143 УПК РК при применении указанной меры пресечения уголовно-процессуальный закон не требует согласия ни командования воинской части, ни самого подозреваемого, обвиняемого. При этом при совершении лицом, в отношении которого применена мера пресечения, действий, нарушающих избранную меру пресечения, лица, на которых была возложена обязанность по наблюдению, несут установленную законодательством дисциплинарную ответственность. В основном данная мера пресечения применяется в целях обеспечения явки подозреваемого в ходе досудебного расследования, надлежащего поведения. По данной мере пресечения, хотя мы издесь рассматриваем ее в отношении военнослужащего, следует поддержать точку зрения М. Ч. Когамова, который считает, что в отличие от подписки о невыезде личное поручительство является более обязательной мерой пресечения, так как выполнение обязательств в этом случае делится между подозреваемым (обвиняемым) и поручителями [6].

С диспозицией указанной статьи мы согласиться не можем и предлагаем внести изменения в ст. 143 УПК РК, включив пункт о согласии подозреваемого, обвиняемого с мерой пресечения. При применении меры пресечения военнослужащий освобождается от несения каких-либо службы, наряда. Поэтому при применении меры пресечения военнослужащий должен иметь право на свое волеизъявление и дать согласие на то, что он будет находиться под наблюдением командования воинской части.

Рассмотрим такую меру пресечения, применяемую в отношении несовершеннолетнего, как отдача несовершеннолетнего под присмотр (ст. 144 УПК РК). Следователь может применить данную меру пресечения лишь с письменного ходатайства лица, то есть должен получить согласие лица, на которого возлагается ответственность за поведение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Большинство учёных поддерживают такую позицию законодателя, хотя, например, согласно уголовно-процессуальному закону РФ следователю при избрании меры пресечения «отдача несовершеннолетнего под присмотр» чьего-либо согласия не требуется (ст. 105 УК РФ) [7].

По мнению Т. Л. Прохоровой, избрание меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым возможно только при наличии согласия лица, под присмотр которого отдаётся несовершеннолетний. В равной мере получение согласия распространяется и на должностных лиц специализированного детского учреждения, к которым относятся школы-интернаты, детские дома, приёмники-распределители, специальные воспитательные и лечебно-воспитательные учреждения и т. д. В случае, если никто из предусмотренных законом лиц не желает дать письменное обязательство о присмотре, должна избираться иная мера пресечения [8]. И. Л. Петрухин по этому поводу пишет: «без согласия соответствующих лиц и организации поручительство недопустимо» [9]. Такого же мнения придерживаются И. Л. Трунов, Л. К. Трунова [10].

По нашему мнению, следователь при применении меры пресечения должен учитывать мнение самого несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) по поводу того, с кем ему жить из попечителей и на кого должна ложиться ответственность за его присмотр. По действующему законодательству следователь (дознаватель) по ходатайству родителя или попечителя применяет данную меру пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), не выясняя мнение последнего, его отношение с родителями (в том

числе именно с родителем, на которого возлагаются такие обязательства). Вопросы о том, сможет ли последний выполнить в полной мере требования, которые на него ложатся согласно примененной мере пресечения, не повлекут ли они более тяжелых последствий и не станет ли это причиной применения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) более строгой меры пресечения, остаются открытыми. Кроме того, зачастую родители несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) живут раздельно, поэтому целесообразно было бы получить его согласие или мнение при применении в отношении него данной меры пресечения. Таким образом, считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 144 УПК РК положением о том, что при применении меры пресечения «отдача несовершеннолетнего под присмотр» следует учитывать мнение несовершеннолетнего.

Еще одна мера принуждения, которая требует согласия участвующих в уголовном процессе лиц, — залог. Последнее время данная мера пресечения стала часто применяться в практической деятельности, что вызывает у учёных-процессуалистов множество дискуссий. Ни для кого не секрет, что ранее следователи (дознаватели) зачастую применяли меры пресечения, связанные с ограничением свободы, либо подписку о невыезде и надлежащем поведении.

В своём исследовании Т. А. Ханов в результате опросов следователей (дознавателей) и прокурорских работников установил, что 100 % респондентов уверены, что при применении меры пресечения «залог» в качестве залога должны выступать денежные средства [11]. А. С. Фокин предлагает, например, вообще сузить предмет залога и принимать только денежные средства в национальной валюте [12].

Б. Б. Булатов по этому поводу пишет: «Конструктивные особенности меры пресечения в виде залога таковы, что он может быть избран с согласия подозреваемого (обвиняемого) либо другого физического или юридического лица, фактически вносящего залог и принимающего на себя обязательство обеспечить явку к дознавателю, следователю или в суд подозреваемого (обвиняемого) и предупредить совершение им новых преступлений» [13].

Согласно диспозиции ст. 145 УПК РК при применении меры пресечения в виде залога достаточно согласия подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого применяется мера пресечения, с размером залога и его последствиями в случае невыполнения обязательств. Однако в диспозиции ст. 145 УПК РК отсутствует положение о необходимости согласия подозреваемого (обвиняемого) в тех случаях, когда залогодателем является другое лицо. При внесении в залог имущества, которое будет временно арестовано до принятия окончательного процессуального решения в отношении лица, к которому была применена мера пресечения, лицо, которое вносит залог, ходатайствует об этом, но в данном случае ничего не говорится о согласии подозреваемого (обвиняемого).

В связи с этим считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 145 УПК РК следующим положением: «Внесение залоговой суммы другим лицом в интересах подозреваемого (обвиняемого) при применении меры пресечения допустить лишь с согласия последнего».

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под. ред. И. Л. Петрухина. — М.: ТК Велби, 2002. С. 56.
3. Емелькина Н. Л. Предмет доказывания и привлечение в качестве обвиняемого по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. — М., 2003. — С. 6.

4. Афисов В. В. Процессуальное положение юридического лица как потерпевшего в уголовном судопроизводстве России: Дис. ... канд. юрид. наук. — Сургут, 2008. — С. 94.
5. Мурадов Э. Руководитель организации как специальный субъект преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовный процесс. — 2009. — № 2. — С. 48.
6. Когамов М. Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан. — Алматы, 2008. — С. 293.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, изд. № 174-ФЗ от 18.12.2001 г. <http://base.garant.ru/10108000/>
8. Прохорова Т. Л. Проблемы применения меры пресечения «присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым» // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Дальневосточном федеральном округе. — Хабаровск, 2008. — Ч.2. — С. 414.
9. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. — М.: Наука, 1989. — С. 233.
10. Трунов И. Л., Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе. — СПб.: Юридический центр пресс, 2003. — С. 210.
11. Ханов Т. А. Теория и практика применения залога в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: Учеб. пос. 2-е изд., перераб. и доп. — Алматы: Данекер, 2003.
12. Фокин А. С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-н/Д., 2007. С. 9
13. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: Монография. — Омск: Омская академия МВД России, 2003. — С. 124; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ Российской Федерации от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 15. — Ст. 1756.

Шукенов Н. С.,

*Жоғары оқу орнынан кейін білім беру факультетінің докторанты,
құқықтану магистрі, полиция подполковнигі
(e-mail: karaganda1286@mail.ru);*

Әбеуов Д. Ә.,

*қылмыстық процесс кафедрасының бастығы, құқықтану магистрі, полиция подполковнигі
(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: dulatabeuov@mail.ru)*

Процессуалдық шешімін қабылдау үшін келісім мәселелері бойынша заңнаманы жетілдіру

Аннотация. Мақалада автор коммерциялық ұйым басшысының өтініші бойынша сотқа дейінгі тергеуді бастау рәсімдеріне қатысты процессуалдық ғалымдардың көзқарастарын ашады. Сотқа дейінгі тергеу кезеңінде қандай проблемалар туындайды, оларды шешу жолдары және оларды оңтайландыру бойынша ұсыныстар. Сотқа дейінгі іс жүргізуге қатысушылардың, оның ішінде коммерциялық ұйым қызметкерлерінің өздерінің конституциялық құқықтары мен уақтылы жалақы алу құқықтарына қысым жасауына жол бермеу мақсатында объективті тергеп-тексеруге құқығы бар. Сонымен қатар, мақалада автор азаматтардың конституциялық құқықтары мен бостандықтарына әсер ететін алдын-алу шараларын қарастырады. Онда қылмыстық процеске қатысушылар оларды қорғауға құқылы. Сондықтан автор тыйым салу шараларына қатысты Қолданыстағы қылмыстық іс жүргізу заңнамасына бірқатар өзгерістер енгізуді ұсынады.

Негізгі сөздер: тергеуші (анықтаушы), прокурор, судья (сот), қылмыстық процесс, бұлтартпау шарасы.

N. S. Shukenov,

doctoral student of the faculty of postgraduate education, Master of Law,

Police Lieutenant Colonel

(e-mail: karaganda1286@mail.ru);

D. A. Abeuov,

master of law, police Colonel

*(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: dulatabeuov@mail.ru)*

Improving the legislation on consent issues for making a procedural decision

Annotation. In the article the author reveals the points of view of process scientists regarding the procedures for starting a pre – trial investigation at the request of the head of a commercial organization. What problems arise at the stage of pre-trial investigation, ways to solve them and suggestions for their optimization. Participants in pre-trial proceedings have the right to an objective investigation, including employees of a commercial organization, in order to prevent infringement of their constitutional rights and rights to receive timely wages. In addition, the author considers preventive measures affecting the constitutional rights and freedoms of citizens. In which the participants in the criminal process have the right to defend them. Therefore, the author proposes to make a number of changes to the current criminal procedure legislation regarding measures of suppression.

Keywords: investigator (investigator), Prosecutor, judge (court), criminal proceedings, preventive measure.

**КӘСІБИ ДАЙЫНДЫҚТЫ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ҚЫЗМЕТІН
ӘЛЕУМЕТТІК-ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДІ ЖЕТІЛДІРУ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL TRAINING AND SOCIAL
AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF LAW ENFORCEMENT**

УДК 34.09

Дарменов А. Д.,
начальник Академии,
кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда, Республика Казахстан)

**Роль Карагандинской академии МВД Республики Казахстан
в реализации трехзвенной модели уголовного процесса**

Аннотация. В статье раскрывается содержание трехзвенной модели уголовного процесса, которая призвана обеспечить демократизацию, повышение прозрачности, эффективности и гарантий законности в сфере уголовной юстиции. Автор отмечает, что проводимая реформа характеризует дальнейшее сближение Республики Казахстан с наиболее развитыми демократическими моделями правосудия стран ОЭСР. В работе акцентируется внимание на роли Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им.Б.Бейсенова в реализации трехзвенной модели уголовного процесса и проводимых в этом направлении мероприятиях. Весомый вклад вуза в процесс внедрения трехзвенной модели выражается в фундаментальном научно-аналитическом обеспечении и проведении масштабной информационно-разъяснительной, образовательной работы с личным составом следственных подразделений ОВД.

Ключевые слова: уголовный процесс, трехзвенная модель, уголовное судопроизводство, система сдержек и противовесов, защита прав граждан, правосудие, внедрение трехзвенной модели, уголовная политика.

Внедрение трехзвенной модели уголовного процесса — очередной крупный этап развития системы уголовного судопроизводства Казахстана, характеризующий дальнейшее сближение ее с наиболее развитыми демократическими моделями правосудия стран ОЭСР.

Объявив о переходе к трехзвенной модели уголовного правосудия, Глава государства К.-Ж. Токаев задал востребованный обществом тренд уголовной политики на дальнейшую демократизацию, повышение прозрачности, эффективности и гарантий законности в сфере уголовной юстиции, определил основные позиции этой реформы: «Полиция должна выявлять преступления, устанавливая причастных лиц, собирать и закреплять улики. Прокурор обязан давать независимую оценку собранным доказательствам, пресекать нарушения прав граждан, не допускать вовлечения добросовестных граждан в уголовный процесс, поддерживать обвинение в суде. Суд будет рассматривать жалобы на действия органов и выносить окончательный вердикт по делу» [1].

Данные лаконичные постулаты содержат суть комплексной, научно обоснованной теории прогрессивного развития уголовного процесса, в основу которой положены лучшие стандарты и апробированные практики стран ОЭСР.

Трехзвенная модель обеспечит:

- 1) баланс общественных интересов и защиты прав человека;

2) действенную систему сдержек и противовесов между властными субъектами, в том числе четкое разделение полномочий правоохранительных органов;

3) создание на каждом этапе уголовного процесса эффективных фильтров, препятствующих нарушению законности;

4) стабильное, качественное и своевременное правосудие.

В итоге казахстанское общество получит дополнительные условия для эффективной защиты прав человека и полноценной реализации принципов уголовного судопроизводства. Именно эти институциональные основы уголовного процесса в странах ОЭСР позволяют считать их правовые режимы наиболее развитыми и благоприятными.

В этой связи все усилия государственных органов, наделенных уголовно-процессуальной функцией, направлены на скорейшую, качественную реализацию поручения Президента страны о внедрении трехзвенной модели в законодательство и следственно-судебную практику.

Основной фронт работы в этом направлении проделан Генеральной прокуратурой и Следственным департаментом МВД Республики Казахстан:

– в кратчайшие сроки разработана концепция реформы и соответствующий проект Закона (на его основе 19 декабря 2020 г. принят Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции») [2];

– в Павлодарской и Кызылординской областях начат пилотный проект по апробации первого этапа внедрения трехзвенной модели (согласование и утверждение прокурором всех процессуальных решений на этапе досудебного расследования; упрощенное подписание им процессуальных документов посредством электронно-цифровой подписи).

Карагандинской академией МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова (далее — Карагандинская академия МВД) проделана большая работа по реализации в пределах своей компетенции мероприятий по внедрению трехзвенной модели уголовного судопроизводства.

1. Ввиду того, что Карагандинская академия МВД имеет следственно-криминалистическую специализацию, сотрудники Научно-исследовательского института, профильных кафедр во взаимодействии со Следственным департаментом МВД приняли прямое участие в разработке программных документов и законопроекта по реализации трехзвенной модели.

2. Карагандинская академия, будучи крупнейшим вузом МВД, стала единой площадкой дистанционного разъяснения сотрудникам следственных подразделений ОВД положений вышеуказанного Закона и особенностей внедрения первых элементов трехзвенной модели в следственную практику. Данное мероприятие проведено 22 декабря 2020 г. в формате семинара-совещания (онлайн) под председательством начальника Следственного департамента МВД Республики Казахстан полковника полиции С. А. Адилова.

3. С момента принятия Закона (с 19 декабря 2020 г.), с учетом внедренных элементов трехзвенной модели в Академии была организована и к 1 января 2021 года завершена комплексная, всеобъемлющая работа по корректированию учебно-методической, плановой и программной документации в учебном и научно-исследовательском процессах. Соответственно, с начала 2021 г. все категории обучающихся Академии изучают уголовный процесс, тактику и методику расследования уголовных правонарушений с учетом внедренных новелл, для факультета повышения квалификации разработан специальный курс о трехзвенной модели уголовного правосудия и правовой характеристике ее основных элементов.

4. В целях обсуждения вопросов эффективного внедрения в следственную практику трехзвенной модели уголовного судопроизводства в Академии регулярно проводятся встречи личного состава с сотрудниками Прокуратуры, Департамента юстиции, адвокатуры. С января

2021 г. функционирует научная школа ведущего ученого-процессуалиста доктора юридических наук профессора М. Ч. Когамова. Перед курсантами, слушателями и научно-педагогическим составом Академии М. Ч. Когамов регулярно выступает с лекциями о правовой природе, содержании и перспективах развития трехзвенной модели.

5. Сотрудники Научно-исследовательского института и профильных кафедр Академии поддерживают связь с сотрудниками Следственного департамента МВД, следственных управлений департаментов полиции Павлодарской и Кызылординской областей, курирующих и непосредственно реализующих пилотные проекты внедрения первого этапа трехзвенной модели. Все изменения, вызовы и проблемы, возникающие в ходе данных пилотных проектов, отслеживаются и подвергаются научному анализу.

6. Научно-исследовательским институтом Академии проводится специальное исследование вопросов, связанных с изменением статуса и правового положения следователя ОВД в связи с внедрением трехзвенной модели уголовного правосудия.

Учитывая, что новшества трехзвенной модели впервые получают апробацию на практике, данное исследование направлено, прежде всего, на выявление и анализ текущих и перспективных рисков для процессуального положения следователя ОВД и следственных органов в целом (в части возможного ограничения их процессуальной эффективности). Это позволит создать необходимую научно-правовую основу для точечной корректировки уголовно-процессуального законодательства и других запланированных мероприятий, направленных на полное и окончательное внедрение трехзвенной модели.

Безусловно, несмотря на определенные сложности и риски, внедрение трехзвенной модели уголовного судопроизводства — важнейший и необходимый этап развития уголовной политики страны. Следует отметить в целом стабильный, положительный характер хода реализации реформы. Внедрение трехзвенной модели осуществляется планомерно, с полным пониманием органами и должностными лицами, ведущими уголовный процесс, своих задач. Оказывая фундаментальное научно-аналитическое обеспечение и проводя масштабную информационно-разъяснительную, образовательную работу с личным составом следственных подразделений ОВД, Карагандинская академия МВД вносит весомый вклад в процесс реформирования.

Наряду с реализацией трехзвенной модели уголовного процесса Академия успешно решает и другие приоритетные задачи по укреплению правопорядка: развитие научно-образовательного комплекса в области противодействия торговле людьми, насилию в отношении женщин и несовершеннолетних, в том числе семейно-бытовому насилию. В частности, созданы необходимые условия для выполнения поручения Главы государства об усилении противодействия насилию против женщин [2]. В Академии организована подготовка женщин-следователей для расследования преступлений в сфере семейно-бытового насилия и насильственных преступлений против женщин. По следственной специализации сегодня обучается 317 девушек (40 % от общего числа обучающихся). Учебный процесс также скорректирован на углубленное изучение правовых основ противодействия семейно-бытовому насилию и особенностей расследования преступлений данного вида.

Значительная историческая роль, высокий статус Карагандинской академии в системе научно-образовательных организаций правоохранительных органов стран СНГ, а также следственно-криминалистическая специализация определяют ее важную миссию в реализации реформ в системе правосудия. Учитывая высокий научно-педагогический потенциал, значительный опыт и богатые традиции, Карагандинская академия МВД РК им.Б.Бейсенова выражает полную готовность к продолжению плодотворной работы в этом направлении и уверенность в успешном достижении поставленных целей.

Список использованной литературы:

1. Казахстан в новой реальности: время действий: Послание Главы государства К.-Ж. Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2020 года // Электронный ресурс (режим доступа): https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g
2. Речь Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева на Пятом заседании Национального совета общественного доверия 25 февраля 2021 г. // Электронный ресурс (режим доступа): https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_sittings/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-ryatom-zasedanii-nacionalnogo-soveta-obshchestvennogo-doveriya.

Дарменов А. Д.,
Академия бастығы,
заң ғылымдарының кандидаты, доцент, полиция генерал-майоры
(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ.)

Қылмыстық процестің үш буынды моделін іске асырудағы Қазақстан Республикасы іім қарағанды академиясының рөлі

Аннотация. Осы мақалада қылмыстық әділет саласындағы заңдылықты демократияландыруды, ашықтығын, тиімділігі мен кепілдіктерін арттыруды қамтамасыз етуге арналған қылмыстық процестің үш буынды моделінің мазмұны ашылады. Автор жүргізіліп жатқан реформа Қазақстан Республикасының ЭБДҰ сот төрелігінің неғұрлым дамыған демократиялық модельдерімен одан әрі жақындасуын сипаттайтынын атап өтті. Мақалада Қазақстан Республикасы ІІМ Қарағанды академиясының рөліне баса назар аударылады. Б. Бейсенова қылмыстық процестің үш буынды моделін және осы бағытта өткізілетін іс-шараларды іске асыруда. ЖОО-ның үш буынды модельді енгізу процесіне қосқан қомақты үлесі іргелі ғылыми-талдамалық қамтамасыз етуге және ІІО тергеу бөлімшелерінің жеке құрамымен ауқымды ақпараттық-түсіндіру, білім беру жұмыстарын жүргізуде көрінеді.

Негізгі сөздер: қылмыстық процесс, үш буынды модель, қылмыстық сот ісін жүргізу, тежемелік әрі тепе-теңдік жүйесі, азаматтардың құқықтарын қорғау, сот төрелігі, үш буынды модельді енгізу, қылмыстық саясат.

A. D. Darmenov,
Head of the Academy,
PhD in Law, Associate Professor, Major General of Police
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov)

The role of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan in the implementation of the three-tier model of the criminal process

Annotation. This article notes the role of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan in the implementation of the three-tier model of the criminal process. The author reveals the content of the three-tier model of the criminal process, which is designed to ensure democratization, increase transparency, efficiency and guarantees of the rule of law in the field of criminal justice. The article focuses on the activities carried out by the Academy to introduce a three-tier model of criminal justice. The significant contribution of the Academy in this direction is expressed in the fundamental scientific and analytical support and conducting large-scale information and explanatory, educational work with the personnel of the investigative divisions of the Department of Internal Affairs.

Keywords: criminal process, three-tier model, criminal justice, system of checks and balances, protection of citizens' rights, justice, implementation of the three-tier model, criminal policy.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕ
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
INTERNATIONAL COOPERATION AND FOREIGN EXPERIENCE

UDC 37.04

L. Sh. Avkhadeeva,
*senior Researcher at the Center for the Study
of the History of Internal Affairs Bodies of the Research Institute,
Candidate of Juridical Science, lieutenant colonel of police
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: avkliliya@mail.ru)*

**Introduction of the service model of the police as part of the
overall modernization of the internal affairs bodies Republic of Kazakhstan**

Annotation. Today, the law enforcement activities of the internal affairs bodies are not without many problems, both legal and organizational, which reduce the effectiveness of the police and negatively affect its assessment by the public. In accordance with the Address of the President of the country to the people of Kazakhstan "Constructive public dialogue-the basis of stability and prosperity of Kazakhstan" dated September 2, 2019. in the republic, a full-scale reform of the law enforcement system has begun, caused by the need to improve the professional competence of personnel and transition to a service model of the police. The Roadmap for the Modernization of the internal affairs bodies for 2019–2021 is under active implementation, the main directions and the achieved results of which are considered by the author of the article. The analysis of the activities carried out within the framework of the implementation of the Roadmap allows us to conclude that the changes in the system of internal affairs bodies will contribute to the formation of a service model of the police and strengthen the positive image of the police.

Keywords: police, Roadmap, modernization of the internal affairs bodies, optimization, departmental education, the competence of the internal affairs department, unusual functions, the service model of the police.

In the Address of the Elbasy of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan «Growth in the prosperity of Kazakhstan: increasing income and quality of life» dated October 5, 2018, it is indicated that deep and high-quality changes in the work of law enforcement agencies, primarily the [1]. In this regard, at the legislative level, various mechanisms have been developed for the implementation of this direction, including the Roadmap for the modernization of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan for 2019–2021 [2], including organizational and legal measures to improve the activities of the police. The main task of reforming the Kazakh police is to create a service model of the police service, fully focused on the requests and needs of citizens in the field of law and order. «A police officer should act and act in a way that serves the interests of all members of society ... every police officer should strive to successfully solve a person's social problem and recognize his responsibility to society, so that these relations have effective results» [3].

The roadmap provides for the modernization of internal affairs bodies in the following nine areas, including 54 points:

- 1) optimization of the organizational and staff structure;
- 2) improving the system of remuneration and social protection of employees;
- 3) selection and training of personnel. Modernization of departmental education;
- 4) exclusion of unusual functions from the competence;
- 5) new formats of work with the population;
- 6) introduction of new evaluation criteria;
- 7) elimination of the causes and conditions conducive to corruption;

- 8) modernization of the penal system;
- 9) modernization of civil protection bodies.

Currently, significant results have been achieved in the implementation of measures in these areas. Let us dwell on a brief review of some of them. So, according to the first direction of the «Roadmap for the modernization of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan for 2019–2021», as a result of optimization of the organizational and staff structure, 106 redundant management links, including 1,483 management ones, were abolished. Along with this, the staffing of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan was reduced by 11 %, which amounted to 10,592 units. Accordingly, the number of police officers per 100,000 population decreased (from 471 to 393 people) [4]. Moreover, within the framework of this direction, the combat units of the road patrol police were reorganized into the patrol police. Today, the optimization of the sergeant staff of the internal affairs bodies continues by transferring it to the officer category.

As part of the implementation of the Concept for the development of the tourism industry of the Republic of Kazakhstan until 2023 [5] in six regions of the republic, a tourist police has been created (in the cities of Nur-Sultan, Almaty, Akmola, Almaty, Turkestan and East Kazakhstan regions), the main tasks of which are consulting, informing tourists and guests on issues of interest, ensuring their safety at cultural sites, when visiting various attractions and resorts of the country.

In the second direction, which provides for the improvement of the remuneration system and social protection, due to the money saved as a result of the optimization of the organizational and staff structure of the police and additional funds allocated from the budget, the salaries of police officers have been differentially increased since July 1, 2019 in the following percentage terms:

- by 65 % – the patrol police;
- by 55 % – operational and investigative divisions;
- by 25 % – UIP (IDN) and teachers of departmental educational institutions;
- by 20 % – employees of other police services and the penal system.

Along with this, the list of employees who have the right to receive material compensation for rental housing has been expanded. Today, this right is vested not only with employees of the operational and investigative police units, but also district inspectors, juvenile inspectors and patrol police officers.

Within the framework of the third direction «Selection and training of personnel. Modernization of departmental education», the optimization of departmental educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan was carried out by means of their reorganization. Today, the following educational institutions are training professional personnel for the police department: Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beysenov, Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatova, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabyldaeva, Aktobe Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbaev and the Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Momyshuly (previously there were 12 educational institutions, 5 remained). Within the framework of the ongoing reform, departmental educational institutions are focused on training specialists in programs of initial vocational training and advanced training. At the same time, the training of specialists for undergraduate studies has been preserved only at the Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beysenov.

At the same time, a de-certification of the teaching staff of the departments of social and humanitarian disciplines and language training was carried out, while maintaining social security, all benefits and advantages. Practice-oriented curricula and new special courses and disciplines have

been actively introduced into the educational process of personnel training and continue to be introduced.

In the fourth direction, on the basis of an analysis of the functions carried out by subdivisions and services of the internal affairs bodies, functions that are not inherent to them have been excluded. Thus, 33 protected objects of state bodies and legal entities were transferred from the jurisdiction of the internal affairs bodies to the competitive environment. From July 1, 2019, the divisions of registration and examination work were abolished, their functions were transferred to the state corporation «Government for Citizens».

The fifth direction, provided for by the Roadmap for the modernization of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan for 2019–2021, involves the introduction of new formats of work with the population aimed at ensuring openness and transparency in police activities, the transition to a service model of the police, completely focused on requests and the needs of citizens in the field of law and order.

The fifth direction, provided for by the Roadmap for the modernization of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan for 2019–2021, involves the introduction of new formats of work with the population aimed at ensuring openness and transparency in police activities, the transition to a service model of the police, completely focused on requests and the needs of citizens in the field of law and order.

«In the era of development of democratic principles, issues of public confidence are key. The level of public confidence is an important indicator of the work of state bodies ... The work of the police in recent years in the country as a whole has had positive results in the fight against crime, while the perception of citizens of the level of their own security related to these activities does not change ... country of tasks, a positive opinion of citizens, based on trust in the police, is one of the key priorities in the activities of the internal affairs bodies» [6].

In order to implement the fifth direction, front offices based on the principles of public service centers-transparency, openness and accessibility - have been created in all territorial police departments to receive citizens. Through the front offices, citizens receive the necessary information, legal advice on various issues related to the activities of a law enforcement agency. The activities of the front offices are aimed at ensuring efficiency in solving the problems of citizens and increasing the level of public confidence in the police.

Along with this, large-scale actions «Reception on the road» are periodically held, as a result of the implementation of which citizens have the opportunity to quickly and informally resolve their questions, as well as make proposals for improving the work of the police.

Every week, the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan and police departments of cities, regions receive citizens. The heads of the internal affairs bodies and district police inspectors hold reporting meetings with the population. The «Blog of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan» has been created and is functioning, which receives numerous applications from citizens with their subsequent consideration.

The transition of law enforcement agencies to a new format of work with the population will contribute to increasing citizens' confidence in the institutions of state power, the formation of an anti-corruption culture and a constructive dialogue between society and the police. The introduction of the principles of openness and transparency in police activities meets all the requirements of the state's modern anti-corruption policy.

In pursuance of the sixth paragraph of the Roadmap for the modernization of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan for 2019–2021 new criteria for assessing police activities were introduced, based on indicators that objectively reflect the quality of implementation of assigned tasks and the population's assessment of the state of security and the effectiveness of police activities.

As part of the implementation of the seventh direction «Elimination of causes and conditions conducive to corruption», the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, the Agency of the Republic of Kazakhstan for Combating Corruption and institutions of civil society signed a tripartite Plan (dated May 28, 2019), which includes 28 events, divided into 4 homogeneous groups, each of which is aimed at:

- reduction of discretionary powers (first group);
- increasing the personal responsibility of employees (second group);
- increasing the transparency of the work of the internal affairs bodies (third group);
- strengthening of prevention in the units most susceptible to corruption risks (fourth group).

The eighth direction of the Roadmap for the modernization of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan for 2019–2021. aimed at modernizing the penal system. The working conditions of convicts are currently improving. For this purpose, small and medium-sized businesses are involved. In particular, on the territory of criminal correctional institutions, various industries are created (for example, furniture, building materials, etc.), in the activities of which convicts are involved. In two colonies of Akmola and Almaty regions, a pilot project of electronic stores has been launched, as a result of which convicts have the opportunity to purchase essential goods by non-cash payment. Internet visits with relatives are being gradually introduced to maintain socially useful ties of convicts.

In order to prevent corruption on the part of the staff of penitentiary institutions and provocations on the part of convicts, video surveillance systems in the institutions of the penitentiary system (stationary and personal cameras of employees) are being expanded.

In the ninth direction «Modernization of civil protection bodies» of the Roadmap for the modernization of internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan for 2019–2021. operational rescue teams have been optimized: functions of 5 regional airmobile operational rescue teams (Central, Eastern, Western, North, South) and 10 operational rescue teams (Aktobe, Akmola, Almaty, Zhambyl, West Kazakhstan, Karaganda, Pavlodar, Mangistau, North Kazakhstan regions and the city of Shymkent) were transferred to the Firefighting and Rescue Services of the Emergency Situations Departments of the regions, g. Astana, Almaty, Shymkent.

For the initial training of candidates for civil protection bodies, the staffing of vocational training schools was transferred to the Kokshetau Technical Institute of the Department (formerly the Committee) for Emergency Situations of the Republic of Kazakhstan. As a result, the number of state institutions subordinate to the Department decreased from 53 to 38 (15 state institutions are abolished) and vocational training schools — from 16 to 4 [7]. It should be noted that in pursuance of the Address of the Head of State Kassym-Zhomart Tokayev to the people of Kazakhstan «Kazakhstan in a new reality: time for action» dated September 3, 2020 No. [8] By the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 9, 2020 No. 408 «On the formation of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Kazakhstan» [9] emergency authorities are removed from the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan.

List of used literature:

1. Назарбаев Н. А. Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 5 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-5-oktyabrya-2018-g (дата обращения: 01.04.2021).

2. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Дорожной карты по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 годы» от 27 декабря

2018 г. № 897 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1_800000897 (дата обращения: 01.04.2021).

3. Ералина С. Е. Общественное мнение как критерий оценки деятельности полиции и использование его в подготовке кадров // Современные тенденции развития юридической науки: Мат-лы международ. науч.-теорет. конф. молодых ученых / Под общ. ред. А. Дарменова.—Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2020. — С. 78.

4. Модернизация органов внутренних дел Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ormvd.ru/pubs/103/modernization-of-the-internal-affairs-bodies-of-the-republic-of-kazakhstan> (дата обращения: 01.04.2021).

5. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2023 года» от 30 июня 2017 г. № 406. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39370590 (дата обращения: 01.04.2021).

6. Сайтбеков А. М., Адалиев Н. К. Переход к сервисной модели полиции в Казахстане // Ғылым — Наука. — № 3. — 2020. — С. 88.

7. Модернизация органов внутренних дел РК: 9 основных направлений. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://toppress.kz/article/modernizaciya-organov-vnutrennih-del-rk-9-osnovnih-napravlenii> (дата обращения: 01.04.2021).

8. Токаев К.-Ж. Казахстан в новой реальности: время действий: Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomartatokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 01.04.2021).

9. Указ Президента Республики Казахстан «Об образовании Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Казахстан» от 9 сентября 2020 г. № 408. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32408437 (дата обращения: 01.04.2021).

Авхадеева Л. Ш.,

Ғылыми зерттеу институтының ішкі істер органдарының тарихын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының кандидаты, полиция подполковнигі (Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: avkliliya@mail.ru)

Қазақстан Республикасының ішкі істер органдарында жалпы жаңғыртудың бөлігі ретінде полицияның сервистік моделін енгізу

Аннотация. Бүгінгі таңда ішкі істер органдарының құқық қорғау қызметі полиция қызметінің нәтижелілігін төмендететін және оны қоғам тарапынан бағалауға теріс әсер ететін құқықтық та, ұйымдастырушылық та сипаттағы көптеген проблемалардан айырылған жоқ. Ел Президентінің 2019 жылғы 2 қыркүйектегі «Сындарлы қоғамдық диалог — Қазақстанның тұрақтылығы мен өркендеуінің негізі» атты Қазақстан халқына Жолдауына сәйкес республикада жеке құрамның кәсіби құзыреттілігін арттыру және полицияның сервистік моделіне көшу қажеттігінен туындаған құқық қорғау жүйесінің толық ауқымды реформасының басталуы белгіленді. Ішкі істер органдарын жаңғырту жөніндегі 2019–2021 жылдарға арналған Жол картасы белсенді іске асырылу сатысында тұр, оның негізгі бағыттары мен қол жеткізілген нәтижелерін мақала авторы қарайды. Жол картасын іске асыру шеңберінде жүргізілетін іс-шараларды талдау ішкі істер органдары жүйесіндегі өзгерістер полицияның сервистік моделін қалыптастыруға және полицияның оң имиджін нығайтуға ықпал етеді деген қорытындыға келуге мүмкіндік береді.

Негізгі сөздер: полиция, жол картасы, ішкі істер органдарын жаңғырту, оңтайландыру, ведомстволық білім беру, ПО құзыреті, өзіне тән емес функциялар, полицияның сервистік моделі.

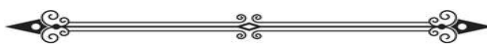
Авхадеева Л. Ш.,

*старший научный сотрудник центра по исследованию истории органов внутренних дел
Научно-исследовательского института,
кандидат юридических наук, подполковник полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: avkliliya@mail.ru)*

Внедрение сервисной модели полиции как часть общей модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан

Аннотация. Сегодня правоохранительная деятельность органов внутренних дел не лишена множества проблем как правового, так и организационного характера, снижающих результативность деятельности полиции и негативно влияющих на ее оценку со стороны общественности. В соответствии с Посланием Президента страны народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог — основа стабильности и процветания Казахстана» от 2 сентября 2019 г. в республике началась полномасштабная реформа правоохранительной системы, вызванная необходимостью повышения профессиональной компетентности личного состава и перехода к сервисной модели полиции. В стадии активной реализации находится Дорожная карта по модернизации органов внутренних дел на 2019–2021 гг., основные направления и достигнутые результаты которой рассматриваются автором статьи. Анализ проводимых в рамках реализации Дорожной карты мероприятий позволяет прийти к выводу, что преобразования в системе органов внутренних дел будут способствовать формированию сервисной модели полиции и укреплению положительного имиджа полицейского.

Ключевые слова: полиция, Дорожная карта, модернизация органов внутренних дел, оптимизация, ведомственное образование, компетенция ОВД, несвойственные функции, сервисная модель полиции.

УДК 343.137.2

Горбенко Т. В.,

*преподаватель-методист отделения методического обеспечения учебного процесса
учебного отдела Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
адъюнкт кафедры уголовного процесса, лейтенант полиции
(Краснодарский университет МВД России, Республика Крым, г. Симферополь,
e-mail: tatyana.com12@mail.ru)*

Ускоренное досудебное производство: анализ правовых ограничений

Аннотация. Статья посвящена определению и раскрытию сущности правовых ограничений применения ускоренного досудебного производства. Наука уголовно-процессуального права располагает рядом научных работ по смежным темам, однако в них рассмотрены отдельные случаи, когда производство ускоренного досудебного производства недопустимо. Настоящая работа представляет собой комплексное исследование, посвященное анализу всех ограничений, предусмотренных как уголовно-процессуальным правом, так и апробированных наукой уголовного процесса. Автором предпринята попытка систематизации правовых ограничений при ускоренном досудебном производстве. По мнению автора, законодательно определенные ограничения для применения рассматриваемого института способствуют правильному и обоснованному их применению в различных ситуациях, что соответствует принципу законности при производстве по уголовному делу, а также обеспечивает учет личностных характеристик участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, принцип уголовного судопроизводства, ускоренное (упрощенное) производство, ускоренное досудебное производство, правовые ограничения, участник уголовного судопроизводства, гарантии, анализ.

В последние годы российский уголовный процесс подвергается множественным трансформациям, что отразилось на его понимании и правоприменении. Коренные изменения коснулись форм осуществления уголовного процесса. В частности, была выдвинута концепция оптимизации и упрощения уголовного процесса, состоящая в развитии упрощенного (ускоренного) производства по уголовным делам с целью экономии средств и времени, повышения эффективности уголовного процесса [1, с. 107]. Такого рода изменения имели место не только в сфере российского уголовного процесса, но и в сфере уголовного-процессуального права различных государств, что свидетельствует о масштабах распространения новых уголовно-процессуальных форм.

Очевидно, введение в сферу уголовно-процессуального права новых форм его осуществления должно быть не только необходимым и оправданным, а порядок и особенности их применения соотноситься с принципами основного закона государства, отраслевыми и межотраслевыми принципами, но и не противоречить им и не умалить их значения. В этой связи необходимо учитывать все обстоятельства возникновения и существования уголовно-процессуальных институтов, а также их смысл, заложенный законодателем.

Хорошо известно, что уголовный процесс призван обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина и, без сомнения, его возникновение связано с наличием в нашем государстве такого негативного социального и уголовно-правового явления, как преступность. Это достижимо лишь при наличии у государства надлежащей правовой основы и механизма противодействия преступности [2, с. 55]. Кроме того, задача любого государства состоит в минимизации преступности и исправлении осужденных. Она достигается применением более гуманных средств и методов уголовного преследования и наказания лиц, впервые совершивших уголовно наказуемые деяния, раскаявшихся в их совершении, возместивших причиненный преступлением ущерб, а также желающих встать на путь исправления.

Изложенное позволяет заключить, что ускоренное досудебное производство по уголовным делам [3, с. 2536] способно выполнить эту задачу. При этом первостепенная задача состоит в определении назначения ускоренного досудебного производства и его значения для уголовного судопроизводства.

Ввиду сказанного, считаем научно обоснованными высказывания относительно многоаспектности ускоренного досудебного производства по уголовным делам, определяющей необходимость всестороннего анализа рассматриваемого явления. Е. А. Кененбаев в рассматриваемом контексте определяет ключевым интерес стороны защиты, состоящий в возможности получения меньшего наказания в обмен на должное поведение. Обосновывая свое мнение, он приходит к выводу, что такое положение вещей является для лица, совершившего преступление, стимулом признания своей виновности и способствует установлению обстоятельств и расследованию преступлению. Позиция Е. А. Кененбаева нам близка. В этой связи уместно говорить о том, что цель уголовного судопроизводства может быть достигнута путем сокращения срока производства [1, с. 108] и предмета доказывания [4, с. 113].

При этом для реализации принципов законности и обоснованности уголовного судопроизводства законодательно установлены границы действия уголовно-процессуальных норм, именуемые правовыми ограничениями. Применительно к ускоренному досудебному производству в российском уголовно-процессуальном праве также действуют правовые ограничения, согласно которым ускоренное досудебное производство по уголовным делам не применяется в случаях, если:

- 1) одно из совершенных лицом преступлений является особо тяжким [1, с. 108];
- 2) преступление совершено в соучастии, и один из соучастников преступления не признает своей вины;
- 3) преступление совершено несовершеннолетними или лицами, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществить свое право на защиту;

- 4) подозреваемый является несовершеннолетним;
- 5) имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера;
- 6) подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;
- 7) потерпевший возражает против производства ускоренного производства по уголовному делу.

Прописанные законодателем правовые ограничения для применения ускоренных производств вполне оправданы, однако считаем, что они не в полной мере учитывают правовой характер исследуемого явления и не охватывают его сущность, поскольку остается открытым вопрос о применении данной уголовно-процессуальной формы в отношении лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования.

Для устранения описанного пробела в законодательстве целесообразно предусмотреть в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации указанный случай, когда ускоренное досудебное производство не может применяться. Таким образом, будет регламентирован порядок производства ускоренного досудебного производства в отношении данной категории населения, созданы условия для обеспечения их прав и законных интересов, а также будет формироваться положительная правоприменительная практика в рассматриваемом контексте.

Позиция автора о расширении условий, ограничивающих применение рассматриваемого института, основывается не только на анализе норм уголовно-процессуального права Российской Федерации и практике их применения, но и на положениях уголовно-процессуального права иных государств, где институт ускоренного досудебного производства нашел отражение в уголовно-процессуальном законе, получил широкое освещение в науке и положительно зарекомендовал себя на практике. Среди таких государств, представляющих особое внимание, можно выделить Республику Азербайджан, Республику Беларусь, Республику Казахстан.

Для того, чтобы определить, насколько рассмотренные правовые ограничения согласуются с принципами уголовного судопроизводства и какова их роль в ускоренном досудебном производстве, считаем целесообразным изучить точки зрения ученых. Безусловно, идея оптимизации и рационализации уголовного судопроизводства путем введения ускоренных досудебных производств имеет своих противников и сторонников, что соответствует сущности любого исследуемого явления, которое априори не может быть совершенным.

Приведенные ниже суждения ученых, не разделяющих данную идею, выдвигают право человека и гражданина на всестороннее, полное и объективное расследование уголовного дела на передний план и оно, согласно такой позиции, не может быть обеспечено упрощенными производствами. Так, по мнению В. М. Савицкого, «трагический опыт советской и российской истории неопровержимо свидетельствует, что любое сокращение, урезывание процессуальных гарантий способно привести к произволу и беззаконию и никогда — к действительному усилению борьбы со преступностью» [5, с. 11].

А. Банчук считает, что «опыт многих постсоветских стран свидетельствует, что упрощенное (ускоренное) уголовное производство приводит, в конечном счете, к упрощению (ограничению, несоблюдению) основополагающих прав и свобод подозреваемых и обвиняемых лиц» [6]. О существенном снижении стандартов доказывания и сокращении гарантий прав участников уголовного судопроизводства неоднократно высказывался Д. К. Канафин [7].

Сторонники исследуемого явления, например, А. Н. Ахпанов [8], наоборот, призывают к упрощенным производствам по уголовным делам, подчеркивая их положительные аспекты. Г. Х. Феткулов отмечает значимость рассматриваемого института для уголовного судопроизводства [9].

Как видим, практически все ученые при рассмотрении сущности ускоренного досудебного производства по уголовным делам ключевым моментом считают обеспечение гарантий

прав участников уголовного судопроизводства при ускоренном производстве, что вполне обосновано и продиктовано Конституцией Российской Федерации. В этой связи абсолютно не важно, какая форма уголовного процесса будет иметь место в конкретном случае, важно, чтобы она соответствовала принципам и нормам Конституции Российской Федерации и гарантировала обеспечение прав участнику уголовно-процессуальных отношений. Наличие перечисленных условий может служить основанием для пересмотра уголовно-процессуального права в сторону упрощения и оптимизации.

Изложенное позволяет заключить, что расширение правовых ограничений применения ускоренного досудебного производства путем включения предложенных автором положений позволит устранить пробелы в законодательном регулировании данного производства, более того, гарантировать права участникам уголовного судопроизводства, обладающим особенностями и подпадающим под названные категории лиц. В частности, включение такого условия, как «ускоренное досудебное производство не применяется, если лицо обладает привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования» с указанием порядка, условий и особенностей производства по таким уголовным делам позволит правильно определить уголовно-процессуальные и организационные аспекты расследования по уголовным делам данной категории [10, с. 27], поскольку практика расследования уголовных дел с участием такой категории лиц вызывает множество вопросов и затруднений, вызванных нормативным неурегулированием некоторых аспектов.

Нормативное закрепление такого условия, во-первых, позволит выделить признаки (критерии) подследственности и предопределил закрепление правоохранительного ведомства и его должностных лиц, имеющих право расследовать уголовные дела данной категории и, как следствие, решить вопрос о разграничении компетенции между должностными лицами и различными правоохранительными ведомствами и беспрепятственной передаче уголовных дел по подследственности. Во-вторых, это определит порядок привлечения лиц, обладающих привилегиями или иммунитетом, к участию в процессуальных действиях, порядок уведомления центральных органов и проведения переговоров, что облегчит производство по уголовному делу, будет положительно влиять на сроки возбуждения уголовного дела и его расследования, а также позволит исключить возможную утрату следов и вещественных доказательств, вызванную затягиванием сроков расследования.

В-третьих, учитывая то обстоятельство, что в отношении лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом, устанавливается особый порядок производства следственных действий, а, следовательно, производство по уголовным делам в отношении них производится в общем порядке с применением особых условий, предусмотренных УПК Российской Федерации, закрепление предложенного правового ограничения исключит сомнения в том, что по уголовным делам, где участником является лицо, обладающее привилегиями или иммунитетом, возможно ускоренное досудебное производство.

Таким образом, сформулированная автором позиция направлена на совершенствование российского уголовно-процессуального права в части применения ускоренного досудебного производства и исключения недопустимого толкования уголовно-процессуальных норм, приводящего к несоблюдению порядка производства по уголовным делам и нарушению либо ущемлению прав участников уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Кененбаев Е. А. Правовые ограничения применения ускоренного (сокращенного) досудебного производства по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 3 (33). — С. 107–111.

2. Зинатуллин З. З. Основные вопросы современного российского уголовного процесса и их решение // Вестник Омского университета. Серия Право. — 2008. — № 1. — С. 55–58. // URL: https://gendocs.ru/v33042/вестник_омского_университета_серия_право_2008_1?page=4 (Дата обращения: 29.01.2021).

3. Михайлова А. А. Исторический опыт развития института судебных издержек в России: от Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 11. — С. 2536–2539.

4. Мажренов Б. Б. Сравнительный анализ института сделки о признании вины по УПК Казахстана и особого порядка судебного разбирательства по УПК России // Вестник Краснодарского университета МВД России. Уголовный процесс. — 2016. — № 3 (33). — С. 112–114.

5. Савицкий В. М. Когда теория становится реальностью (О вкладе М.С. Строговича в правовую теорию) // Опередивший время. К столетию со дня рождения М. С. Строговича. — М.: Серил, 1994. — С. 5–40. // URL: lawlibrary.ru/article1109670.html (Дата обращения: 30.01.2021).

6. Анализ проекта Закона Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (об ускоренном досудебном производстве)» // URL: <https://online.zakon.kz/Document/?doc-id=30105820&mode=p> (Дата обращения: 30.01.2021).

7. Ежегодник Центра исследования правовой политики. — Алматы, 2009 // URL: <https://istina.msu.ru/collections/3654721/> (Дата обращения: 30.01.2021).

8. Ахпанов А. Н. Проблемные вопросы упрощенного досудебнопроизводства по уголовным делам в Республике Казахстан // Практические аспекты производства предварительного следствия и дознания в упрощенном порядке в РК: Сб. материалов круглого стола. — Астана, 2009 // URL: <https://refdb.ru/look/2786045/html> (Дата обращения: 30.01.2021).

9. Феткулов Г. Х. Упрощенное досудебное производство: проблемы и перспективы // URL: http://niip.keu.kz/publications_and_writings/article/article%20fe%2035.php (Дата обращения: 26.12.2021).

10. Свистильников А. Б. Некоторые вопросы предупреждения террористических актов на железнодорожном транспорте // Хабаршы — Вестник Министерства внутренних дел Республики Казахстан. — 2016. — № 4. — С. 26–29.

Горбенко Т. В.,

Ресей Федерациясы ІІМ Краснодар университетінің Қырым филиалының Оқу бөлімінің оқу процесін әдістемелік қамтамасыз ету бөлімінің оқытушы-әдіскері, қылмыстық іс жүргізу кафедрасының адъюнкты, полиция лейтенанты (Ресей ІІМ Краснодар университеті, Қырым Республикасы, Симферополь қ. e-mail: tatyana.com12@mail.ru)

Аннотация. Мақала сотқа дейінгі жеделдетілген іс жүргізуді қолданудың құқықтық шектеулерінің мәнін анықтауға және ашуға арналған. Қылмыстық іс жүргізу құқығы ғылымында байланысты тақырыптар бойынша бірқатар ғылыми жұмыстар бар, бірақ оларда жеделдетілген сотқа дейінгі іс жүргізуге жол берілмейтін кейбір жағдайлар қарастырылған. Бұл жұмыс жан-жақты зерттеу болып табылады, өйткені ол қылмыстық іс жүргізу құқығында қарастырылған және қылмыстық процестің ғылымымен сыналған барлық шектеулерді талдауға арналған. Сонымен қатар, автор сотқа дейінгі жеделдетілген іс жүргізу кезінде құқықтық шектеулерді жүйелеуге әрекет жасады. Автордың пікірінше, қарастырылып отырған институтты қолданудың заңнамалық тұрғыдан анықталған шектеулері оларды әртүрлі жағдайларда дұрыс және негізделген қолдануға ықпал етеді, бұл қылмыстық іс жүргізудегі заңдылық принципіне сәйкес келеді, сонымен қатар қылмыстық процеске қатысушылардың жеке сипаттамаларын ескеруді қамтамасыз етеді.

Негізгі сөздер: қылмыстық іс жүргізу нысаны, қылмыстық сот ісін жүргізу қағидаты, жеделдетілген (оңайлатылған) іс жүргізу, жеделдетілген сотқа дейінгі іс жүргізу, құқықтық шектеулер, қылмыстық сот ісін жүргізуге қатысушы, кепілдіктер, талдау.

T. V. Gorbenko,

Teacher-methodologist of the Department of methodological support of the educational process of the Educational Department of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, police Lieutenant (Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Republic of Crimea, Simferopol, e-mail: tatyacom12@mail.ru)

Annotation. The article is devoted to the definition and disclosure of the essence of legal restrictions on the use of accelerated pre-trial proceedings. The science of criminal procedure law has a number of scientific works on related topics, but they consider individual cases where the production of accelerated pre-trial proceedings is unacceptable. This work is a comprehensive study, since it is devoted to the analysis of all the restrictions provided for both by criminal procedure law and approved by the science of criminal procedure. Moreover, the author attempts to systematize legal restrictions in accelerated pre-trial proceedings. According to the author, the legally defined restrictions for the application of the institution in question contribute to their correct and justified application in various situations, which corresponds to the principle of legality in criminal proceedings, and also ensures that the personal characteristics of participants in criminal proceedings are taken into account.

Keywords: criminal procedure form, the principle of criminal proceedings, accelerated (simplified) proceedings, accelerated pre-trial proceedings, legal restrictions, participant in criminal proceedings, guarantees, analysis.

UDC 321.01/342.3

F. S. Momysheva,

Professor of the department of General Legal and Special Disciplines, Candidate of Law (e-mail: farhij@mail.ru);

A. B. Kulibek,

Lecturer of the department of General Legal and Special Disciplines, Master of Law (Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Republic of Kazakhstan, e-mail: begalykyzy.ak@mail.ru)

Theoretical, historical and legal aspects of the development and formation of state sovereignty

Annotation. The article is considered to the diversity of sovereignty as one of the leading categories of the theory of state and law. Returning to the origins of the term «sovereignty», the authors pay special attention to its main hypostasis – state sovereignty, its formation and establishment. Various concepts of sovereignty are considered from antiquity to our time. The conclusion is made about the urgency of the problem of state sovereignty, which remains on the agenda in the 21st century, which is undoubtedly a direct consequence of the process of globalization and the expansion of international cooperation, as well as the ambiguity of concretizing the concept of «sovereignty».

Keywords: state sovereignty, national sovereignty, people's sovereignty, international law, national law, state, state power, globalization.

Sovereignty as a concept of the terminological apparatus of the theory of state and law appears in three hypostases: as the sovereignty of the state, the sovereignty of the people and the sovereignty of the nation. The concept of «state sovereignty» has a meaning mainly in the sphere of interstate relations and acts, first of all, as an international legal category. In a large legal dictionary, state sovereignty is understood as the supremacy of state power within the country and its independence in the external sphere. One cannot but agree with the assertion that it is precisely sovereignty that determines the universality of the international legal personality of the state [1, p. 58].

The sovereignty of a state means the completeness of all branches of state power (legislative, executive and judicial) on its territory. The exceptions are cases of explicit and voluntary consent of the state to the limitation of its sovereignty which reflected in interstate agreements. Moreover, the

possession of sovereignty does not depend on the size of the state's territory, the size of its population, and the political regime.

So, state sovereignty is an inalienable property of any state, and at the present stage we accept this provision as not requiring proof. However, the term «sovereignty» was introduced into scientific circulation relatively recently, and at the same time it was adapted to new conditions and its content was transformed.

The concept of sovereignty is a single political and legal phenomenon, where both of these aspects are closely intertwined. Only a state in which there is both a political content and a legal form of sovereignty can be considered as sovereign state. As «Political sovereignty» it is possible to conditionally define the political essence of state sovereignty.

The state is a complex organization consisting of a certain number of segments (institutions) that are formed in order to implement the state-legal mechanism for ensuring state sovereignty through the interaction of state organizational institutions.

Thus, «the sovereignty of subjects of international law... does not exclude international legal regulation, but determines a number of features of this regulation and its boundaries» [2, p. 76]. When defining these features, representatives of different concepts approach the issue of the subject in different ways, establishing the above features and boundaries.

From the point of view of the primacy of sovereignty over international law, a sovereign state itself sets the limits of international legal regulation.

The transformation of the idea of the territorial sovereignty of states took place in the process of coordinating the will of states in the field of international law, when were adopted the 1958 Geneva Conventions [3] and the 1982 UN Convention on the Law of the Sea.

From the standpoint of the concept of the domination of international law, it is believed that the relationship between international and national law, and, consequently, the limits of international legal regulation and sovereignty are determined by the nature of the regulated relationship, as well as the specific goals and objectives of regulation. Of course, there are questions that are at the junction of the domestic and foreign political spheres of public relations, but their share does not allow us to speak about the potential of any conflict between the international and national legal order.

There are various approaches to understanding the definition of state sovereignty in the theory of state and law.

If we turn to antiquity, in particular, to Greece and consider the independently existing ancient politics, then we cannot talk about a fully formed concept of state sovereignty, since it contained only some of its components.

So, according to Aristotle, the concept of sovereignty was preceded by the concept of autarchy (self-sufficiency, self-righteousness), which is that the state should be built in such a way that it satisfies all the necessary needs of its citizens, regardless of the barbarian world and other Greek states [4].

Aristotle, like Plato, considered the concept of Eleutheria (freedom) as the possibility of political autonomy, and by autonomy he understood the ability of a certain state entity to ensure its territorial integrity and inviolability, as well as the ability to determine its policy, both internal and external (to administer justice, participate as one of the parties in the conclusion of treaties between states, etc.).

However, when Greece becomes part of Macedonia and then the Roman Empire, its relative independence is seen as autonomy, limited to the central metropolitan area. At the same time, in Ancient Greece and Rome, «the concept of sovereignty was not necessary, since the state was not opposed by any other force claiming power» [5].

A secular rationalist concept of sovereignty was formed at a later time, specifically at the end of the Middle Ages. This was facilitated by the famous thinkers Niccolo Machiavelli and Jean Bodin.

A good connoisseur of history, Italian by origin, Niccolo Machiavelli saw the possibility of strengthening and territorial unification of fragmented Italy under the absolute rule of the monarch, where the highest political interests established the state interests dominating all others. Thus, in «Il Principe» we see that Machiavelli justifies violence against the people, since the idea of the people as the source of popular sovereignty is completely alien to him.

A viable state, according to Machiavelli, is a state where, in fact, unlimited power of the monarch is ensured, considered as power identical to the concept – state sovereignty. The term itself is not in the works of the thinker, but his ideas formed the basis of the absolutist doctrine of state sovereignty.

Another sage, a Frenchman by birth J. Bodin, adhered to a similar point of view. He was the first to introduce into scientific circulation the concept of «sovereignty» as a «constant and absolute (continuous)» element of the state, meaning the supreme power [2, p. 13]. He argued that the absoluteness of sovereignty occurs when the sovereign power knows no restrictions. In his famous work «Six Books on the State» (1576), Jean Bodin refers to the people as «the totality of free and reasonable beings», where the supreme power belongs to the person of the sovereign, i.e. the monarch.

According to Bodin, the main instrument of government is the law; therefore the presence of legislative power is a defining feature of sovereign power. All other characteristics of power are conditional and subordinate to it: this is the right to decide questions of war and peace, to appoint senior officials, to act as a court of higher jurisdiction, and to mint coins.

An opposite view of the ideas of the abovementioned figures is contained in the writing of Marsilius of Padua, who takes precedence in the study of this issue. Unlike other researchers, Marsilius of Padua in his treatise «Defender of Peace» (1324) stood up for a very bold thesis at that time that the real source of all power was the people. After all, it is from the people that both secular and spiritual power emanates.

At first glance, Hegel's definition of «sovereignty» seems very complex. In his work «Philosophy of Law» (1826), Hegel, unlike Marsilius of Padua, does not consider sovereignty arising from the will of the people, but connects it with the idea of the state, that is, defends the absolute value of state sovereignty over the people.

The state, in Hegel's understanding, is not a structure towering over the people, but its integral component, such as the soul in relation to the body.

The «soul» of a society is a substantial component, on the one hand, and a subjective component, on the other. This is, firstly, totality, that is, the universality and continuity of all its members. Secondly, complete self-determination, which is self-determination that does not depend on external factors and has a source exclusively in itself. This is how the Hegelian interpretation of the essence of law as a spiritual substance-subject of freedom develops.

Towards the end of the 18th century, the concept of the contractual origin of state and law was undergoing a new wave of criticism. What comes to the fore is not the mind of man, which by itself is incapable of solving the problem of the origin and the best structure of political society, but the Highest objective mind of nature and God. There has been a revival of theocratic theories of state sovereignty. There are two main directions: one (for example, Comte de J. Maistre) argued that power by its nature is absolute, one, inviolable and sacred (as a derivative of the divine will), and therefore cannot be canceled, alienated and limited by laws and other authorities, others (Count Leopardi) argued that the sovereign (monarch) is not obliged to abide by the constitution if it violates his sovereignty, established by God in society for his good by the supreme power [6].

A somewhat more progressive point of view was adhered to by Schlegel, who in his work «Philosophy of Life» pointed out that state power, as the representative of God on earth, is not absolute. It is limited by international, domestic law and religion.

In the 20th-21st centuries, such a problem as the limitation and denial of state sovereignty entered a new round, both external and internal circumstances contributed to this.

External factors are globalization, an increase in the total number of international organizations and international unions, etc., internal reasons include the development of civil society institutions, an increase in the number of states with a complex structure (federations), if in the first case we are talking about opposing theories of sovereignty and international law, then in the second – about the erosion of the concept of «sovereignty» from within.

In the history of political and legal thought, the category of «sovereignty» has received an ambiguous interpretation. Sovereignty was identified, first of all, with one of the elements of the state – state power, people or supreme power. In addition, all political currents adapted the content of sovereignty to one or another ideological orientation, which did not allow to objectively determining the content of this category.

The problem of state sovereignty remains relevant today in connection with the globalization processes taking place around the world, which, along with positive changes for various states, very often entail negative consequences, primarily for the sovereignty of the state.

In the majority of domestic legal literature, sovereignty is positioned as a legal quality or property of the state, symbolizing the political and legal independence of the state, its supremacy on its territory and independence in interstate relations from other states [7].

Of course, this concept is very good - it is laconic, meaningful, indicates the internal and international components of sovereignty, and establishes the powers of the state on its territory and beyond.

However, according to the scientist A. A. Moiseev, this definition does not reveal the whole essence of the concept of sovereignty, since there are many questions that still have to be answered (the question of the divisibility or indivisibility of sovereignty, its relative or absolute nature). In addition, some of the provisions of this definition are very contradictory.

For example, the logic of things can create the impression that sovereignty and state power are identical concepts. If we assume that this is true, then the question arises what place the people occupy in the well-known triad: territory-power-people.

Undoubtedly, state power is a direct implementer of the state's capabilities, but not to a greater extent than the people, which is not only a «human resource, which is an essential component of the economic basis of sovereignty», but also a direct source of sovereignty [8].

The substitution of power for the people as a source of sovereignty results in erroneous judgments about the legal capacity of sovereignty. It is argued that the power in its powers is unlimited and is capable of endowing sovereign powers at will and limiting sovereignty, which is allegedly shared by delegating «the part of the powers within the state and outside it» [9].

It is absolutely impossible to agree with this point of view, otherwise many questions will arise, such as how much sovereignty can be transferred? «Or» how much sovereignty can be transferred to keep the state independent?

Sovereignty does not tolerate a utilitarian attitude – it is impossible to derive «benefit» from sovereignty, it is impossible to partially «buy off» from its sovereignty.

Conclusion: The problem of state sovereignty is still one of the most controversial in the world, which is a direct consequence of the process of globalization and the expansion of international cooperation, as well as the ambiguity of concretizing the concept of «sovereignty».

List of used literature:

1. Сидорова Н. В. Конституционное закрепление международной правосубъектности // Развитие идей правового государства и гражданского общества: Мат-лы междунаро. науч.-практ. конф. — Караганда: КЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2009. С. 58–60.
2. Левин И. Д. Суверенитет. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 490 с.
3. Пастухова Н. Б. О некоторых особенностях государственного суверенитета в системе современных международных отношений // Юридический мир. — 2014. — № 3. — С. 17–19.
4. Формирование представления о суверенитете и его развитие. URL: <https://isfic.info/rosfed/porfir01.htm> / (дата обращения: 01.04.2021).
5. Верховодов Е. В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2001. — 185 с.
6. Бредихин А. Л., Переверзев Е. А. Возникновение и развитие идеи государственного суверенитета // Вестн. Белгородского юрид. ин-та МВД России. — 2009. — № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-idei-gosudarstvennogo-suvereniteta> (дата обращения: 11.04.2021).
7. Международное право: Учебн. / Под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. — 4-е изд., стер. — М.: Омега-Л, 2011. — 831 с.
8. Кузьмин Э. Л. Природа государственного суверенитета // Евразийский юридический журнал. — 2009. — № 10(17).
9. Пастухова Н. Б. Суверенитет и федеративная организация Российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2010.

Момышева Ф. С.,

*жалпы құқықтық және арнайы пәндер кафедрасының профессоры,
заң ғылымдарының кандидаты
(e-mail: farhij@mail.ru);*

Құлибек А. Б.,

*жалпы құқықтық және арнайы пәндер кафедрасының оқытушысы,
заң ғылымдарының магистрі
(Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қарағанды қаласы,
Қазақстан Республикасы, e-mail: begalykyzy.ak@mail.ru)*

**Мемлекеттік егемендіктің дамуы мен қалыптасуының
теориялық және тарихи-құқықтық аспектілері**

Аннотация. Мақалада Мемлекет пен құқық теориясының жетекші категорияларының бірі ретінде егемендіктің көп қырлылығы зерттеледі. «Егемендік» терминінің шығу тегіне оралсақ, авторлар оның негізгі гипостазына — мемлекеттік егемендікке, оның қалыптасуы мен қалыптасуына ерекше назар аударады. Ежелгі дәуірден бастап біздің уақытқа дейінгі егемендіктің әртүрлі тұжырымдамалары қарастырылады.

XXI ғасырда күн тәртібінде қалатын мемлекеттік егемендік проблемасының өзектілігі туралы қорытынды жасалды, бұл жаһандану процесінің және халықаралық ынтымақтастықты кеңейтудің, сондай-ақ «егемендік» ұғымын нақтылаудың анық еместігінің тікелей салдары болып табылады.

Негізгі сөздер: мемлекеттік егемендік, ұлттық егемендік, халықтық егемендік, халықаралық құқық, ұлттық құқық, мемлекет, мемлекеттік билік, жаһандану.

Момышева Ф. С.,
профессор кафедры общеправовых и специальных дисциплин,
кандидат юридических наук
(e-mail: farhij@mail.ru);

Құлибек А. Б.,
преподаватель кафедры общеправовых и специальных дисциплин,
магистр юридических наук
(Карагандинский университет Казпотребсоюза, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: begalykyzy.ak@mail.ru.)

**Теоретические и историко-правовые аспекты развития
и становления государственного суверенитета**

Аннотация. В статье исследуется многоликость суверенитета как одной из ведущих категорий теории государства и права. Возвращаясь к истокам происхождения термина «суверенитет», авторы особое внимание уделяют главной его ипостаси — государственному суверенитету, его формированию и становлению. Рассматриваются различные концепции суверенитета со времен античности и до нашего времени. В работе сделан вывод об актуальности проблемы государственного суверенитета, которая остается на повестке дня и в XXI веке, что вне сомнения, является прямым следствием процесса глобализации и расширения международного сотрудничества, а также неоднозначности конкретизации понятия «суверенитет».

Ключевые слова: суверенитет государственный, суверенитет национальный, суверенитет народный, международное право, национальное право, государство, государственная власть, глобализация.

ЖАС ҒАЛЫМДАРДЫҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

УДК 343.36

Байтеленова С. Г.,
докторант факультета послевузовского образования,
магистр юридических наук, капитан полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: samal_bsg@mail.ru)

К вопросу о субъекте уголовного правонарушения,
предусмотренного ст. 430 УК РК

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы уголовно-правового регулирования субъекта уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 430 УК РК. Констатируется, что субъектом неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа является вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения деяния шестнадцатилетнего возраста, обладающее дополнительными социально значимыми признаками, позволяющими лицу совершить данное уголовное правонарушение. Раскрываются отдельные признаки субъекта уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 430 УК РК. Автор также рассматривает вопросы, связанные с определением субъекта уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 430 УК, когда судебным актом совершение каких-либо действий возложено на юридическое лицо.

Ключевые слова: уголовное правонарушение, неисполнение судебного акта, субъект, физическое лицо, вменяемость, возраст, уголовная ответственность, судебный исполнитель.

Всякое уголовное правонарушение как общественное явление порождается людьми и среди людей. Следовательно, только человек, совершивший то или иное опасное для общества деяние, может быть признан субъектом уголовного правонарушения. При этом необходимо всегда иметь в виду, что субъектом уголовного правонарушения может быть не любой человек, а человек, обладающий определенными свойствами [1, с. 22]. Л. С. Белогриц-Котляревский в своей работе отмечает, что субъектом преступления не могут быть животные — как существа, лишённые сознательной воли, и юридические лица — как фиктивные субъекты, не способные иметь волю и выражать ее [2, с. 107].

Ввиду того, что субъект уголовного правонарушения — уголовно-правовое понятие, оно закреплено в ч. 1 ст. 15 УК РК, где отмечается, что субъектом уголовного правонарушения является только физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом [3]. Таким образом, согласно ч. 1 ст. 15 УК юридические лица не могут быть субъектами уголовного правонарушения.

В уголовном законодательстве не раскрывается понятие физического лица, однако из анализа ст. ст. 7, 8, 9 УК РК можно сделать вывод, что под ним понимаются: граждане Республики Казахстан, иностранцы и лица без гражданства.

Рассматривая вменяемость как признак субъекта уголовного правонарушения, отметим, что она является необходимым условием уголовной ответственности. Вменяемость предполагает способность понимать фактический характер и общественную опасность совершаемого лицом деяния и руководить им. Понятие вменяемости вытекает из определения невменяемости, данного в ст. 16 УК РК. Невменяемые лица не подлежат уголовной ответственности, к ним применяются лишь принудительные меры медицинского характера. В судебно-след-

ственной практике лицо изначально признается вменяемым в совершении уголовного правонарушения до тех пор, пока экспертиза не подтвердит это или не опровергнет. На основе заключения экспертов лицо привлекается к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 430 УК РК, либо ему назначаются предусмотренные в ст. 17 УК РК принудительные меры медицинского характера.

Следующим необходимым основанием уголовной ответственности, который характеризует субъект уголовного правонарушения, является достижение лицом установленного законом возраста. Как отмечалось выше, в ч. 1 ст. 15 УК РК закреплён общий возраст уголовной ответственности — шестнадцать лет (ко времени совершения общественно опасного деяния). Однако в ч. 2 ст. 15 УК содержится исключение, согласно которому за совершение определенных составов уголовных правонарушений уголовная ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста. Не достижение установленного законом возраста ни при каких обстоятельствах не могут подлежать уголовной ответственности, ибо они не в полной мере способны понимать общественную значимость своих поступков, критически оценивать свое поведение, а, следовательно, и нести за него ответственность перед обществом [4, с. 348].

Ввиду отсутствия в ч. 2 ст. 15 УК РК состава уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 430 УК РК, субъектом данного деяния могут быть только физические вменяемые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Вместе с тем, у отдельных видов уголовных правонарушений, помимо общих свойств имеются дополнительные, присущие лишь их характеристикам, обязательные для привлечения виновного к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РК. Важность данного понятия заключается в наличии у специального субъекта, кроме основных признаков (вменяемости и достижения возраста наступления уголовной ответственности), дополнительных качеств.

Применительно к ч. 1 ст. 430 УК РК, решая вопрос о том, является ли субъект уголовного правонарушения общим или специальным, необходимо обратить внимание на диспозицию рассматриваемого посягательства, в котором говорится о неисполнении вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа, а равно воспрепятствование их исполнению. Многие исследователи считают, что субъект преступления неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа является общим. С. С. Молдабаев в своей монографии классифицирует специальный субъект по признакам и неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта относит к уголовному правонарушению со специальным субъектом, характеризующимся характером выполняемой работы, профессией, родом деятельности [5, с. 141].

Вместе с тем, в п. 11 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 19 декабря 2003 года № 12 «Об ответственности за неисполнение судебных актов» указывается, что к уголовной ответственности за неисполнение судебного акта, а также воспрепятствование его исполнению могут быть привлечены только те лица, которые в связи с приговором, решением или иным судебным актом обязаны совершить определенные действия в ходе исполнительного производства [6]. Из этого следует, что данным нормативным постановлением установлен круг лиц, признаваемых в качестве субъекта рассматриваемого уголовного правонарушения.

Следовательно, можно признать, что субъект уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 430 УК РК, — специальный. Специальным субъект назван ввиду того, что наряду с вменяемостью и возрастом уголовной ответственности лицо обладает дополнительными юридическими признаками, вытекающими из уголовного закона, ограничивающими круг лиц, которые могут нести ответственность по данной норме, а именно лиц, призванных обес-

печить реализацию принятых судом в отношении них решений. Нужно отметить, что эти признаки должны быть такими, при наличии которых лицо может совершать общественно опасное деяние, описанное в уголовной норме. Отсутствие у лица, совершившего уголовное правонарушение, дополнительных признаков не позволяет привлечь такое лицо к уголовной ответственности. В большинстве случаев к числу субъектов уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 430 УК РК, следует относить осужденных по уголовным делам, ответчиков по гражданским делам.

На основании изложенного полагаем, что субъектом по уголовному правонарушению, предусмотренному ч. 1 ст. 430 УК РК выступает физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, обладающее, помимо общих качеств, конкретными социально значимыми функциями по реализации судебных актов, выделяющими этих лиц из числа общих субъектов (когда он своими умышленными действиями нарушает процесс реализации судебного акта).

Так, ч. 2 ст. 430 УК РК в числе квалифицирующих признаков предусматривает совершение тех же действий лицом с использованием своего служебного положения. Признак «с использованием своего служебного положения» фигурирует во многих составах Уголовного кодекса Республики Казахстан. В различных нормативных постановлениях Верховного Суда РК субъект такого квалифицированного уголовного правонарушения характеризуется, как правило, следующим образом: должностное лицо; лицо, занимающее ответственную государственную должность; лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации; лицо, уполномоченное на выполнение государственных функций; лицо, приравненное к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций. Общественная опасность уголовного правонарушения, совершенного с использованием своего служебного положения, очевидна, так как происходит подрыв, дискредитация служебных отношений при использовании не во благо, а во вред полномочий данного субъекта, а также авторитета и возможностей его должности [7].

При неисполнении приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа таким лицом может являться сотрудник государственного органа, государственного и негосударственного учреждения, что предполагает использование субъектом своих служебных полномочий для достижения преступных целей.

Судебный исполнитель может быть признан субъектом рассматриваемого преступления по ч. 2 ст. 430 УК РК, так как он является должностным лицом, состоящим на государственной службе и выполняющим возложенные на него законом задачи по исполнению постановлений судов и других органов. При неисполнении судебного акта использование служебного положения облегчает совершение уголовного правонарушения.

Согласно Закону Республики Казахстан от 2 апреля 2010 года № 261-IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» судебный исполнитель — государственный судебный исполнитель и частный судебный исполнитель, выполняющие возложенные на них законом функции по принятию мер, направленных на принудительное исполнение исполнительных документов, и имеющие равные права и обязанности с изъятиями, предусмотренными настоящим Законом.

При решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 430 УК РК необходимо установить наличие у субъектов функций по исполнению судебного акта, определенных в уставах, инструкциях, приказах и других актах, которые определяют служебные полномочия тех или иных работников предприятий, учреждений, организаций.

В отношении иных лиц, совершивших действия, препятствующие исполнению судебного акта, может быть осуществлено уголовное преследование по соответствующим статьям УК, предусматривающим ответственность за посягательство на жизнь и здоровье судебного исполнителя, клевету, угрозу убийством, причинением вреда и другие [8, с. 1009].

Как отмечалось выше, отечественный законодатель не предусматривает ответственность юридических лиц. Но, как показывает практика, общественный вред от деятельности юридического лица также имеет место быть.

Известно, что судебные акты выносятся как в отношении физических лиц, так и в отношении юридических лиц. Если судебным актом совершение каких-либо действий возложено на юридическое лицо, то к уголовной ответственности привлекается физическое лицо, т. е. ответственное лицо (руководитель организации). Однако принимая во внимание, что судебный акт может не исполняться годами, ответственный (руководитель) в юридическом лице может смениться, и тогда возникает вопрос, кого привлечь к ответственности.

Согласно ст. 15 УК РК уголовной ответственности подлежат только вменяемые физические лица. Немецкий юрист К. Ф. Савиньи утверждал, что человек, и только человек, является действительным субъектом права. Его концепция сводилась к тому, что юридическое лицо представляет собой не что иное, как искусственно созданный посредством простой фикции субъект права, реальными субъектами правоотношений в юридическом лице остаются единственно возможные носители правосубъектности — физические лица [9].

Результаты изучения уголовных дел показали, что правоприменители привлекают к уголовной ответственности по неисполнению приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа, руководителя в юридическом лице, т. е. того, кто занимал данный пост, и представлял юридическое лицо в суде. При этом не учитывается, что должность ответственного лица (руководителя) в настоящее время занимает другой человек, продолжающий не исполнять судебный акт.

Как видим, данная практика ошибочна, поскольку не принимается во внимание то, что предыдущий руководитель уже не занимает определенный пост и, соответственно, не может нести ответственность за то время, в которое он не работал. Согласно гражданскому праву, ответственности подлежит только последнее действующее ответственное лицо.

По мнению заслуженного деятеля науки Республики Казахстан Ю. Г. Басина, юридическое лицо действует только от своего имени, а не от имени своего руководителя или учредителя. Это имеет большое практическое значение, так как позволяет точно определить истинного субъекта, его права, обязанности и ответственность.

Также Ю. Г. Басин подтверждает свою позицию следующим примером: по одному арбитражному делу было установлено, что директор совхоза выдал от имени совхоза гарантийное обязательство. Через некоторое время директор совхоза был заменен другим лицом. Когда наступила необходимость исполнять гарантийное обязательство, новый директор заявил о недействительности гарантийного письма, подписанного его (директора) предшественником. Арбитражный суд в решении по делу указал, что директор является органом юридического лица, которое выступает в гражданском обороте от своего имени, обязательство возникло не у директора, а у юридического лица, отвечать по обязательству должен не директор, а юридическое лицо. Поэтому замена директоров не влияет ни на действительность обязательства, ни на его исполнимость, ни на ответственность за неисполнение [10]. Было бы хорошо руководствоваться данным примером и в практике уголовных дел, однако и этот пример имеет свои недостатки.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что руководитель юридического лица в соответствии со своими обязанностями отвечает за все действия организации, в том числе и по исполнению возложенных на нее обязательств. В свою очередь, неправомерные действия, образующие состав преступления ст. 430 УК РК носят длящийся характер, и весь период неисполнения судебного акта составляет одно уголовное правонарушение [11, с. 8]. Таким образом, снятие с должности руководителя юридического лица не является основанием для освобождения от ответственности за неисполнение возложенных на него обязательств за время

его управления, и он подлежит уголовной ответственности за указанный срок. При этом, новый руководитель юридического лица подлежит ответственности по ст. 430 УК РК, если после вступления в должность и уведомления его об имеющихся неисполненных обязательствах, он их не исполняет в течение шести месяцев. Вместе с тем, органы уголовного преследования, не учитывая данный фактор и не устанавливая всех руководителей юридического лица, не привлекая всех виновных лиц к уголовной ответственности; остальные уводят от уголовной ответственности.

Подводя итоги, отметим, что субъектом неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа выступают физические вменяемые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, обладающие дополнительными социально значимыми признаками, позволяющими лицам совершать уголовные правонарушения, предусмотренные ст. 430 УК РК.

Список использованной литературы:

1. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. Гос. Изд-во Юрид. литературы, Москва, 1958. — С. 259.
2. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части, Киев, 1903, с. 107-108.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] // URL: <http://adilet.zan.kz>.
4. Учебник уголовного права. Т. 1. — Спб., 1865, с.348.
5. Молдабаев С. С. Проблемы субъекта преступления в уголовном праве Республики Казахстан: Монография. — Алматы, 1998. — С. 154.
6. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 19 декабря 2003 года № 12 «Об ответственности за неисполнение судебных актов» [Электронный ресурс] // URL: <http://adilet.zan.kz>.
7. Кожантаева Ж. К. Особенности мошенничества, присвоения или растраты вверенного чужого имущества, совершаемых лицом с использованием своего служебного положения [Электронный ресурс] URL:<http://online.zakon.kz>
8. Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан: Учеб. пос. — Алматы: Жеті Жарғы, 2015.
9. Савиньи Ф. К. Обязательственное право. — М., 1876. [Электронный ресурс] URL: <http://elibr.ru>
10. Басин Ю. Г. Юридические лица по Гражданскому кодексу Республики Казахстан. Понятие и общая характеристика // [Электронный ресурс] URL: <http://online.zakon.kz>
11. Байтеленова С. Г. Некоторые проблемы привлечения лиц к ответственности по уголовным делам о неисполнении судебного акта, если совершение каких-либо действий возложено на юридическое лицо // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан № 1. — 2018. — С. 93.

Байтеленова С. Г.,

*Жоғары оқу орнының кейінгі білім беру факультетінің докторанты,
заң ғылымдарының магистрі, полиция капитаны
(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: samal_bsg@mail.ru)*

**Қазақстан Республикасының ҚК 430-бабында көзделген
қылмыстық құқық бұзушылық субъектісі туралы**

Аннотация. Мақалада автор ҚР ҚК 430-бабында көзделген қылмыстық құқық бұзушылық субъектісін қылмыстық құқықтық реттеудің кейбір мәселелерін қарастырды. Іс-әрекет жасалған

кезде он алты жасқа толған, адамға осы қылмыстық құқық бұзушылықты жасауға мүмкіндік беретін қосымша әлеуметтік мәні бар белгілері бар есі дұрыс жеке тұлға сот үкімін, сот шешімін немесе өзге де сот актісін не атқарушылық құжатты орындамау субъектісі болып табылатыны айтылады. ҚР ҚК 430-бабында көзделген қылмыстық құқық бұзушылық субъектісінің жекелеген белгілері ашылады. Мақалада сот актісімен қандай да бір іс-әрекет жасау заңды тұлғаға жүктелген кезде ҚК-нің 430-бабында көзделген қылмыстық құқық бұзушылық субъектісінің ұйғарымымен байланысты мәселелер қаралады.

Қорытындылар мен қорытындылар заң әдебиетін, құқық қолдану практикасының материалдарын талдауға негізделген.

Негізгі сөздер: қылмыстық құқық бұзушылық, сот актісінің орындалмауы, субъект, жеке тұлға, ақыл-есі, жасы, қылмыстық жауапкершілік, сот орындаушысы.

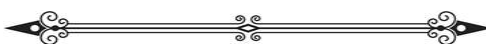
S. G. Baitelenova,
*doctoral student, Faculty of Postgraduate Education,
Master of law, Police captain
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: samal_bsg@mail.ru)*

On the subject of a criminal offense under article 430 of the CC RK

Annotation. In the article, the author considers some issues of criminal legal regulation of the subject of a criminal offense under article 430 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. It is stated that the subject of non-execution of a court sentence, court decision or other judicial act or enforcement document is a sane individual who has reached the age of sixteen at the time of the commission of the act, who has additional socially significant characteristics that allow the person to commit this criminal offense. Separate signs of the subject of a criminal offense under article 430 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan are revealed. The article deals with issues related to the definition of the subject of a criminal offense under article 430 of the Criminal Code, when a judicial act assigns the commission of any actions to a legal entity.

Conclusions and conclusions are based on the analysis of legal literature, materials of law enforcement practice.

Keywords: criminal offence, non-execution of a judicial act, subject, individual, sanity, age, criminal liability, bailiff.

УДК 343.575.4

Беристемова Р. Г.,
*докторант, майор полиции
(Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Республика Казахстан,
e-mail: raukhan.galimkyzy@mail.ru)*

К проблемам последующего этапа расследования преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров

Аннотация. В статье анализируется ряд проблем последующего этапа расследования уголовных дел, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. В связи с появлением принципиально новых способов передачи наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, например, «закладки», требуются кардинальные преобразования деятельности, направленной на выявление, раскрытие и расследование анализируемых преступлений. Автором, исходя из этого, рассмотрены актуальные на сегодня следственные ситуации последующего этапа расследования данной категории преступлений. В заключении сделаны собственные выводы и даются предложения, обосновывающие состоятельность исследуемой проблемы, которые могут иметь теоретическую и/или практическую ценность.

Ключевые слова: абонент; доказывание; «закладка»; контрольный закуп; наблюдение; негласные следственные действия; обвинительный акт; преступная деятельность; следственный эксперимент; судебная экспертиза.

Возрастающая общественная значимость и актуальность проблемы сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов обуславливают отношение людей к указанной проблеме, в связи с чем одной из важных предпосылок успешного расследования дел, связанных с изготовлением и распространением наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов является профессиональная подготовка следователей, требующая знания ими общей законности с криминалистической, уголовно-процессуальной и уголовно-правовой точек зрения. Основное внимание уделяется сбыту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров посредством «закладки», общей характеристике преступлений в данной сфере, элементам состава преступления, особенностям проведения отдельных следственных действий.

Последующий этап характеризуется производством значительного количества следственных действий, в особенности тех, на осуществление которых требуются значительные сроки для разрешения следственных ситуаций. Основная направленность этого этапа состоит в развернутом, последовательном, методичном доказывании, проверке собранных доказательств [1; 2]. Характер следственных ситуаций, складывающихся на последующем этапе расследования исследуемой категории уголовных дел, зависит от информации и сведений, которыми располагает следователь.

Следственными ситуациями, присущими данному этапу расследования преступлений, совершаемых путем «закладок» наркотических средств и психотропных веществ, являются следующие:

- подозреваемое лицо умышленно признает вину в полном объеме для сокрытия других своих участников совершения преступления;
- подозреваемое лицо в совершении расследуемого преступления продолжает настаивать на своей непричастности и отказывает в содействии органам досудебного расследования;
- подозреваемое лицо, изменив свои позиции применительно к расследуемому событию, признает вину и оказывает содействие органам досудебного расследования.

Криминалистическая версия — это «логически построенное и основанное на фактических данных предположительное умозаключение следователя (других субъектов познавательной деятельности по уголовному делу) о сути исследуемого деяния, об отдельных его обстоятельствах и деталях, направленное на выяснение истины по делу и требующее соответствующей проверки» [3, с. 51–52].

Подозреваемое лицо умышленно признает вину в полном объеме для сокрытия других участников совершения преступления.

К первой следственной ситуации, на наш взгляд, применительны следующие основные версии совершения преступлений:

- подозреваемое в совершении сбыта наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров лицо осуществляло преступную деятельность при участии иных лиц, но во избежание назначения более строгого наказания умышленно скрывает факт соучастия;
- подозреваемое в совершении расследуемого преступления лицо умышленно оговаривает себя, несмотря на информационное, материальное и организационное содействие третьих лиц, тем самым вводя в заблуждение органы досудебного расследования.

В случае, когда подозреваемое лицо умышленно признает вину в полном объеме для сокрытия других участников совершения преступления, тактическим решением будет ведение наблюдения и проявление выжидательного поведения для установления обширного круга лиц, задействованных в совершении преступления. «Одним из самых распространенных методов, применяемых в криминалистике и доказывании, является наблюдение — преднаме-

ренное, планомерное, целенаправленное восприятие с целью изучения данного предмета, явления» [4, с. 11]. Задержание других участников процесса, помимо обвиняемого лица, может повлечь последствия вплоть до потери сведений относительно организаторов ОПГ. В связи с чем использование средств и методов ОРД должно быть продиктовано потребностями расследования в исследуемой ситуации.

«Причинами доследования являются: неправильная уголовно-правовая квалификация действий обвиняемого, нарушение принципа языка судопроизводства и права на защиту обвиняемого, неправильное описание инкриминируемого преступления в обвинительных актах уголовного дела...» [5, с. 19].

При этих условиях задачами расследования могут являться:

- идентификация всех лиц, причастных к совершению преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров;
- установление степени вины и роли каждого участника преступной деятельности;
- установление смягчающих и отягчающих вину обстоятельств.

В данной ситуации алгоритм следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий таков: – организация назначения и производство судебных экспертиз; – установление гласных и негласных отношений с гражданами, представляющими оперативный интерес; – проведение допросов и очных ставок свидетелей; – предъявление для опознания предметов; – проведение негласного контроля, перехвата и снятия информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; – снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; – организация негласного контроля почтовых и иных отправлений; – осуществление негласного наблюдения за лицами, находящимися в разработке, либо местом вероятной закладки, проводимой соучастниками; – проведение негласного контрольного закупа в отношении возможных соучастников, представляющих оперативный интерес; – проведение негласного внедрения и (или) имитации преступной деятельности для выявления возможных соучастников; – проведение задержаний и групповых обысков подозреваемых лиц; – избрать меру пресечения подозреваемых лиц; – составить обвинительный акт.

Подозреваемое лицо в совершении расследуемого преступления продолжает настаивать на своей непричастности и отказывает в содействии органам досудебного расследования.

Во второй следственной ситуации следственные версии выглядят следующим образом:

- подозреваемое лицо отрицает свою причастность к совершению сбыта наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров и не оказывает содействия в расследовании с целью избежать наказания за совершенное уголовное правонарушение;
- подозреваемое лицо демонстрирует неадекватное поведение в силу наличия либо имитации психических расстройств с целью избежать наказания за совершенное преступление;
- подозреваемое лицо не является причастным к совершению уголовного правонарушения, несмотря на собранные по делу доказательства.

Значимым тактическим решением в данной ситуации, способным оказать определяющее воздействие на процесс расследования дела, является строгое соблюдение норм УПК РК при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Так, Е. Г. Веретехин считает, что «по характеру встречающихся пробелов предварительного расследования их можно подразделить на: 1) пробелы в установлении обстоятельств, составляющих предмет доказывания; 2) пробелы в доказательствах; 3) пробелы в версиях» [6, с. 15].

Задачами расследования в указанных ситуациях являются:

- убеждение подозреваемого лица в необходимости оказания содействия и признания вины в ходе расследования преступлений путем ознакомления с процессуальными нормами, регулирующими указанные нормы;
- тщательное изучение личности подозреваемого лица посредством полученной в рамках первоначального этапа расследования документации (характеристики с места работы, учебы, проживания; справки о наличии судимости и др.);
- акцент на производство проверочных следственных действий;
- изучение позиции подозреваемого лица, на которых он строит оборонительную модель поведения.

Применительно к данной ситуации алгоритм следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий выглядит следующим образом: – проведение допроса в качестве обвиняемого лица; – производство очных ставок (в случае наличия несоответствий в показаниях); – организация назначения и производства психиатрической экспертизы; – проведение допросов свидетелей; – проведение негласного контроля, перехвата и снятия информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; – снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; – проведение негласного контроля почтовых и иных отправлений; – негласное наблюдение за лицами, находящимися в разработке, либо местом вероятной «закладки», проводимой соучастниками; – проведение негласного контрольного закупа в отношении возможных соучастников; – проведение негласного внедрения и (или) имитации преступной деятельности для выявления возможных соучастников; – проведение задержаний подозреваемых лиц; – проведение следственных экспериментов; – производство проверки и уточнений показаний на месте; – избрать меру пресечения подозреваемых лиц; – составить обвинительный акт.

Подозреваемое лицо, изменив свои позиции применительно к расследуемому событию, признает вину и оказывает содействие органам досудебного расследования.

При исследовании третьей следственной ситуации действия следователя должны быть направлены на максимально полное получение всех необходимых компонентов для раскрытия и расследования преступлений, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ. Также, у лица, подозреваемого в совершении сбыта наркотических средств и психотропных веществ, оказывающего всяческую помощь расследованию, появляется возможность получения минимального наказания, выносимого судом.

Основными версиями являются:

- подозреваемому лицу наступило деятельное раскаяние за совершенное уголовное правонарушение;
- оказание содействия органам досудебного расследования, с целью ввода сотрудников на ложный след либо сокрытия иных нераскрытых эпизодов совершенных преступных деяний.

Соглашаясь с мнением Е. Н. Бегалиева, считаем, что «необходимым тактическим решением применительно к данной ситуации является работа следователя по достижению доверительных отношений между стороной расследования и обвиняемым лицом в рамках установленной уголовно-процессуальным законом субординации» [7, с. 233–234]. Данная мера позволит получить дополнительную информацию по расследуемому событию, а именно: установить новые способы совершения, приготовления и сокрытия рассматриваемой совокупности; лиц, задействованных в сбыте наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; выявить причины и условия, способствующие совершению рассматриваемых видов преступлений и т. д.

Основными задачами расследования являются:

– получение максимально полных сведений от обвиняемого лица относительно расследуемого уголовного правонарушения;

– установление достоверности получаемых данных от обвиняемого лица относительно расследуемого преступления, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ;

– процессуальное закрепление полученных данных на материальной оболочке с последующим приобщением в качестве вещественных доказательств.

Относительно данной ситуации алгоритм следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий выглядит следующим образом: применение научно-технических средств, с целью закрепления полученных признательных показаний; производство допроса в качестве обвиняемого; проведение негласных аудио- и (или) видеоконтроля лица или места; проведение негласного контроля, перехвата и снятия информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; проведение негласного получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; проведение негласного контроля почтовых и иных отправлений; проведение следственного эксперимента; производство проверки и уточнения показаний на месте; избрать меру пресечения подозреваемых лиц; составить обвинительный акт.

По мнению Бекбулатова А. К., «последующий этап расследования — это основной и самый длительный период в следственной деятельности, требующий высокого профессионального мастерства следователя и характеризующийся постоянным анализом и синтезом криминалистической значимой информации (количество и качество которой являются большими, чем на начальном этапе); выявлением и расследованием новых эпизодов преступной деятельности; разработкой развернутого плана расследования; проведением следственных и негласных следственных действий, тактических операций, требующих значительных организационных усилий; принятием окончательных решений в рамках досудебного расследования» [8, с. 6–11].

Таким образом, несмотря на то, что все перечисленные следственные ситуации при расследовании преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, не носят исчерпывающего характера, разработанные методики и алгоритмизация процесса раскрытия и расследования рассматриваемой разновидности преступлений оказывает существенное влияние на оптимизацию деятельности следственных и оперативных подразделений по предотвращению наркопреступлений в целом.

На основании изложенного мы приходим к следующим выводам.

1. Принимая во внимание современные специфики осуществления сбыта наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, высокую степень законспирированности процесса размещения «закладок», а также условия бесконтактной (невербальной) передачи наркотиков, следует делать уклон на производство негласных следственных действий в рамках последующего этапа расследования, с целью установления иных лиц, причастных к расследуемому событию.

2. В случаях получения важной ориентирующей информации относительно предстоящего размещения «закладки» целесообразно использовать средства видеофиксации всей прилегающей территории, в том числе с помощью беспилотных летательных аппаратов. Данная мера, на наш взгляд, может оказать содействие в идентификации лиц, причастных к «закладке»; определить степень участия каждого лица, совершившего преступление; зафиксировать весь механизм преступного события; стать средством доказывания в рамках досудебного производства.

3. С учетом специфики раскрытия и расследования рассматриваемой разновидности преступлений необходимо в тех следственных ситуациях, когда имеет место самооговор или расследование протекает в условиях конфликтности, шире прибегать к использованию криминалистических учетов. Данная мера позволит на основе исследования персональных и архивных данных установить факты, подтверждающие/исключающие совершение проверяемым лицом аналогичных видов преступлений в прошлом; привлечение проверяемого лица ранее в качестве подозреваемого, свидетеля и т. п.

Список использованной литературы:

1. Петуховский А. А., Шурухнов Н. Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2001 г.). — М.-Тула, 2002. — 88с.
2. Луковников Г. Д. Процессуальная характеристика следственных действий. — М., 2011. — 168 с.
3. Яблоков Н. П. Криминалистика. — М.: Норма, 2000. — 384 с.
4. Соколова О. В. Наблюдение как метод исследования в криминалистике и доказывания: Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. — М., 1994. — 28 с.
5. Аубакирова А. А. Следственные ошибки по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Фемида. — 2008. — № 5 (149).
6. Веретехин Е. Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде I инстанции. — Казань, 1988. — 88с.
7. Бегалиев Е. Н. Расследование преступлений, совершаемых путем подделки материальных объектов. — Алматы: Дайк-Пресс, 2008. — 368 с.
8. Бекбулатов А. К. Криминалистический анализ последующего этапа расследования преступлений // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова». — 2019. — № 4. — 84 с.

Беристемова Р. Ғ.,

докторант, полиция майоры

(Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы құқық қорғау органдары академиясы, Қазақстан Республикасы, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: raukhan.galimkyzy@mail.ru)

Есірткі құралдарын, психотроптық заттар мен прекурсорларды өткізумен байланысты қылмыстарды тергеудің келесі кезеңінің проблемаларына

Аннотация. Мақалада Автор есірткі, психотроптық заттар мен прекурсорларды сатумен байланысты қылмыстық істерді тергеудің келесі кезеңінің бірқатар мәселелерін қарастырады. Жабындық құралдарды, психотроптық заттар мен прекурсорларды берудің түбегейлі жаңа тәсілдерінің пайда болуына байланысты соңғыларын «салу» арқылы қаралып отырған алуан түрлі қылмыстарды анықтауға, ашуға және тергеп-тексеруге бағытталған қызметті түбегейлі қайта құру талап етіледі. Осыған байланысты автор осы санаттағы қылмыстарды тергеудің келесі кезеңінің қазіргі кездегі өзекті тергеу жағдайларын қарастырды. Қорытындылай келе, автор өз тұжырымдарын жасайды және теориялық және/немесе практикалық құндылыққа ие болуы мүмкін зерттелетін мәселенің өміршеңдігін негіздейтін ұсыныстар береді.

Негізгі сөздер: абонент; дәлелдеу; «бетбелгі»; бақылау сатып алу; бақылау; жасырын тергеу әрекеттері; айыптау актісі; қылмыстық әрекет; тергеу эксперименті; сот сараптамасы.

R. G. Beristemova,

doctoral student, police major

(Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan, city of Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, e-mail: raukhan.galimkyzy@mail.ru)

Problems of the subsequent stage of investigation of crimes related to the sale of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors

Annotation. The author considers a number of problems of the subsequent stage of investigation of criminal cases related to the sale of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors. In connection with the emergence of fundamentally new ways of transferring narcotic drugs, psychotropic substances and precursors, by «laying» the latter, cardinal transformations of activities aimed at identifying, uncovering and investigating crimes of the considered variety are required. In this regard, the author considers the current investigative situations of the subsequent stage of the investigation of this category of crimes. In conclusion, the author draws his own conclusions and makes suggestions that justify the validity of the problem under study, which may have theoretical and / or practical value.

Keywords: subscriber; proof; «bookmark»; control purchase; surveillance; secret investigative actions; indictment; criminal activity; investigative experiment; forensic examination.

ӘОЖ 343.2

Жұмаханов А. С.,

*Жоғары оқу орнынан кейін білім беру факультетінің магистранты, полиция капитаны
(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: asylbek_zhumakhanov@mail.ru)*

Қылмыстық процес пен жедел-іздестіру заңнамаларындағы коллизия

Аннотация. Қазақстан Республикасының жаңа Қылмыстық-процестік кодексінің жобасы бойынша өткір пікірталастар, сонымен бірге айтылған көптеген сындарлы ұсыныстар Қазақстан Республикасының жаңа Қылмыстық процесстік кодексі, жүйелік және практикалық маңыздылығы бар ғылыми сипаттағы принциптеріне сәйкес келеді деген белгілі бір үміт тудырады. Мақалада қылмыстық процесітегі дәлелдеу бойынша жасырын тергеу әрекеттері мен жедел-іздестіру шаралары арасындағы қақтығыстар қарастырылған. Жасырын тергеу әрекеттері мен жедел-іздестіру шараларының нәтижелерін қолдану бойынша Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексіне және «Жедел-іздестіру қызметі туралы» заңға талдау жасалды. Сонымен қатар мақалада жасырын тергеу әрекеттерін Қылмыстық-процестік кодекстен алып тастап, жедел-іздестіру қызметінің нәтижелерін дәлелдеу процесінде пайдалану туралы бап қабылдау ұсынылды.

Негізгі сөздер: жедел-іздестіру қызметі, жедел-іздестіру шаралары, арнайы жедел-іздестіру іс-шаралары, жасырын тергеу әрекеттері.

Сотқа дейінгі тергеп-тексерудің негізінде құқық бұзушылық оқиғасын қылмыстық-процестік дәлелдеу және оны жасаған адамды анықтау жатыр. Осындай әрекеттер іс жүргізу жолымен оларды табуды, бекітуді және алып қоюды қамтитын дәлелдемелерді жинау арқылы жүргізіледі (Қазақстан Республикасы ҚПК 122-бабының 1-бөлігі).

Бұл ретте заң шығарушы қылмыстық іс бойынша дәлелдемелер — бұл заңда көзделген рәсімдерге сәйкес тергеуші мен анықтаушы жасаған тергеу әрекеттерінің хаттамаларында қамтылған нақты деректер екенін негізге алады. Осылайша, тергеу әрекеттерінің хаттамалары тергеуші, анықтаушы тікелей қабылдаған, сондай-ақ дәлелдемелерді жинау барысында тергеу әрекеттерін жүргізу кезінде олар анықтаған мән-жайларды куәландыратын ақпарат алудың негізгі көзі болып табылады (Қазақстан Республикасы ҚПК 119-бабының 1 тармағы). Дәл осы дәлелдемелерді іздеу барысында профессор А. М. Лариннің пікірінше,

сотқа дейінгі іс жүргізудің ерекшелігі қылмыстық процестің ерекше сатысы ретінде көбірек көрініс табады [1].

Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процестік кодексінің 124-тармағының 1-тармағына сәйкес дәлелдеу, істі заңды, негізді және әділ шешу үшін маңызды мән-жайларды анықтау мақсатында жинау, зерттеу, бағалау және пайдаланудан тұрады.

Қылмыстық істі дәлелдемелер арқылы шешу үшін жедел-іздестіру шараларын (бұдан әрі — ЖІШ) жүргізбей және олардың нәтижелерін пайдаланбай маңызды фактілер мен мән-жайлар жиынтығын құру іс жүзінде мүмкін емес.

«Жедел-іздестіру қызметі туралы» Қазақстан Республикасының 1994 жылғы 15 қыркүйектегі заңының 14-бабына сәйкес ЖІҚ нәтижелері келесі бағытта пайдаланылады:

– жедел-іздестіру қызметі процесінде алынған материалдар тергеу әрекеттерін әзірлеу мен жүзеге асыру және қылмыстық құқық бұзушылықтардың алдын алу, жолын кесу жөніндегі жедел-іздестіру іс-шараларын жүргізу үшін, сондай-ақ олар Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасының дәлелдемелерді жинауды, зерттеуді және бағалауды регламенттейтін ережелеріне сәйкес тексерілген жағдайда қылмыстық істер бойынша дәлелдеу процесінде пайдаланылуы мүмкін.

– барлау қызметі барысында алынған, оларды пайдалану тәртібі ведомстволық нормативтік құқықтық актілерде белгіленетін нәтижелерді қоспағанда, жедел-іздестіру қызметінің материалдары Қазақстан Республикасының заңнамасында белгіленген тәртіппен тексерілгеннен кейін осы Заңның 2-бабында көзделген басқа да міндеттерді орындау кезінде пайдаланылуы мүмкін.

– жедел-іздестіру іс-шараларын жүргізу нәтижесінде алынған материалдар оларға Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасында көзделген сипат берілгенге дейін не оларды қылмыстық процеске енгізуге мүмкіндік болмағанда жеке және заңды тұлғалардың құқықтарын, бостандықтарын мен заңды мүдделерін шектеуге негіз болып табылмайды.

– Қазақстан Республикасының заңнамасында көзделген жағдайларды қоспағанда, жедел-іздестіру қызметін ұйымдастыру, нақты жедел-іздестіру іс-шаралары, мемлекеттік немесе заңмен қорғалатын өзге де құпияны құрайтын ақпарат көздері және оларды алу тәсілдері туралы мәліметтер, сондай-ақ адам мен азаматтың жеке өміріне, ар-ожданы мен қадір-қасиетіне қатысты мәліметтер жария етуге жатпайды.

– кәсіби міндеттерін орындау нәтижесінде жедел-іздестіру қызметі туралы өзіне белгілі болған мәліметтерді жария еткен адамдар Қазақстан Республикасының заңдарында көзделген тәртіппен жауапты болады [2].

Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процестік кодексі қазіргі таңда қылмыстық істер бойынша дәлелдеулерді ашық және жасырын жолмен жинастырады. Бұл жердегі ашық — ол дәстүрлі жолмен тергеу амалдарын жүргізумен, ал жасырын ҚПК жаңадан енгізілген жасырын тергеу әрекеттерін жүргізумен жүзеге асырылады. Жасырын тергеу әрекеттері құпия іс жүргізу болып табылатындықтан, Қазақстан Республикасының процессуалдық заңнамаларының қағидаларына қайшы. Қазақстан Республикасының ҚПК 232-бабының 2-тармағында «...жасырын тергеу әрекеттерін сотқа дейінгі тергеп-тексеру органының тапсырмасы бойынша құқық қорғау органының немесе арнаулы мемлекеттік органның уәкілетті бөлімшесі жедел-іздестіру қызметінің нысандары мен әдістерін пайдалана отырып жүргізеді» деп белгіленген [3].

Жасыратыны жоқ, қазіргі кезде Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексіндегі жасырын тергеу әрекеттеріне байланысты мәселелерді көптеген ғалымдар талқылауда.

Соның бірі Қазақстандық ғалым заңгер А. Я. Гинзбург Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексіне жасырын тергеу әрекеттері институтын енгізудің қажеті жоқ

деп есептейді, өйткені, біріншіден, алдыңғы 1997 жылғы қылмыстық іс жүргізу нормасы дәлелдеу процесінде жедел-ізвестіру қызметі нәтижелерінің орындалуын толық қамтамасыз ететін; екіншіден, Қылмыстық-процестік кодексіне тиісті заңда көзделген жедел-ізвестіру шараларын қайталайтын фантастикалық жасырын тергеу әрекеттерін енгізудің қажеті жоқ; үшіншіден, ЖТӨ енгізу, оның барлық қатысушылары үшін тергеу процесін автоматты түрде құпия етеді, оның ішінде өзі тағайындаған ЖТӨ өндірісіне қатысуға немесе қатысуға құқығы жоқ, тіпті оларды жүргізу тактикасы мен оның құралдары, әдістері мен тәсілдерін білмейтін тергеуші үшін [4].

Жасырын тергеу әрекеттерінің институты бойынша белгілі ғалым процессуалист А. Н. Ахпанов мыналарды атап өтеді:

Дәлелдерді жинаудың жаңа тәсілдері заманауи қылмыстық сын-қатерлер мен қауіп-қатерлерге сәйкес келеді, процеске қатысушылардың қауіпсіздігін арттырады және терең жасырын әрекеттер үшін дәлелдемелердің сенімділігін қамтамасыз етеді.

Заң шығарушы 2014 жылғы Қылмыстық-процестік кодекске жедел-ізвестіру қызметінің қылмысты ашу міндетін шоғырландырып, жаңа ЖТӨ институтының пайда болуына байланысты жедел-ізвестіру институтында ЖІШ нәтижелерін пайдалану бойынша коллизия пайда болып, жалпы ЖІҚ заңдылықтарына кері әсерін тигізді.

Барлық құқықтық жүйелерде қылмыстарды анықтау, олардың алдын алу, жолын кесу және ашу жедел-ізвестіру қызметінің маңызды міндеттері болып бөлінді.

«Жедел-ізвестіру қызметі туралы» Қазақстан Республикасының заңынан іс жүзінде қылмыстарды шешу міндеттерін алып тастау, практикада оларға жетудің мақсаттары мен құралдарын, сондай-ақ жедел-ізвестіру және қылмыстық іс жүргізу дәлелдемелерінің ерекшеліктерін шатастырды. ЖІҚ-тің мынадай негіздері іс-әрекеттің құпиялылығы, жедел-ізвестіру шараларының тосын әрекет етуі және тактикасы, жасырын қайнар көздердің құпиялылығы, ЖІҚ нәтижелерінің Қазақстан Республикасының ҚПК 120-бабының екінші бөлігі шеңберіндегі дәлелдеулердің өзгеріске ұшырауына әкеп соқты.

Функциялардың шатасуы нәтижесінде ұйымдасқан қылмыстық құқық бұзушылыққа қарсы тұру және оған қарсы күресу жағдайында елдегі қауіпсіздік пен заңдылыққа қауіп төндіретін мәселелер туындайды, соның ішінде сыбайлас жемқорлық, діни экстремизм және терроризм, мемлекеттік қауіпсіздікке қол сұғушылық.

Сонымен қатар оларды сотқа дейінгі тергеп-тексерудің бірыңғай тізілімінде міндетті түрде және дереу тіркеу қылмыстарды ашумен байланысты жұмыстардың мәнін жоққа шығарады.

Ше мемлекеттердің тәжірибесі көрсеткендей, ЖІҚ жасырын тергеу әрекеттерінің нысанындағы қылмыстық процестің ажырамас бөлігі болып табылады деген тезис өте даулы болып көрінеді. Еуропа елдерінде және АҚШ-та ЖІҚ нормативтік құқықтық актілермен реттелетін және қылмыстық процестің міндеттерімен бірге тығыз байланысты арнайы қызмет түрі ретінде танылады.

Қылмыстық процесте «қылмысты ашу» терминіне қарағанда нақты «анықтау» түсінігі қолайлы, ол жария (дәстүрлі) және жасырын тәсілдермен белгілі бір адамның өзіне айыпталған әрекетті жасағандығын дәлелдеуден тұрады.

Тағы бір айта кететін жайт, Қазақстан Республикасы ҚПК 239-бабының 2-тармағында бекітілген: «Жасырын тергеу әрекеттері, аудиожазбалар, бейнежазбалар және ғылыми-техникалық құралдардың көмегімен түсірілген өзге де деректер негізінде жасалған зерттеу және нәтижелерді алдын ала бағалау хаттамалары, алып қойылған заттай объектілер немесе олардың көшірмелері тергеу әрекеттерінің көмегімен дәлелдеу процесіне тартылған өзге де дәлелдемелер көздеріне теңестіріледі».

Осылайша, заң шығарушы дәлелдердің қайнар көзі жасырын тергеу әрекеттерінің өздері емес, оларды одан әрі сотқа дейінгі тергеп-тескеру мен сот процесінде нақты деректердің жол берілуін немесе жол берілмеуін белгілейтін зерттеу хаттамалары екенін анықтайды.

Одан басқа Қазақстан Республикасы ПМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының ЖІҚ кафедрасының оқытушысы Ж. Н. Сапарғалиевтің 2021 жылғы 31 наурызда Қазақстан Республикасы ПМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының «Хабаршы — Вестник» журналына жариялаған «Жедел-іздестіру қызметін сот бақылауы» атты мақаласында: «Қазіргі таңда жоғарыда көрсетілген арнайы жедел-іздестіру іс-шаралары прокурордың санкциясымен жүргізіледі. Бұл Қазақстан Республикасы Жедел-іздестіру заңнамасының 11-бабында көрсетілген, адамның жеке және отбасылық өміріне үлкен зиян келтіруі мүмкін арнайы жедел-іздестіру іс-шаралары сот бақылауынсыз жүзеге асырылады, бұл халықаралық адам құқықтарының стандарттарын бұзады» деп көрсетілген.

Арнайы жедел-іздестіру іс-шараларын жүргізу кезінде адамның құқығын уақытша шектеу ерекше орын алатындықтан (кейін АЖІШ нәтижелерін қылмыстық іске қосқан кезде сезіктімен оның қорғаушысы немесе заңды өкілі жол берілген заң бұзушылыққа тез арада әрекет етеді), бақылау ерекше болуы керек.

Осы жағдайда белгілі бір мемлекеттегі прокуратура органдарының мәртебесінің жоғары болуына қарамастан (оның тәуелсіздігі және т. б.), сот процесінде прокурор әрқашанда мемлекеттік айыпкер ретінде айыптауды қолдайды.

Сондықтан «кез келген жолмен» дәлелдемелер алу ниеті барлық жағдайларда арнайы жедел-іздестіру іс-шараларын қолдану кезінде алынған нәтижелердің объективті бағаланатынына күмән тудыруы мүмкін» деп жасырын тергеу әрекеттері мен жедел-іздестіру шараларын жүргізуді санкциялау бойынша мәселелерін қарастырған [5].

Қылмыстық процесті және жедел-іздестіру қызметін біріктіру, интеграциялау әрекеті Қазақстан Республикасының Конституциясына, отандық қылмыстық процестің принциптері мен негіздеріне және оның тарихи дамуына қайшы келеді.

Бұл жағдайда нысаны мен мәні жағынан ерекшеленетін қызметтің екі түрінің біртұтас тұтастығына жасанды түрде қосылуына жол берілмейді, өйткені бұл мемлекеттік қызмет процестері мен олардың заңнамалық негіздерінің бұзылуына әкеп соғады.

Қолданыстағы заңнама (Қазақстан Республикасы ҚПК және Қазақстан Республикасы «ЖІҚ туралы» Заңы) қылмыстық істерді дәлелдеу кезінде жедел-іздестіру қызметінің нәтижелерін пайдалану процесін өте сындарлы түрде реттейді.

Тергеушіге тиісті органнан келіп түскен жедел-іздестіру қызметінің нәтижелерін алудың заңдылығын, олардың тергеу жүргізіліп жатқан іске қатыстылығын және дәлел ретінде жол берілуін анықтау үшін қатаң белгіленген рәсімдерден өтеді.

Жоғарыда айтылған мәселе еліміздегі өзекті мәселелердің бірі ретінде есептелетіні күмәнсіз. Жалпы мақаланың мазмұнында қарастырылған заңнамаларда көрініс тапқан қарама-қайшылықтарды қорытындылай келе, Қазақстан Республикасының ҚПК жасырын тергеу институтын алып тастап, бұрынғы «Дәлелдеу процесінде жедел-іздестіру қызметінің нәтижелерін пайдалану» деген бапты енгізген дұрыс деп есептеймін.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. — М., 1966. — С. 43–44.
2. Қазақстан Республикасының 1994 жылғы 15 қыркүйектегі № 154-ХІІІ «ЖІҚ туралы» Заңы // http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z940004000_
3. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі 2014 жылғы 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ. <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231>

4. Гинзбург А. Я. Некоторые вопросы по негласным следственным действиям в уголовном процессе // <https://euroasia-science.ru/yuridicheskie-nauki>

5. Сапарғалиев Ж. Н. Жедел-ізвестіру қызметін сот бақылауы. Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының «Хабаршы — Вестник» журналы. — 2021. — № 1(71), 61–64 б.

Жұмаханов А. С.,

*магистрант факультета послевузовского образования, капитан полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: asylbek_zhumakhanov@mail.ru)*

Коллизия уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства

Аннотация. Острые дискуссии по проекту нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан и многие конструктивные предложения, высказанные при этом, позволяют надеяться, что новый УПК Республики Казахстан будет отвечать принципам научности, системности практической значимости. В статье рассматриваются коллизии между негласными следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями по доказыванию в уголовном процессе. Автор анализирует УПК Республики Казахстан и Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в части использования и применения результатов негласных следственных действий и оперативно-розыскной деятельности. Автор предлагает рассмотреть вопрос об исключении негласных следственных действий из УПК и включении в него статьи об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, специальные оперативно-розыскные мероприятия, негласные следственные действия.

A. S. Zhumakhanov,

*Master student of the faculty of postgraduate education, police captain
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: asylbek_zhumakhanov@mail.ru)*

Conflict of criminal procedure and operational-search legislation

Annotation. Sharp discussions on the draft of the new Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, many constructive proposals expressed at the same time give rise to a certain hope that the new Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan will meet the principles of scientific character, systematic and practical significance. The article examines the collisions between covert investigative actions and operational-search measures to prove in criminal proceedings.

The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan and the Law «On OSA» on the use and application of the results of the NSD and ORM are analyzed.

The article provides for the exclusion of the NSD from the Criminal Procedure Code and to adopt an article on the use of the results of operational-search activities in the process of proving.

Keywords: operational-search activities, operational-search activities, special operational search activities, covert investigative actions.

УДК 343.13

Жунусова М. К.,
докторант факультета послевузовского образования,
магистр права, капитан полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: merey.zhunussova@mail.ru)

Об упразднении протокольной формы досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты расследования дел об уголовных проступках, т. е. деяний, не представляющих большой степени общественной опасности, и протокольной формы досудебного производства, отмечается несостоятельность установленной уголовно-процессуальной формы расследования проступков. Автором раскрыты законодательные пробелы в регламентации данной формы расследования: немедленность составления в отношении подозреваемого протокола об уголовном проступке, отсутствие ясной методики выделения деяний в категорию уголовных проступков по признаку общественной опасности, отсутствие механизма переквалификации преступления на уголовный проступок. На основании проведенного анализа норм уголовно-процессуального законодательства, а также материалов судебно-следственной практики автор предлагает отказаться от данного производства и исключить его из законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: ускоренное производство, упрощенное производство, протокольная форма, досудебная подготовка материалов, протокольное производство, дифференциация уголовно-процессуальной формы.

С момента обретения независимости государства на постсоветском пространстве предпринимается действенные меры, направленные на становление демократических начал в области защиты прав человека в уголовном процессе. Главным «трендом» законодателя в области уголовно-процессуального законодательства является ускорение, упрощение и удешевление процедур уголовного процесса посредством введения упрощенных досудебных производств.

В целях реализации концептуальных направлений развития уголовной политики, включающих в себя снижение уровня тяжких преступлений за счет усиления профилактики мелких правонарушений, а также уменьшение количества лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, за счет создания предпосылок для более широкого применения альтернативных лишению свободы видов наказания, в новом Уголовном кодексе, принятом 3 июля 2014 г., введена новая категория уголовно наказуемых деяний — уголовный проступок [1].

В число уголовных проступков вошли наиболее серьезные административные правонарушения, в том числе большая часть деяний, посягающих на личность, избирательные права граждан, права несовершеннолетних, общественную безопасность и общественный порядок. В эту категорию также включены преступления небольшой тяжести, не предусматривающие наказания в виде лишения свободы.

Уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (*действие либо бездействие*), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства. При этом задекларировано, что уголовным правонарушением не является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Обновленная классификация правонарушений в зависимости от уровня общественной опасности, с выделением промежуточной категории в виде уголовного проступка свидетель-

ствуется о постепенной интеграции административно-деликтного права с уголовным. В обоих случаях речь идет о наказуемых материальными законами деяниях, посягающих на охраняемые общественные отношения, с разницей лишь в степени строгости предусматриваемой ответственности.

Сформированная трехуровневая система наказуемых деяний (*преступления — проступки — правонарушения*) сопровождается четким разделением максимально допустимой ответственности. В этой связи при обсуждении перевода деяний из категории проступков в категорию административных правонарушений основным вопросом является изменение степени ответственности, но никак не депенализация.

Следует отметить, что первопричиной введения категории уголовного проступка, по существу, выступает закрепление в уголовно-процессуальном законе особого порядка производства по делам об уголовных проступках, который должен существенно отличаться от традиционного порядка производства по делам о преступлениях в сторону упрощения, «облегчения» уголовного процесса.

По делам об уголовных проступках законодатель закрепил протокольную форму, которая должна обеспечить быстроту, экономичность и скорейшее достижение поставленных перед органом досудебного расследования задач при минимуме производимых затрат. Указанная цель должна быть достигнута путем сокращения сроков досудебного расследования, сужения предмета доказывания и средств по его установлению до минимума либо прекращения уголовного дела в случаях отсутствия спора о виновности лица [1].

Однако установленная уголовно-процессуальная форма расследования проступков в ходе правоприменения показала свою несостоятельность. Во-первых, необходимость немедленно составления в отношении подозреваемого протокола об уголовном проступке, а при необходимости — выяснения обстоятельств уголовного проступка, данных о совершившем его лице, его месте нахождения в срок до трех суток, повлекла, как следствие, высокую статистику процессуальных нарушений и последующих оправдательных приговоров, приравняемых к нарушению конституционных прав граждан. На наш взгляд, применение отдельных норм новых УК и УПК показывает не уменьшение, а, наоборот, увеличение вероятности незаконного и необоснованного ограничения прав граждан в ходе уголовного процесса.

Жесткое ограничение срока окончания досудебного производства по уголовным проступкам явилось ловушкой для нормального хода расследования. В этой связи Законом РК от 27 декабря 2019 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» [2] внесены изменения для исправления ситуации путем увеличения вышеуказанных сроков до десяти суток с момента допроса лица в качестве подозреваемого.

Во-вторых, отсутствие четкой методики выделения деяний в категорию уголовных проступков по признаку уровня общественной опасности повлекло снижение эффективности уголовного процесса по причине несовместимости установленной методики расследования с предусмотренной процессуальной формой.

К примеру, расследование умышленного причинения вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (*см. III УК РК*), требует определенной следственной работы с потерпевшим, назначения ряда специфических экспертиз, то есть в любом типичном случае не может быть окончено в трехдневный срок. Методика расследования аналогична

методике расследования убийства, совершенного в состоянии аффекта (*ст. 101 УК*), относящегося к преступлениям средней тяжести и имеющего отличие лишь в наступивших последствиях.

В-третьих, отсутствует процессуальный механизм переквалификации преступления на уголовный проступок. К примеру, в случае причинения тяжкого вреда здоровью в условиях «неконтактности» потерпевшего типична квалификация по ст. 106 УК (*Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью*) и применение меры пресечения, связанной с лишением свободы. Однако если в ходе расследования будет установлено, что тяжкий вред здоровью причинен в условиях превышения пределов необходимой обороны, деяние надлежит квалифицировать как уголовный проступок по ст. 112 УК (*Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны*), а меру пресечения изменить на не связанную с лишением свободы. При этом получаем нарушение порядка расследования, непризнание собранных фактических данных доказательствами, перспективу оправдания и констатацию нарушения конституционных прав граждан с последующей реабилитацией, вне зависимости от добросовестности лица, осуществляющего расследование.

Следует отметить, что институт уголовных проступков в отечественном уголовном законодательстве заимствован из правовых систем зарубежных стран. В частности, двухзвенная система уголовных правонарушений (*проступков и преступлений*) предусмотрена уголовными кодексами Австрии, Албании, Германии, Испании, Латвии, Литвы, Норвегии, Турции, Чехии и ряда других стран [3, с. 38]. При этом при имплементации уголовного института не применялись аналогии, касающиеся расследования таких проступков.

Не является бесспорным и круг деяний, отнесенных к уголовным проступкам. При том, что основой классификации правонарушений выступает уровень общественной опасности деяния, в качестве фактического критерия разграничения преступления и проступка используется критерий наказуемости, который в свою очередь определяется размером причиненного вреда. Так, для преступлений предусмотрено шесть видов наказаний, а для уголовных проступков – пять, при этом три из них дублируются в обоих случаях.

Принципиально важным выступает тот факт, что деяния, относящиеся к уголовным проступкам, заимствованные из преступлений и административных правонарушений, не предусматривают ответственности за покушение на их совершение. Такая ситуация не соответствует формированию в обществе принципа «нулевой терпимости». Так, в Послании Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Стратегия «Казахстан — 2050: новый политический курс состоявшегося государства» отмечено, что мы не должны мириться даже с самыми малыми правонарушениями, хулиганством, бескультурьем, поскольку это нарушает общественный покой, снижает качество жизни [4]. Ощущение беспорядка и вседозволенности создает почву для более серьезных преступлений. В этой связи необходимо внести ответственность за покушение на любое уголовное правонарушение.

Вместе с тем, группа деяний, переведенная в уголовные проступки из КоАП, претерпела депенализацию, поскольку ранее не предусматривала освобождения лица от ответственности в случае недоведения правонарушения до конца по не зависящим от него обстоятельствам.

В настоящее время своевременно пресеченные грамотными действиями полиции правонарушения обуславливают освобождение от ответственности нарушителей, что формирует негативные отзывы общественности и демотивирует оперативные службы. Так, в период с 2015 по 2020 гг. зарегистрировано 299 015 уголовных проступков. Из них только 20 % (59 423) уголовных дел направлено в суд, 47 % (139 539) прекращено по реабилитирующим основаниям [5].

Представляется, в сложившейся ситуации обеспечение «нулевой терпимости» не связано с криминализацией административных правонарушений, а должно подразумевать комплекс

мер, формирующих основу для более эффективного предупреждения правонарушений и обеспечения ответственности за их совершение, в том числе административной.

Так, в течение последнего времени предпринимались неоднократные попытки декриминализации отдельных составов уголовных проступков путем их перевода в административное законодательство, однако данные предложения не нашли понимания и поддержки законодателя. К примеру, при отнесении незаконного потребления наркотических средств в общественных местах (*ч. 1 ст. 296 УК*) к административным правонарушениям (*с 2012 по 2014 годы*) зарегистрировано 6 623 правонарушения, которые направлены в суд. При нахождении данного деяния в составе уголовных проступков (*с 2015 по 2020 годы*) зарегистрировано 4 518 фактов, направлено в суд 3 432 дела, прекращено по нереабилитирующим основаниям 9 615, по реабилитирующим — 287 дел.

Обязательным признаком правонарушения является совершение указанного деяния в общественных местах, что требует доказывания в ходе досудебного расследования. При этом для установления места потребления не допускается производство негласных следственных действий. Учитывая отсутствие альтернативных мер ответственности в рамках административного законодательства, 80 % виновных избежали какого-либо наказания за совершенные правонарушения (*ранее за аналогичные деяния привлечение к административной ответственности составляло 100 %*. Ни одного факта прекращения административных производств не зарегистрировано).

Между тем, сложившаяся ситуация, фактически легализуя употребление наркотиков в местах, не относящихся к общественным, способствует увеличению спроса на наркотики и практически исключает превентивную функцию наказания — снижение числа лиц, допускающих эпизодическое потребление наркотиков, сокращение числа преступлений, сопутствующих наркопотреблению (хулиганства, кражи, содержание притонов, сбыт наркотиков).

Аналогична ситуация применительно к мелкому хищению (*ст. 187 УК*). В период отнесения данного состава к административным правонарушениям (*с 2012 по 2014 годы*) зарегистрировано 3 470 фактов, которые направлены в суд. В период отнесения данного деяния к уголовным проступкам (*с 2015 по 2020 годы*) зарегистрировано 58 623 факта, направлено в суд 9 748 дел, прекращены по реабилитирующим основаниям 18 513, по нереабилитирующим основаниям — 26 347 дел (*орган досудебного производства не ведет статистический учет уголовных дел и принятых решений в суде*). Таким образом, прекращено более 76 % уголовных дел о рассматриваемом проступке. Указанный объем случаев следует охарактеризовать как неоправданное вовлечение граждан в орбиту уголовного судопроизводства, не имеющего итогового судебного разрешения.

В целях исключения проблем правоприменения, связанных с нарушением сроков составления протокола об уголовном проступке, Законом РК от 27 декабря 2019 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» внесены изменения в ст. 526 УПК РК, предусматривающие, что протокол об уголовном проступке должен быть составлен в течение 10-ти суток с момента допроса лица в качестве подозреваемого.

Усилия, направленные на раскрытие и расследование более сложных и опасных преступлений, отошли на второй план, что повлекло естественный негатив со стороны иных участников процесса, выражающийся в претензиях в волоките и смещении приоритетов защиты потерпевших. Значительное количество уголовных дел прерывается в связи с неустановлением лица, совершившего уголовное правонарушение, а в дальнейшем прекращается за истечением срока давности в связи с отсутствием перспективы раскрытия, что обусловлено запретом на проведение оперативно-розыскной работы по уголовным проступкам. Таким об-

разом, аргумент о дополнительном положительном влиянии уголовной ответственности за мелкие хищения или неотвратимости наказания за них не оправдывается.

В то же время очевидно, что административные санкции не имеют существенных различий в сравнении с уголовными. Затраты на обеспечение уголовной формы производства зачастую превышают стоимость причиненного ущерба, что свидетельствует об отсутствии процессуальной экономии, явившейся предпосылкой для внедрения института уголовного проступка.

Подчеркивая различие административного и уголовного режима доказывания, следует отметить, что уголовный процесс усложнен дополнительными гарантиями защиты, ознакомлениями, объявлениями, разъяснениями, ходатайствами, дополнительными участниками и правоотношениями, что мало связано с предметом доказывания, но направлено на обеспечение состязательности.

Полагаем, что порядок привлечения к ответственности в порядке административного законодательства является менее затратным, упрощенным по сравнению с уголовно-процессуальным порядком. Свидетельством этого является и тот факт, что для привлечения лица к административной ответственности требуется около 7 процессуальных документов (заявление, протокол осмотра, объяснения сторон, экспертиза, протокол об административном правонарушении и др.) к уголовной — 22, то есть необходимо проведение полноценного расследования.

Вызывает сомнения правильность решения о введении в категорию уголовных проступков деяний, по которым статистика направления дел в суд равна нулю. К таким правонарушениям относятся: заражение венерическим заболеванием (ст. 117 УК), незаконная деятельность по усыновлению (удочерению) (ч. 1 ст. 137 УК), вовлечение несовершеннолетних в изготовление продукции эротического содержания (ст. 144 УК), воспрепятствование законной деятельности представителей работников (ст. 154 УК), воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 158 УК), незаконное ограничение права на доступ к информационным ресурсам (ст. 159 УК), нарушение прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных систем без согласия автора (ст. 199 УК), нарушение правил безопасности на объектах использования атомной энергии (ст. 276 УК), загрязнение, засорение или истощение источников вод (ст. 328 УК), недоброкачественный ремонт транспортных средств или выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 348 УК), нарушение действующих на транспорте правил (ст. 353 УК), управление воздушным, морским, речным или маломерным судном лицом, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсикоманического опьянения, передача управления такому лицу или допуск к управлению воздушным, морским, речным или маломерным судном такого лица (ст. 358 УК). Ни в период отнесения указанных деяний к административным правонарушениям, ни в период отнесения к уголовным проступкам ни одного деяния не зарегистрировано.

Применительно к мелкому хищению, по которому половина дел прекращается за примирением сторон и лишь 19 % дел доходит до суда (решение которого предполагает применение санкции незначительно жестче административной), более быстрым и эффективным видится привлечение к ответственности в административном режиме. Это позволит направить усилия следственных работников на раскрытие и расследование более тяжких уголовных правонарушений. Ранее за совершение мелкого хищения привлечение к административной ответственности составляло 100 %. Ни одного факта прекращения административных производств не зарегистрировано.

Сложившаяся ситуация порождает у виновных лиц чувство вседозволенности и безнаказанности.

В период с 2015 по 2020 годы из категории уголовных проступков в административные правонарушения возвращено 5 составов, относящихся к подследственности ОВД: ст. 108 (*Умышленное причинение легкого вреда здоровью*), ст. 109 (*Побои*), ст. 378 (*Оскорбление представителя власти*), ст. 393 (*Невыполнение решения о выдворении*), ч. 1 ст. 140 (*Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего*) УК РК.

Анализ практики применения таких административных правонарушений, как умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои, показывает пятикратное увеличение лиц, привлеченных к ответственности, в сравнении с периодом нахождения таких деяний в составе уголовных проступков.

По результатам проведенного мониторинга приходим к выводу о необходимости пересмотра перечня уголовных проступков в целях достижения задач усиления профилактики мелких правонарушений, а также уменьшения количества лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, за счет создания предпосылок для более широкого применения альтернативных лишению свободы видов наказания, поскольку имеющиеся результаты достигнуты путем, не основанном на эффективном уголовном процессе.

Полагаем, целесообразно вернуть указанные составы уголовных проступков в КоАП, соответственно, исключить протокольную форму досудебного производства из уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, что положительно скажется на охране общественного порядка, эффективности профилактики правонарушений, оптимизирует затраты на уголовный процесс, сократит количество граждан, вовлекаемых в орбиту уголовного процесса, снизит регистрацию уголовных правонарушений, повысит инвестиционную привлекательность Казахстана.

Список использованной литературы:

1. Нургалиев Б. М., Исетова Ж. М. Проблемные вопросы, связанные с протокольной формой досудебного производства в Республике Казахстан // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. — 2020. — № 2. — С. 24.

2. Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 292-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» // Интернет-ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000292>.

3. Уголовные проступки в системе правонарушений Республики Казахстан: теоретические, правовые и организационные аспекты / Под общ. ред. Г. К. Шушиковой: Монография. — Нур-Султан: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2020. — 111 с.

4. Назарбаев Н. А. Стратегия «Казахстан — 2050»: новый политический курс состоявшегося государства: Послание Президента Республики Казахстан — Лидера Нации народу Казахстана от 14 декабря 2012 года // Интернет ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>.

5. Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // Интернет-ресурс: <http://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>.

Жунусова М. К.,
*Жоғары оқу орнынан кейін білім беру факультетінің докторанты,
құқық магистрі, полиция капитаны*
(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: merey.zhunussova@mail.ru)

**Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасынан
сотқа дейінгі іс-жүргізудің хаттамалық нысанын жою туралы**

Аннотация. Мақалада теріс қылықтарды тергеудің белгіленген қылмыстық процестік нысанының дәрменсіздігі және қылмыстық теріс қылықтар туралы істерді тергеудің проблемалық аспектілері, яғни қоғамды қауіптің үлкен дәрежесін және сотқа дейінгі іс жүргізудің хаттамалық нысанын көрсетпейтін әрекеттер қарастырылады. Жұмыста тергеудің осы нысанын реттеудегі заңнамалық ол қылықтар ашылды, олар мыналарды қамтиды: күдіктіге қатысты қылмыстық теріс қылық туралы хаттаманың дереу жасалуы, қоғамдық қауіптілік белгісі бойынша іс-әрекеттерді қылмыстық теріс қылықтар санатына бөлудің нақты әдістемесінің болмауы, қылмысты қылмыстық теріс қылыққа қайта саралау тетігінің болмауы. Қылмыстық іс жүргізу заңнамасының нормаларына, сондай-ақ сот-тергеу практикасы материалдарына жүргізілген талдау негізінде автор осы іс жүргізуден бас тартуды және оны Қазақстан Республикасының заңнамасынан алып тастауды ұсынады.

Негізгі сөздер: жеделдетілген іс жүргізу, оңайлатылған іс жүргізу, хаттамалық нысан, материалдарды сотқа дейін дайындау, хаттамалық іс жүргізу, қылмыстық-процестік нысанын саралау.

M. K. Zhunusova,
*doctoral student of the Faculty of Postgraduate Education,
master of Law, police captain*
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: merey.zhunussova@mail.ru)

**On the abolition of the protocol form of pre-trial proceedings
from the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan**

Annotation. The article deals with the failure of the established criminal procedure form of investigation of misdemeanors and problematic aspects of the investigation of cases of criminal misdemeanors, i.e. acts that do not pose a high degree of public danger and the protocol form of pre-trial proceedings. The paper reveals the legislative gaps in the regulation of this form of investigation, which include: the urgency of drawing up a report on a criminal offense against a suspect, the lack of a clear methodology for allocating acts to the category of criminal offenses on the basis of public danger, the lack of a mechanism for reclassifying a crime to a criminal offense. Based on the analysis of the norms of criminal procedure legislation, as well as materials of judicial and investigative practice, the author proposes to abandon this production and exclude it from the legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: accelerated proceedings, simplified proceedings, protocol form, pre-trial preparation of materials, protocol proceedings, differentiation of the criminal procedure form.

УДК 343.3/7

Заркенов М. С.,

*докторант, магистр юридических наук, юрист 1-го класса
(e-mail: Zarkenov@gmail.com);*

Жемпиисов Н. Ш.,

*заведующий кафедрой специальных юридических дисциплин,
кандидат юридических наук, старший советник юстиции
(Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики
Казахстан, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: oxbridge23@gmail.com)*

О формировании системы информационной безопасности Республики Казахстан

Аннотация. Предметом исследования является процесс формирования системы информационной безопасности на территории Республики Казахстан. Материалом исследования для данной статьи послужили нормы международного и национального законодательства в области информационных технологий, а также аналитический анализ научных трудов отечественных и зарубежных ученых в этой области. Так, авторы рассматривают вопросы возникновения и развития информационной безопасности в Республике Казахстан, демонстрируют процесс развития новой сферы общественных отношений, возникшей в результате научно-технического прогресса. Анализируются международные и национальные правовые акты. Рассмотрено влияние международных организаций на развитие нормативно-правовой базы в области информационных технологий.

Ключевые слова: история; развитие правового регулирования; имплементация норм; единое информационное пространство; информационная безопасность; киберпреступность; кибербезопасность; информационные технологии.

Для формирования системы информационной безопасности на территории Республики Казахстан потребовалось значительное время и, чтобы понять это, необходимо остановиться на источниках происхождения этой области и роли в этом международного сотрудничества.

С момента образования Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) данная международная организация стремилась к развитию общего информационного пространства и принятию комплекса скоординированных мер в информационной сфере. В этой связи государствами — участниками СНГ было подписано значительное количество соглашений в этом направлении. К примеру, «Соглашение о сотрудничестве в области информации» от 09.10.1992 г., «Решение о проведении согласованной политики по формированию единого информационного пространства СНГ» от 26.05.1995 г., «Решение о Концепции формирования информационного пространства СНГ» от 18.10.1996 г. и др.

М. Бенгеманн в своем докладе «Рекомендации Совету Европы: «Европа и глобальное информационное общество» от 26.05.1994 г. призывает Европейский Союз поверить в рыночные механизмы как движущую силу, которая приведет в информационный век. В этом отчете признается возможность технического прогресса, который повлечет новую цифровую революцию, столь же значительную и далеко идущую, как и революции прошлого [1]. На основе этого доклада в 19.07.1994 г. Комиссия Европейских Сообществ разработала детальный план действий «Европейский путь к информационному обществу. План действий», имевший решающее значение для будущего Европейского Общества. Он развивает позитивное видение, подчеркивая, что информационно-коммуникационные технологии и связанные с ними услуги могут способствовать устойчивому росту, повышению конкурентоспособности, созданию рабочих мест и улучшению качества жизни для всех европейцев [2].

Продолжением вышеизложенной идеи и значительным шагом на этапе развития глобального информационного общества стала конференция стран «Большой семерки», состоявшаяся 24-26 февраля 1995 года в Брюсселе. В работе конференции приняли участие представители государств, ученые и лидеры мирового бизнеса в области информационно-коммуникационных и развлекательных технологий из Франции, Германии, Великобритании, Хабаршы — Вестник. 2021. № 2 (72)

Италии, Японии, США и Канады [3]. Вследствие этой конференции все ведущие страны, использующие высокие технологии в своих национальных интересах, приступили к разработке государственных программ по вхождению в глобальное информационное общество. Стремление зарубежных стран к формированию единой информационной политики поставило на повестку дня вопрос о разработке и реализации информационной политики в международном формате СНГ и ОДКБ.

18.10.1996 г. Решением Совета глав правительств СНГ принята «Концепция формирования информационного пространства СНГ». Концепция основана на ранее принятых соглашениях государств — участников СНГ о сотрудничестве в различных сферах деятельности и, прежде всего, в области информационного обмена. Ориентиром работы по формированию информационного пространства государств — участников СНГ стало обеспечение взаимодействия национальных информационных пространств государств — участников Содружества на взаимовыгодной основе с учетом национальных и общих интересов в развитии сотрудничества в таких сферах деятельности, как обеспечение информационной безопасности, создание условий для взаимовыгодного использования информационных ресурсов государств-участников СНГ и др. [4].

Международное соглашение нашло отражение и на национальном уровне, на основании чего издан Указ Президента РК «О формировании единого информационного пространства в РК» от 09.12.1997 г. [5]. Он стал одним из основных документов, определивших первые шаги на пути формирования и реализации единого информационного пространства РК и признавших его приоритетным направлением государственной политики.

Уже в середине 1998 года была принята Концепция единого информационного пространства РК, и в целях ее реализации были созданы Комиссия по координации процессов информатизации государственных учреждений (в декабре 1998 года), АО «Национальные информационные технологии» (в апреле 2000 года). Обеспечение информационной безопасности РК в целом базировалось на законе «О национальной безопасности» от 26.06.1998 г., в котором также впервые введен термин «информационная безопасность». В конечном счете, правовая база в области информационных технологий получает свое развитие по мере научно-исследовательских положений и международных соглашений.

В 1999 году Решением Совета глав государств СНГ одобрено Концепция взаимодействия государств-участников СНГ в борьбе с преступностью. Задачей этого взаимодействия является совершенствование деятельности уполномоченных органов по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, розыску преступников, возмещению ущерба, причиненного преступлениями, исполнению наказаний, совершенствованию международных и национальных правовых норм, а также их скоординированной деятельности по противодействию преступлениям в сфере компьютерной информации [6].

Усиление национальной инфраструктуры защиты информации, в частности, государственных информационных ресурсов, является основой для обеспечения информационной безопасности РК. Недостаточно защищенные государственные информационные ресурсы могут привести к утечке ценной политической, экономической, научно-технической информации. При этом в 2001 году в более 2000 объектах циркулировала конфиденциальная информация, и им требовались технические средства отечественного производства для защиты информации высокой степени конфиденциальности. Так, информационным системам страны требовалась эффективная защита информационного пространства, исключающей угрозы национальной безопасности. Согласно Плану мероприятий по реализации «Государственной программы обеспечения информационной безопасности РК на 2000–2003 годы», основы научно-исследовательских и технических разработок в сфере защиты информации были заложены в Постановлении Правительства РК от 02.04.2001 г. «Об утверждении Программы проведения научных исследований и технических разработок в области защиты информа-

ции». Впервые научные исследования в данной сфере финансировались из бюджета на 2001–2003 годы в размере 120 млн. тенге. Одновременно в РК проходит процесс компьютеризации общества, государственные организации оснащаются разными электронно-вычислительными машинами, создаются государственные информационные базы данных. Темпы цифровизации РК постепенно растут, увеличивают и требования к информационной безопасности, а также ее правовая база, которые не соответствуют требованиям времени. Так, в ежегодном послании Президента страны народу Казахстана 2001 года одной из основных задач в области внешней политики и укрепления безопасности РК является активизация усилий по обеспечению экономической и информационной безопасности страны.

В Концепции борьбы с правонарушениями в сфере экономики на 2001–2003 годы от 02.02.2001 г. были упомянуты правонарушения на рынке финансовых инструментов и в сфере электронных сделок, а также меры по обеспечению информационной безопасности в сфере экономики. В этом Концепции к наиболее значимым видам правонарушений отнесены незаконные операции с ценными бумагами, подделка векселей и банковских гарантий, использование поддельных кредитных карт и чеков, несанкционированный доступ к финансовым системам [7]. Неудивительно, что основной целью обеспечения информационной безопасности страны является стабильное функционирование информационных систем финансовых организаций, недопущение возможности совершения финансовых преступлений с использованием информационных технологий, утраты, утечки, искажения и уничтожения информации ограниченного распространения. Поэтому первые шаги в развитии информационной безопасности нашли свое отражение в финансовых структурах РК. Так, правила обеспечения безопасности рабочего места пользователя платежной системы РГП на праве хозяйственного ведения «Казахстанский центр межбанковских расчетов Национального Банка РК» от 07.10.1999 г. одним из первых предусматривал соблюдение определенных действий и конкретных мероприятий по обеспечению информационной безопасности и ряд таких понятий, как «электронный документ», «несанкционированный доступ». Кроме того, Правила регулировали защиту информации от утечки по акустическим, электромагнитным каналам. Также в Правилах по обеспечению безопасности информационных систем банков второго уровня и организаций, осуществляющих отдельные виды банковских операций, от 31.03.2001 г. впервые даны подробные инструкции по действиям банковской организации, когда требуется провести оценку рисков, разработать политику безопасности, процедуры обеспечения режима безопасности, принять эффективные и экономичные защитные механизмы, составить план защиты информации, соблюдать технологию и документирование процесса разработки информационных систем, а также осуществлять контроль и наказание. Все эти и другие организационные, программно-технические мероприятия по обеспечению информационной безопасности направлены на обеспечение стабильности функционирования информационной системы и сохранности информации [8].

Исходя из вышеизложенного и других мер, направленных на обеспечение информационной безопасности страны, Глава государства совершенно справедливо отмечает в своем Послании народу Казахстана 2020 года, что с учетом большой работы, проделанной по развитию информатизации и обеспечению информационной безопасности РК, работа в этом направлении продолжается и требует еще больших усилий по совершенствованию в этой сфере.

Вместе с тем, в части противодействия уголовным правонарушениям в сфере информатизации и связи мы разделяем мнение В. Р. Гайнельзяновой, которая считает, что деятельность по предупреждению преступлений в сфере электронной информации должна отвечать требованиям эффективности и системности, реализующихся в точечной профилактике,

направленной на достижение конкретных результатов, а также согласованности технических, правовых и организационно-управленческих мероприятий [9].

Подводя итоги исторического развития правовых норм, регулирующих сферу информационных технологий, следует отметить, что данная статья демонстрирует процесс развития истории новой сферы общественных отношений, возникшей в результате научно-технического прогресса.

Для Республики Казахстан выход на международный уровень в сфере информации и информатизации стал очень важным. Взаимодействия государств — участников СНГ и других международных организаций позволило развить правовую базу в области противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационных технологий. Уголовно наказуемые деяния, предложенные в международных договорах, расширили сферу действия сдерживающих правовых норм в сфере информатизации и связи, которыми, учитывая интересы Казахстана, вооружены блюстители закона. Проведенный анализ показывает, что установление принципов национальной системы по охране информации, основных угроз, механизмов реализации общей государственной политики в области информационной безопасности стало важной задачей для формирования правовой платформы РК. На основании вышеизложенного можно с уверенностью сказать, что имплементация норм международно-правовых актов в национальные законы и подзаконные акты стала основным источником развития кибербезопасности в РК.

Вместе с тем следует признать, что в настоящее время еще не достигнуты такие результаты реализации Концепции информационной безопасности, как производство отечественного компьютерного оборудования, комплектующих, периферийных устройств и программных продуктов, предотвращение инцидентов, влекущих несанкционированный доступ, потерю или искажение информации и др. В этом направлении предстоит еще большая работа.

Список использованной литературы:

1. Bangemann M. Recommendations to the European Council: Europe and the global information society // Brussels: European Commission. — 1994.
2. Europe's way to the information society. An action plan. European Commission. — 1994. — URL: <https://op.europa.eu>. (дата обращения: 18.02.2020).
3. G7 Ministerial conference on the global information society. Round-table meeting of business leaders. — 1995. — URL: <https://op.europa.eu>. (дата обращения: 18.02.2020).
4. Решение Совета глав правительств СНГ «О Концепции формирования информационного пространства СНГ» от 18.10.1996 года. — URL: <http://adilet.zan.kz>. (дата обращения: 12.02.2020).
5. Указ Президента Республики Казахстан «О формировании единого информационного пространства в Республике Казахстан» от 09.12.1997 года № 3787. — URL: <http://adilet.zan.kz>. (дата обращения: 12.02.2020).
6. Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции взаимодействия государств — участников СНГ в борьбе с преступностью» от 02.04.1999г. — URL: <http://adilet.zan.kz>. (дата обращения: 12.02.2020).
7. Распоряжение Президента РК «О Концепции борьбы с правонарушениями в сфере экономики на 2001–2003 годы» от 02.02.2001 года № 201. — URL: <http://adilet.zan.kz>. (дата обращения: 12.02.2020).
8. Постановление Правления Национального Банка РК «Об утверждении Правил по обеспечению безопасности информационных систем банков второго уровня и организаций, осуществляющих отдельные виды банковских операций» от 31.03.2001 года № 80. — URL: <http://adilet.zan.kz>. (дата обращения: 12.02.2020).
9. Гайнельзянова В. Р. Некоторые аспекты рассмотрения преступлений в сфере компьютерной информации // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. — 2020. — № 2. — С. 11–14.

Заркенов М. С.,

*докторант, заң ғылымдарының магистрі, 1-сыныпты заңгер,
(e-mail: Zarkenov@gmail.com)*

Жемпиисов Н. Ш.,

*арнайы заң пәндері кафедрасының меңгерушісі,
заң ғылымдарының кандидаты, аға әділет кеңесшісі*

(Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: oxbridge23@gmail.com)

Қазақстан Республикасының ақпараттық қауіпсіздік жүйесін қалыптастыру туралы

Аннотация. Зерттеу мәні Қазақстан Республикасының аумағында ақпараттық қауіпсіздікті қалыптастыру процесі болып табылады. Ғылыми зерттеу әдістері: логикалық, индуктивті, дедуктивті, сипаттамалық, салыстырмалы-құқықтық, жүйелік-құрылымдық және формальды-құқықтық. Осы мақаланың зерттеу материалы ақпараттық технологиялар саласындағы халықаралық және ұлттық заңнаманың нормалары, сондай-ақ осы саладағы отандық және шетелдік ғалымдардың ғылыми еңбектеріне аналитикалық талдау болды. Мақалада Қазақстан Республикасында ақпараттық қауіпсіздіктің пайда болуы мен дамуы мәселелері қарастырылды. Ол сондай-ақ ғылыми-техникалық прогресс нәтижесінде туындаған қоғамдық қатынастардың жаңа саласы тарихының даму процесін көрсетеді. Халықаралық және ұлттық құқықтық актілер талданды. Халықаралық ұйымдардың ақпараттық технологиялар саласындағы нормативтік-құқықтық базаны дамытуға әсері қарастырылды.

Негізгі сөздер: тарих; құқықтық реттеуді дамыту; нормаларды имплементациялау; бірыңғай ақпараттық кеңістік; ақпараттық қауіпсіздік; киберқылмыс; киберқауіпсіздік; ақпараттық технологиялар.

M. Zarkenov,

*PhD student, Master of Law, lawyer of the 1st class
(e-mail: Zarkenov@gmail.com);*

N. Zhempiisov,

*Head of the Department of Special Legal Disciplines,
Candidate of Legal Sciences, Senior Adviser of Justice*

*(Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan city, Republic of Kazakhstan, e-mail:oxbridge23@gmail.com)*

On the formation of the information security system of the Republic of Kazakhstan

Annotation. The subject of the study is the process of forming information security on the territory of the Republic of Kazakhstan. Methods of scientific research: logical, inductive, deductive, descriptive, comparative-legal, system-structural and formal-legal. The research material for this article is the norms of international and national legislation in the field of information technology, as well as an analytical analysis of scientific works of domestic and foreign scientists in this field. Thus, the article deals with the issues of the emergence and development of information security in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: history, development of legal regulation; implementation of norms; unified information space; information security; cybercrime; cybersecurity; information technologies.

УДК 343.3/7

Кудешев Р. А.,

докторант факультета послевузовского образования,

полковник полиции

(Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова,

Республика Казахстан, г. Караганда, e-mail: rkudeshev@mail.ru)

Ответственность за посягательство на нормальную деятельность органов управления в лице представителя власти: сравнительно-правовой анализ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой защиты сотрудников правоохранительных, специальных государственных органов, военнослужащих, государственных инспекторов по охране животного мира, инспекторов специализированной организации по охране животного мира, егерей в Республике Казахстан и в зарубежных странах. В работе рассмотрены сходство и отличительные черты уголовно-правовых норм. В основу сравнительно-правового анализа положено сопоставление уголовных законов и выявление в них специальных норм, направленных на защиту прав указанных категорий лиц. Проведенный уголовно-правовой анализ законодательства Республики Казахстан и зарубежных стран позволил автору предложить внести изменения в ст. 380 Уголовного кодекса Республики Казахстан в части установления ответственности за уничтожение имущества представителя власти.

Ключевые слова: представитель власти, уголовно-правовая защита, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного, специального государственного органа, военнослужащего, государственного инспектора по охране животного мира, инспектора специализированной организации по охране животного мира, егеря, применение насилия.

Отечественное уголовное законодательство определяет объектом пристального внимания уголовно-правовую охрану жизни представителя власти, в том числе сотрудника специального государственного органа, военнослужащего, государственного инспектора по охране животного мира, инспектора специализированной организации по охране животного мира, егеря или их близких. Поэтому мы сочли необходимым провести сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм зарубежных государств и Казахстана в целях использования зарубежного правового опыта в противодействии с рассматриваемыми преступлениями.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан посягательства на нормальную деятельность органов управления в лице представителя власти предусмотрены ст.ст. 380, 380-1 и 380-2.

В части 1 ст. 380 «Применение насилия в отношении представителя власти» рассматривается «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих служебных обязанностей либо из мести за выполнение служебных обязанностей» [1, с. 207]. В части 2 предусмотрена ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи — лишение свободы на срок от пяти до десяти лет. В части 3 предусмотрен широкий спектр особо квалифицирующих признаков. Наказывается это деяние лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет [1, с. 207].

В статье 380-1 установлена уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного, специального государственного органа, военнослужащего, государственного инспектора по охране животного мира, инспектора специализированной организации по охране животного мира, егеря или их близких в связи с выполнением ими служебных обязанностей либо из мести за выполнение служебных обязанностей — лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Во 2 части то же деяние с квалифицирующими признаками наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества [1, с. 208].

В ст. 380-2 предусмотрена ответственность за применение насилия в отношении государственного инспектора по охране животного мира, инспектора специализированной организации по охране животного мира, егеря или его близких в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей либо из мести за выполнение служебных обязанностей. Часть 2 регулирует ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи: деяние наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет. В части 3 рассматриваемой нормы предусмотрены особо квалифицирующие признаки, деяние наказывается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет [1, с. 209].

Указанными нормами осуществляется защита сотрудников правоохранительного, специального государственного органа, военнослужащего, государственного инспектора по охране животного мира, инспектора специализированной организации по охране животного мира, егеря или их близких при исполнении ими служебных обязанностей, а равно в связи с их статусом в обществе. Закреплена охрана всеми имеющимися уголовно-правовыми средствами прав и законных интересов указанных сотрудников как граждан, социальная деятельность которых осуществляется в ситуации повышенного криминального риска. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности именно эта категория лиц подвержена опасности со стороны преступников.

Для более полного и глубокого исследования темы целесообразно провести анализ зарубежного законодательства. Глава 32 УК Российской Федерации «Преступления против порядка управления» начинается со статей, охраняющих нормальную деятельность органов власти посредством установления ответственности за посягательства в отношении ее представителей. На наш взгляд, такое решение вполне обосновано тем, что, во-первых, является наиболее распространенным способом противодействия законной деятельности органов власти, воздействует на права и свободы лиц, осуществляющих ее, во-вторых, выступающая в качестве дополнительного объекта указанных преступлений личность, ее права и свободы провозглашены в Конституции Российской Федерации в качестве высшей ценности. Государство всегда охраняет круг своих общественно значимых общественных отношений, благ и интересов. Более того, Уголовный кодекс Российской Федерации берет под охрану наиболее ценные отношения и интересы. Именно поэтому особой защитой наделены представители власти, так как их деятельность направлена на охрану общественного порядка и противодействие преступности.

Статья 317 УК РФ предусматривает ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также из мести за такую деятельность, которое наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью [2, с. 216].

Статья 318 УК РФ предусматривает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет. Вторая часть данной нормы предусматривает ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья представителя власти. В санкции данной нормы предусмотрено лишение свободы на срок до десяти лет [2, с. 216].

В примечании к данной статье дается определение понятия «представитель власти» — это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное

должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости [2, с. 216].

По сравнению с Уголовным кодексом Российской Федерации, казахстанским законодателем в Уголовном кодексе круг лиц, являющихся потерпевшими от соответствующих деяний, обозначен более широко, кроме того, положительным моментом является установление квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в рассматриваемых составах.

Необходимо также отметить наказание за рассматриваемые нормы. Так, в Уголовном кодексе Республики Казахстан за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного, специального государственного органа, военнослужащего, государственного инспектора по охране животного мира, инспектора специализированной организации по охране животного мира, егеря предусмотрено от десяти до пятнадцати лет лишения свободы, а за квалифицирующие признаки от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы либо пожизненным лишением свободы. В санкции ст. 317 УК РФ за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа предусмотрено наказание в виде лишения свободы от двенадцати до двадцати лет лишения свободы либо пожизненного лишения свободы, либо смертной казни. Отличия в санкциях, с нашей точки зрения, можно изучить как положительный зарубежный опыт с целью совершенствования уголовно-правовой базы Республики Казахстан.

В ст. 315 Главы 34 «Преступления против порядка управления» Уголовного кодекса Азербайджанской Республики предусмотрена ответственность за сопротивление представителю власти, выполняющему свои служебные обязанности, с применением насилия, не представляющего опасности жизни и здоровью: применение такого насилия или угроза применения насилия в отношении него и его родственников в связи с выполнением служебных обязанностей наказываются лишением свободы на срок до трех лет. В квалифицирующих признаках — применение насилия, опасного для жизни или здоровья представителя власти. Санкция данной нормы предусматривает лишение свободы от трех до семи лет [3, с. 58].

Следует отметить, что в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики нет специальной нормы, предусматривающей ответственность лица, посягающего на жизнь сотрудника правоохранительного органа. По нашему мнению, данное положение является не совсем верным, поскольку, с одной стороны, убийство потерпевшего или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, предусмотрено общей нормой 120.2.3. ст. 120 УК Азербайджанской Республики, с другой стороны, представители власти при осуществлении своих обязанностей нуждаются в дополнительной охране, так как могут подвергнуться опасности вследствие публичного характера исполняемой работы.

В Уголовном кодексе Республики Армения в ст. 316 предусмотрена ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу его применения в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих служебных обязанностей, а также воспрепятствование исполнению представителем власти обязанностей, возложенных на него законом. Эти деяния наказываются штрафом в размере от трехсоткратного до пятисоткратного размера минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок не свыше пяти лет.

Во второй части предусмотрена ответственность за оказание сопротивления представителю власти при исполнении им обязанностей, возложенных на него законом, или принуждение его к выполнению заведомо незаконных действий, совершенные с применением насилия или с угрозой применения насилия. В третьей части предусмотрена ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в частях первой или второй настоящей статьи, деяние наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет [4, с. 123].

По нашему мнению, законодатель Республики Армения при формулировании статьи неправильно использовал приемы законодательной техники. Полагаем более логичным изложить понятие представителя власти в примечании к статье (по аналогии с УК РФ) или в отдельной статье УК (по аналогии с УК РК). Заметим, что ст. 316 УК РА не лишена и других недостатков. Так, в части первой законодатель предусмотрел ответственность за такое альтернативное действие, как угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья. На наш взгляд, указанная формулировка — весьма спорная, поскольку конкретизирует ответственность лишь за угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья. Применительно к Республике Казахстан под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли, не вызвавшей кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности [5, с. 315]. В свою очередь, в ч. 3 ст. 316 УК РА не криминализована угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья, что, на наш взгляд, является ее существенным недостатком. Кроме того, законодателем установлена ответственность за оказание представителю власти сопротивления, совершенного с применением насилия или с угрозой применения насилия (ч. 2 ст. 316 РА) однако законодатель не определил, в какой форме должно оказываться сопротивление. Применение данной нормы вызывает у правоприменителя трудности в квалификации соответствующего деяния, поскольку сопротивление сопровождается применением насилия без конкретизации его вида (отметим, что и в ч. ч. 1 и 3 ст. 316 УК РА указывается на такой признак, как совершение преступления с применением насилия). На наш взгляд, ст. 380 УК РК, предусматривающая ответственность за применение насилия в отношении представителя власти, сформулирована более удачно.

Необходимо отметить, что уголовное законодательство Республики Армения не предусматривает специальной нормы за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, как предусмотрено в УК РК и РФ. Между тем, наличие такой нормы выступало бы в качестве дополнительного элемента охраны представителей власти при исполнении ими своих служебных обязанностей. В настоящий момент жизнь рассматриваемой категории лиц охраняется п. 2 ч. 2 ст. 104 УК Республики Армения.

В Уголовном кодексе Грузии в главе «Преступления против порядка управления» закреплено несколько норм, направленных на охрану представителей власти, полицейского и лиц, охраняющих общественный порядок. Так, в ст. 352 предусмотрена ответственность за давление на народного защитника Грузии: в первой части — в любой форме с целью воспрепятствования его служебной деятельности; во второй части — за то же деяние, совершенное с использованием служебного положения. Деяние наказывается лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В статье 353 предусмотрена ответственность за сопротивление работнику полиции, служащему Специальной пенитенциарной службы или иному представителю власти в целях воспрепятствования охране общественного порядка, прекращения или изменения его деятельности, а равно его принуждение к явно незаконным деяниям, совершенные с применением насилия или с угрозой насилия.

Статья 353-1 предусматривает ответственность за нападение на полицейского, служащего Специальной пенитенциарной службы или другого представителя власти, либо на его служебное или жилое помещение, либо на его транспортное средство, либо на члена его семьи в связи со служебной деятельностью полицейского, служащего Специальной пенитенциарной службы или другого представителя власти, и наказывается лишением свободы на срок от четырех до семи лет. Вторая часть данной нормы предусматривает ответственность за по-

сягательство на здоровье полицейского, служащего Специальной пенитенциарной службы или другого представителя власти либо члена его семьи в связи со служебной деятельностью полицейского, служащего Специальной пенитенциарной службы или другого представителя власти, — лишение свободы на срок от семи до одиннадцати лет.

В третьей части предусмотрена ответственность за причинение смерти полицейскому, служащему Специальной пенитенциарной службы или другому представителю власти либо члену его семьи в связи со служебной деятельностью полицейского, служащего Специальной пенитенциарной службы или другого представителя власти, наказывается лишением свободы на срок от шестнадцати до двадцати лет либо бессрочным лишением свободы [6, с. 197].

В УК Грузии круг потерпевших шире, нежели в УК Российской Федерации и Армении, но меньше, чем в УК Республики Казахстан. К тому же, в УК Грузии установлена ответственность за такие действия, как сопротивление работнику полиции, нападение на полицейского, посягательство на здоровье полицейского и причинение смерти полицейскому или другому представителю власти. Однако в отличие от УК РК уголовная ответственность в УК Грузии предусмотрена за причинение смерти полицейскому или другому представителю власти (ст. 353-1 УК Г), т. е. состав преступления сформулирован как материальный.

В главе 31 «Преступления против порядка управления» Уголовного кодекса Республики Таджикистан в ст. 328 установлена ответственность за применение насилия в отношении представителя власти:

1) насилие, не опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия, а равно угроза уничтожения имущества в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих обязанностей,

– наказывается штрафом в размере до пятисот показателей для расчетов или исправительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до двух лет;

2) применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи,

– наказывается ограничением свободы на срок от двух до пяти лет либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

В примечании к статье дается понятие представителя власти: «представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается лицо, служащее в органах государственной власти и наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости» [7, с. 131].

Необходимо отметить, что специальной нормы за посягательство на жизнь представителя власти УК Таджикистана не имеет. Приемлемой для УК Республики Казахстан является ответственность за уничтожение имущества представителя власти, предусмотренная ч. 1 ст. 328 УК Таджикистана.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь нормы, устанавливающие ответственность за применение насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел и посягательство на его жизнь, предусмотрены в главе 33 «Преступления против порядка управления». Так, ст. 362 закрепляет уголовную ответственность за убийство сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка: деяние наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати пяти лет или пожизненным заключением, или смертной казнью [8, с. 133].

Статья 362 УК Республики Беларусь четко определяет круг потерпевших: работники органов внутренних дел, а также указывает на то, что убийство работника милиции должно быть связано с выполнением последним обязанностей по охране общественного порядка, т. е. определяется мотив деяния. Но наряду с этим имеются отличия от УК РК, связанные с определением круга потерпевших от соответствующего деяния, кроме того, УК РБ говорит об

убийстве сотрудника органов внутренних дел, а не о посягательстве на жизнь. Следует отметить, что санкция рассматриваемой нормы — более жесткая, чем в УК РК: предусматривается от десяти до двадцати пяти лет лишения свободы или пожизненное заключение, или смертная казнь. На наш взгляд, положительным моментом является наличие в УК РК квалифицирующих признаков.

На защиту сотрудников органов внутренних дел направлены и другие нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь. Так, установлена ответственность за следующие деяния: 1) сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющему общественный порядок (ст. 363); 2) насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел (ст. 364); 3) вмешательство в деятельность сотрудника органов внутренних дел (ст. 365); 4) насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг (ст. 366); 5) оскорбление представителя власти (ст. 369). На наш взгляд, перечисленные составы преступлений сходны по своему содержанию со ст. 380 УК РК, регулирующей ответственность за применение насилия в отношении представителя власти. В статье 364 УК РБ не предусмотрена дифференциация ответственности в зависимости от вида насилия (опасного или не опасного для жизни и здоровья). Наличие такой дифференциации может влиять на дифференциацию наказания, так как степень общественной опасности деяния может существенно различаться в зависимости от вида насилия. Также в рассматриваемой норме нет квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, как в ст. 380 УК РК.

Таким образом, анализ уголовного законодательства Республики Казахстан и зарубежных стран по применению насилия в отношении представителя власти показывает, что не во всех кодексах предусмотрена ответственность за посягательство на жизнь представителя власти, а если и предусмотрена, то не все его обозначают так: в некоторых государствах установлена ответственность за убийство. Ответственность же за применение насилия в отношении представителя власти закреплена во всех рассмотренных уголовных законах.

В научной литературе по поводу применения терминов «посягательство» или «убийство» высказаны разные мнения. Так, по мнению С. Л. Скутина, необходимо установить уголовную ответственность за причинение смерти сотруднику органов внутренних дел в связи с осуществлением им охраны общественного порядка в виде специальной статьи, состав которой конструируется по принципу материального, то есть имеет указание на конкретные последствия, а именно: убийство работника органа внутренних дел [9, с. 103]. Данную позицию разделяют также Ф. Н. Аббасов и Г. А. Агаев [10, с. 35].

По нашему мнению, более корректной здесь является формулировка «посягательство», поскольку при посягательстве юридический момент окончания переносится на стадию покушения на убийство, т.е. это формальный состав, а убийство сотрудника органов внутренних дел (ст. 362 УК РБ), причинение смерти полицейскому или другому представителю власти (ч. 3 ст. 353-1 УК Грузии) считается оконченным с момента наступления последствий, т.е. причинения смерти, состав по конструкции — материальный.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Анализ уголовного законодательства различных стран показал, что нормы по охране сотрудников правоохранительных органов имеют общие черты. На наш взгляд, это связано с тем, что рассмотренные нами нормы прошли значительный путь своего формирования, и на их развитие оказали влияние юридическая наука и правоприменительная практика.

2. В Уголовном кодексе Республики Казахстан круг потерпевших шире, нежели в других уголовных законах.

3. Различие также заключается в особенностях законодательной конструкции состава, что влияет на определение момента окончания преступления. Состав ст. 380-1 УК РК носит

формальный характер и считается оконченным с момента выполнения деяния, в то же время для признания преступления оконченным по ст. 362 УК РБ и 353-1 УК Грузии необходимо наступление смерти потерпевшего, то есть состав по законодательной конструкции является материальным.

4. На наш взгляд, казахстанскому законодателю следует учесть положительный опыт зарубежных государств и внести соответствующие дополнения в УК РК, а именно: установить ответственность за уничтожение имущества представителя власти, как предусмотрено в ст. 328 Уголовного кодекса Таджикистана.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан: Практ. пос. — Алматы: Норма-К, 2021.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // <http://online.zakon.kz>
3. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353
4. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003 г. // <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/5499>
5. Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть (том 2). — Алматы: Жеті жарғы, 2015. — 1120 с.
6. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. // <http://www.matsne.gov.ge/>
7. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 // http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=3319;-56
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>
9. Скутин С. Л. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступными посягательствами на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, охраняющих общественный порядок: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1995.
10. Аббасов Ф. Н., Агаев Г. А. Об ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов // Российский следователь. — 2003. — № 9.

Кудешев Р. А.

*Жоғары оқу орнынан кейін білім беру факультетінің докторанты,
полиция полковнигі*

*(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: rkudeshhev@mail.ru)*

Билік өкілі тұлғасындағы басқару органдарының қалыпты қызметіне қол сұғушылық үшін жауапкершілік: салыстырмалы құқықтық талдау

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында және шет елдерде құқық қорғау, арнаулы мемлекеттік органдардың қызметкерлерін, әскери қызметшілерді, жануарлар дүниесін қорғау жөніндегі мемлекеттік инспекторларды, жануарлар дүниесін қорғау жөніндегі мамандандырылған ұйымның инспекторларын, қорықшыларды қылмыстық-құқықтық қорғау мәселелері қарастырылады. Жұмыста қылмыстық-құқықтық нормалардың ұқсастықтары мен ерекшеліктері қарастырылған. Салыстырмалы-құқықтық талдау қылмыстық заңдарды салыстыруға және оларда аталған санаттағы адамдардың құқықтарын қорғауға бағытталған арнайы нормаларды анықтауға негізделген. Қазақстан Республикасының және шет елдердің заңнамасына жүргізілген қылмыстық-құқықтық талдау авторға Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 380-бабына өзгерістер енгізуді, атап айтқанда, билік өкілінің мүлкін жою үшін жауапкершілікті белгілеуді ұсынуға мүмкіндік берді.

Негізгі сөздер: билік өкілі, қылмыстық-құқықтық қорғау, құқық қорғау, арнаулы мемлекеттік орган қызметкерінің, әскери қызметшінің, жануарлар дүниесін қорғау жөніндегі мемлекеттік

инспектордың, жануарлар дүниесін қорғау жөніндегі мамандандырылған ұйым инспекторының өміріне қол сұғу, қорықшы, күш қолдану.

R. A. Kudeshev,
*doctoral student of the Faculty of Postgraduate Education,
Police Colonel*
*(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: e-mail: rkudeshev@mail.ru)*

Responsibility for encroachment on the normal activities of government bodies in the person of a representative of the authorities: comparative legal analysis

Annotation. This article deals with the issues of criminal and legal protection of law enforcement officers, special state bodies, military personnel, state inspectors for the protection of wildlife, inspectors of specialized organizations for the protection of wildlife, rangers in the Republic of Kazakhstan and in foreign countries. The paper considers the similarities and distinctive features of criminal law norms. The comparative legal analysis is based on the comparison of criminal laws and the identification of special norms aimed at protecting the rights of these categories of persons. The conducted criminal law analysis of the legislation of the Republic of Kazakhstan and foreign countries allowed the author to propose amendments to Article 380 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, namely, to establish responsibility for the destruction of property of a representative of the authorities.

Keywords: representative of the authorities, criminal legal protection, encroachment on the life of a law enforcement officer, a special state body, a soldier, a state inspector for the protection of the animal world, an inspector of a specialized organization for the protection of the animal world, a huntsman, the use of violence.

УДК 342.951

Кусаинова А. К.,
*докторант,
магистр юридических наук, младший советник юстиции*
*(Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: aygul.kus@bk.ru)*

Сроки давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения

Аннотация. Статья посвящена правовым нормам, устанавливающим сроки давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения. Истечение сроков давности привлечения к административной ответственности является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении. В работе проведен сравнительный анализ норм, устанавливающих сроки давности привлечения к ответственности в области налогообложения, содержащихся в Кодексе об административных правонарушениях и в Уголовном кодексе. Автор предлагает изменить сроки давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения ввиду изменения общего срока исковой давности в Кодексе «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (за исключением определенных налогоплательщиков), что в свою очередь привело к тому, что были изменены периоды налоговых проверок.

Ключевые слова: налог, административная ответственность, срок давности привлечения, срок исковой давности, правонарушение, административное правонарушение в области налогообложения, административная ответственность в области налогообложения, налогоплательщик, налогообложение.

Государству в целях оказания общественных услуг требуются соответствующие доходы для расходов на здравоохранение, образование, оборону, поддержание общественного порядка, социальную поддержку, а также для финансирования иных сфер общественных отношений. Для этих целей государство устанавливает налоги. Согласно ст. 1 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) от 25 декабря 2017 г. № 120-VI ЗРК [1] налоги — законодательно установленные государством в одностороннем порядке обязательные денежные платежи в бюджет, за исключением случаев, предусмотренных Налоговым кодексом, производимые в определенных размерах, носящие безвозвратный и безвозмездный характер [1].

В своем выступлении на расширенном заседании Правительства 26 января 2021 г. Глава государства Касым-Жомарт Токаев указал, что одной из важнейших системных политик является налоговая, которая должна стимулировать формирование новой структуры экономики. Налоговые поступления — основная статья дохода в республиканский бюджет. По официальным оценкам, около четверти ВВП, а по данным Всемирного банка — 40 % находится в «серой» зоне. В связи с поступающими жалобами предпринимателей поручена разработка предложений по кардинальному упрощению и смягчению налогового администрирования [2].

Д. Б. Алиева по этому поводу отмечает, что перевод средств в теневую часть экономики — существенный удар по доходной части бюджета [3, с. 25]. К. Нордблом и Й. Замак считают, что люди могут изменять свои моральные ценности с помощью механизмов социальной психологии в течение жизненного цикла. Например, те, кто не одобрял уклонение от уплаты налогов, но не смог устоять перед искушением, в дальнейшем изменяют свое мнение для оправдания своего поведения [4, с. 7]. С их точки зрения, товары могут приобретаться через теневой сектор, если цена будет выгодна для их приобретения. При этом М. Лаго и М. Хосе указывают, что причиной агрессивного налогового планирования являются строгие налоговые правила, порождающие неуловимое поведение в поисках менее обременительных налоговых правил [5, с. 57].

Таким образом, на совершение административных правонарушений в области налогообложения влияют строгие налоговые правила, повышение налоговых ставок, а также личный интерес в получении выгоды.

Сегодня, несомненно, действенным методом принуждения к правомерному поведению налогоплательщика является административная ответственность. В этой связи административная ответственность в области налогообложения должна применяться своевременно к лицу, совершившему правонарушение в области налогообложения с целью порицания совершенного деяния (нарушения закона), применения административного взыскания и профилактики административного деликта. В этой связи административная ответственность как вид юридической ответственности должна обладать четкими признаками определенности в сроках давности привлечения лица за совершение правонарушения в области налогообложения.

В статье поставлена задача раскрыть проблемные вопросы применения сроков давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения в Республики Казахстан. Сроки давности привлечения к административной ответственности за нарушения в области налогообложения были исследованы учеными: Князевым С. Д., Арановским К. В., Даниловым Ю. М., Субачевым А. К., Торопкиным С. А. и другими.

С. Д. Князев, К. В. Арановский и Ю. М. Данилов в своих работах указывают, что сроки давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения сопоставляются с уголовными проступками и уголовными преступлениями в области налогообложения, и считают это неприемлемым [6, с. 131]. На наш взгляд, эта позиция заслуживает внимания.

А. К. Субачев утверждает, что институт сроков давности применяется для соблюдения принципов экономии репрессии и правовой определенности. Определение конкретных сроков давности привлечения лица к административной ответственности, которые можно было бы с уверенностью назвать соответствующими принципам права, по меньшей мере, затруднительно. Ученый поднимает вопрос о том, что никаким особым правовым статусом нельзя оправдать большой срок давности привлечения к менее строгой форме публично-правовой ответственности, которая следует за совершение деяния, отличающегося меньшей степенью общественной опасности, и соглашается с выводами Конституционного Суда Российской Федерации, указанными в постановлении от 13 июля 2010 г. № 15-П [7, с. 34; 36–41.].

Изучение постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П [8] показало, что норма предусматривающая начало течения срока давности привлечения к административной ответственности с принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела и его прекращения, то есть ставя его исчисления в зависимость от правоприменительных действий, признана в Российской Федерации нарушающей отдельные нормы Конституции Российской Федерации, так как данная норма не обеспечивает надлежащую формальную определенность закона, которая в правовом государстве является необходимым условием привлечения к юридической ответственности. Указанная норма позволяет фактически увеличивать срок давности привлечения к административной ответственности на неопределенное время [8], так как уголовные процессуальные сроки могут быть прерваны, продлены.

В действующей в настоящее время редакции статьи 4.5. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. закреплено, что в случае отказа в возбуждении уголовного дела либо прекращении уголовного дела сроки давности исчисляются со дня совершения административного правонарушения [9].

Н. И. Петрыкина отмечает, что при градации административных правонарушений в зависимости от характера и степени причинения ими вреда (при делении их на такие категории, как грубые, значительные и менее значительные административные правонарушения) для каждой категории административных правонарушений должны устанавливаться особые сроки давности привлечения к административной ответственности [10, с. 51].

В Республике Беларусь с принятием Кодекса об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 [11] введена в действие с 1 марта 2021 г. градация административных правонарушений на следующие категории: административные проступки, значительные и грубые правонарушения; сроки давности привлечения по указанным категориям правонарушений не разграничены. Вместе с тем, КоАП Республики Казахстан [12] не регламентирует градацию административных правонарушений, в том числе и в области налогообложения.

Анализ норм, устанавливающих сроки давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения, и норм, установленных для уголовной ответственности в Уголовном кодексе Республики Казахстан от 3 июня 2014 года, показал, что уголовные правонарушения в области налогообложения закреплены в 6 статьях главы 8 «Правонарушения в сфере экономической деятельности»: ст. 223 (в силу статьи 11 УК ее составы отнесены к преступлениям небольшой и средней тяжести), 233 (к преступлению небольшой тяжести), ст. 236 (в силу статей 10 и 11 УК ее составы отнесены к уголовному проступку, преступлениям небольшой и средней тяжести), ст. 244 (к преступлению средней тяжести), ст. 245 (к преступлениям средней тяжести и тяжким), ст. 246 (к уголовному проступку). Физические лица освобождаются от уголовной ответственности, если со дня совершения уголовного правонарушения истекли сроки: после совершения проступка — 1 год, преступления небольшой тяжести — 2 года, преступления средней тяжести — 5 лет, тяжкого преступления — 10 лет, особо тяжкого преступления — 15 лет [13], при этом при уклонении от

следствия и суда предусмотрены иные сроки давности непривлечения физического лица к уголовной ответственности.

КоАП Республики Казахстан предусматривает привлечение к административной ответственности в области налогообложения физических и юридических лиц с регламентацией разных для них сроков давности привлечения. Согласно ч. 2 ст. 62 КоАП физическое лицо не подлежит привлечению к административной ответственности в области налогообложения по истечении одного года со дня его совершения, а юридическое лицо (в том числе индивидуальный предприниматель) – по истечении 5 лет со дня его совершения. В силу ч. 6 ст. 62 КоАП в случае прекращения уголовного дела при наличии в действиях нарушителя признаков административного правонарушения лицо может быть привлечено к административной ответственности не позднее трех месяцев со дня поступления решения о его прекращении.

Срок давности привлечения (ч. 6 ст. 62 КоАП) зависит не только от принятия решения уполномоченного правоохранительного органа, суда и его сроков, а также от времени поступления этого решения уполномоченному органу.

Изучение Налогового кодекса Республики Казахстан показало, что сроки проверки налоговыми органами устанавливаются за налоговые периоды, не превышающие сроки исковой давности по налоговому обязательству и требованию, предусмотренные в ст. 48 Налогового кодекса. В этот период органы государственных доходов вправе исчислять, начислять или пересматривать исчисленную, начисленную сумму налогов и платежей в бюджет. Если иное не предусмотрено Налоговым кодексом, общий срок исковой давности составляет три года в соответствии со ст. 48 Налогового кодекса, также срок исковой давности может составлять пять лет с учетом особенностей для определенных категорий налогоплательщиков: налогоплательщиков, подлежащих мониторингу; налогоплательщиков, осуществляющих деятельность в соответствии с контрактом на недропользование; резидентов, соответствующих условиям главы 30 Налогового кодекса, и в иных случаях [1].

Таким образом, в связи с изменением сроков исковой давности в Налоговом кодексе, где общий срок составляет три года, полагаем необходимым внесение изменений в КоАП в ч. 2 ст. 62 касательно изменения сроков давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения, за исключением налогоплательщиков, по которым срок исковой давности не изменен и составляет пять лет.

Анализ Налогового кодекса Российской Федерации от 13 июля 1998 г. № 146-ФЗ [14] показал, что заслуживает внимание норма статьи 113, предусматривающая приостановление сроков давности привлечения к налоговой ответственности, если лицо активно противодействовало проведению выездной налоговой проверки, что стало непреодолимым препятствием для ее проведения и определения сумм налогов, подлежащих уплате, и норма возобновления при устранении этих препятствий.

По итогам проведенного исследования полагаем, что:

– необходимо внесение изменений в части изменения сроков давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения для юридического лица и индивидуального предпринимателя, так как общий срок исковой давности, предусмотренный Налоговым кодексом Республики Казахстан, изменен на три года, за исключением срока давности привлечения определенных категорий налогоплательщиков, указанных в ст. 48 Налогового кодекса, для которых срок исковой давности остался прежним — пять лет;

– срок давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения физического лица является равным сроку давности привлечения к уголовной ответственности в области налогообложения физического лица за проступки. При этом для юридического лица и индивидуального предпринимателя срок давности привлечения к административной ответственности в области налогообложения превышает сроки давности привлечения к уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести и является равным

сроку давности за совершение уголовного преступления средней тяжести, тогда как административная ответственность в области налогообложения является менее строгим видом юридической ответственности.

Список использованной литературы:

1. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» 25.12.2017 г. № 120-VІЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120> (дата обращения: 03.04.2021).
2. Выступление Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева на расширенном заседании Правительства 26.01.2021 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-zasedanii-pravitelstva(дата обращения: 03.04.2021).
3. Алиева Д. Б. Ұйымдарға салынатын салықтарды төлеуден жалғарту саласындағы қылмыстықтардың өзiктi мәселелерi // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. — 2013. — № 1. — С. 110.
4. Nordblom K., Zamac J. Endogenous Norm Formation Over the Life Cycle — The Case of Tax Evasion // Department of Economics Working Paper 2011:13. Uppsala University Sweden. — 2011 P.O. — Box 513 SE-751 20. — P. 7. ISSN 1653-6975. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ideas.repec.org/cgi-bin/hsearch?ul=hhs%2Fgunwpe&q=5.%09Katarina+Nordblom%2C+Jovan+Zamac.+Endogenous+Norm+Formation+Over+the+Life+Cycle+-+The+Case+of+Tax+Evasion%2F%2FDepartment+of+Economics+Working+Paper+2011%3A13.+Uppsala+University+2011+P.O.+Box+513+SE+-+751+20.+p.7.+Uppsala.+Sweden> (дата обращения: 04.04.2021)
5. José Maria, Lago Montero. Planificación fiscal agresiva, BEPS y litigiosidad // *Ars Iuris Salmanticensis*. Editions University of Salamanca. Spain. — 2015. — vol. 3. — p. 55-73. eISSN:2340-5155. [Электронный ресурс] — Режим доступа: file:///C:/Users/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C/Downloads/2022712_lod_oai_gredos_usal_es_10366___129145_ent0.pdf (дата обращения: 03.04.2021)..
6. Князев С. Д., Арановский К. В., Данилов Ю. М. Административно-деликтный закон в конституционных перспективах кодификации // *Правоприменение*. — 2020. — Т. 4. — № 3. — С. 123–138. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://enforcement.omsu.ru/jour/article/view/360/473> (дата обращения: 03.04.2021).
7. Субачев А. К. Сроки давности привлечения к административной ответственности и порядок их исчисления в ракурсе конституционно-правовых принципов // *Lexrussica* (Русский закон). Публичное право. — 2021. — Т. 74. — № 1(170). — С. 32–43. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/1709/1001#> (дата обращения: 03.04.2021).
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (Принят Государственной Думой 20.12.2001 г., одобрен Советом Федерации 26.12.2001 г.). — КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 04.04.2021).
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/23/ks-sud-dok.html> (дата обращения: 04.04.2021).
10. Петрыкина Н. И. О некоторых аспектах развития российского административного права на современном этапе // *Право и управление*. XXI век. — 2017. — № 2 (43). — С. 45–53.
11. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 г. № 91-З. (Принят палатой представителей 18.12.2020 г., одобрен Советом Республики 18.12.2020 г., введен в действие с 01.03.2021 г. Законом РБ от 06.01.2021 г. № 93-З). — Национальный центр правовой информации Республики Беларусь «Эталон online» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091&q_id=3092024 (дата обращения: 04.04.2021).

12. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях 05.07.2014 г. №235-VЗРК. — Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 03.04.2021).

13. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V — Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>(дата обращения: 04.04.2021).

14. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (Принят Государственной Думой 16.07.1998 г., одобрен Советом Федерации 17.07.1998 г.) — КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 04.04.2021).

Құсайынова А. Қ.,

докторант,

заң ғылымдарының магистрі, кіші әділет кеңесшісі

(Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: aygul.kus@bk.ru)

Салық салу саласында әкімшілік жауаптылыққа тартудың ескіру мерзімдері

Аннотация. Мақалада салық салу саласында әкімшілік жауапкершілікке тартудың ескіру мерзімінің өтуін белгілейтін құқықтық нормаларға арналған. Әкімшілік жауаптылыққа тартудың ескіру мерзімінің өтуі болған кезде әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс бойынша іс жүргізуді бастауға болдырмайтын, ал басталған іс тоқтатылуға жататын мән-жай болып табылады. Мақалада Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексінде және Қылмыстық кодексінде қамтылған салық салу саласында жауапкершілікке тартудың ескіру мерзімінің өтуі белгіленген нормаларға салыстырмалы талдау жасалған. Сонымен қатар, осы мақалада Қазақстан Республикасының «Салық және бюджетке төленетін басқа да міндетті төлемдер туралы» Кодекстегі жалпы талап қоюдың мерзімінің өзгеруіне байланысты салық салу саласында әкімшілік жауапкершіліктің тартудың ескіру мерзімінің өтуін өзгерту ұсынылады (белгілі бір салық төлеушілерді қоспағанда), бұл да салықтық тексерулердің өзгертуіне ықпал етті.

Негізгі сөздер: салық, әкімшілік жауапкершілік, тартудың ескіру мерзімінің өтуі, талап қоюдың ескіру мерзімі, құқық бұзушылық, салық салу саласындағы әкімшілік құқық бұзушылық, салық салу саласындағы әкімшілік жауапкершілік, салық төлеуші, салық салу.

A. K. Kussainova,

doctoral student,

Master of Law, Junior Adviser of Justice

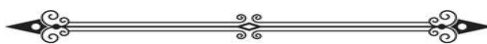
(Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, the city of Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, e-mail: aygul.kus@bk.ru)

Limitation periods for bringing to administrative liability in the field of taxation

Annotation. This article is devoted to the legal norms that establish the statute of limitations for bringing to administrative liability in the field of taxation. The expiration of terms of the limitation period for bringing to administrative liability responsibility is a circumstance that excludes the proceedings in the case of an administrative offense. The article presents a comparative analysis of the norms that establish the statute of terms of limitations for bringing to liability in the field of taxation, contained in the Code on Administrative Infractions and the Penal Code.

In this article, it is proposed to change the statute of limitations for bringing to administrative liability in the field of taxation due to the change in the general statute of limitations period shall in the Code «On taxes and other obligatory payments to the budget» (Tax Code) (with the exception of certain taxpayers), these changes also affected in the timing of tax audits.

Keywords: tax, administrative liability, limitation period for bringing, periods of limitation of actions, offense, administrative offense in the field of tax assessment, administrative liability in the field of tax assessment, taxpayer, taxation.

УДК 343.7

Манджиева Г. Р.,
научный сотрудник НИИ,
старший лейтенант полиции
(*Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,*
Республика Казахстан, e-mail: amyliee@mail.ru)

**Уголовно-правовой анализ мошенничества
в сфере информационных технологий в законодательстве стран дальнего зарубежья**

Аннотация. В работе проводится уголовно-правовой анализ норм о мошенничестве в сфере информационных технологий в законодательстве стран дальнего зарубежья. Рассмотрены нормы уголовного законодательства Великобритании, Латвии, Нидерландов, США, ФРГ, Эстонии в части регламентации ответственности за мошеннические действия в информационной сфере. По результатам проведенного анализа сделаны соответствующие выводы, выявлены определенные закономерности и тенденции развития уголовного законодательства в странах дальнего зарубежья. В качестве основного вывода автор выделяет наличие специальных норм о мошенничестве в сфере информационных технологий в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран. В статье обосновывается позиция казахстанского законодателя в части закрепления в качестве квалифицирующего признака «использование информационной системы» в ст. 190 «Мошенничество» УК РК.

Ключевые слова: информационные технологии, компьютерное мошенничество, мошенничество в сфере информационных технологий, информационных технологий, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, средство доступа, компьютер, компьютерная информация, высокие технологии, незаконный доступ, уголовно-правовое противодействие.

Сегодня информационные технологии распространены во всех областях человеческой деятельности. Совершенствование и развитие IT-технологий, расширение сферы их применения, доступность и широкая распространенность среди населения привели к появлению и неуклонному росту в последние годы преступлений, наносящих материальный ущерб гражданам, обществу и государству [1]. Наиболее распространенным видом преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, в том числе сети Интернет, является мошенничество. Согласно данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в 2020 году количество зарегистрированных случаев мошенничества в сети «Интернет» в Казахстане в сравнении с 2019 годом увеличилось почти на 50 % и составило 14 175 [2].

На совещании с Генеральной прокуратурой 15 февраля 2021 года Президент Республики Казахстан К. К. Токаев обозначил в качестве одной из приоритетных задач в вопросах противодействия мошенничеству с использованием информационной системы необходимость эффективного взаимодействия органов внутренних дел с органами прокуратуры, Агентством по финансовому мониторингу, а также с другими государственными органами. Эффективное взаимодействие должно быть выражено в совместной профилактике, предупреждении, раскрытии и расследовании мошенничества, совершенного с использованием информационной системы [3].

В Республике Казахстан ответственность за совершение мошенничества в информационной системе предусмотрена в п. 4 ч. 2 ст. 190 Уголовного кодекса Республики Казахстан: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием пользователя информационной си-

стемы, наказывается штрафом в размере до четырех тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок, с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового» [4].

Согласно нормативному постановлению Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 года «О судебной практике по делам о мошенничестве» мошенничеством, совершенным путем обмана или злоупотребления доверием пользователя информационной системы, следует признавать действия виновного, направленные на завладение имуществом или правом на имущество пользователя информационной системы, совершенные посредством информационных технологий (компьютера, компьютерных программ, интернета, сотового телефона и т. п.) путем размещения в информационной системе заведомо недостоверных сведений или программ, с целью реализации его преступного умысла на обман пользователя посредством Qiwi-кошелька, интернет-банкинга и т. д.

В случаях, когда мошеннические действия сопряжены с неправомерным доступом в информационную систему или сеть телекоммуникаций, если в результате неправомерного доступа к компьютерной информации произошло уничтожение и модификация, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, содеянное подлежит квалификации по совокупности уголовных правонарушений по ст. 190 «Мошенничество» и ст. 205 «Неправомерный доступ к информации, в информационную систему или сеть телекоммуникаций» или ст. 190 «Мошенничество» и ст. 206 «Неправомерное уничтожение или модификация информации» УК РК [5]. Тем самым, казахстанский законодатель применил комбинированный подход, основанный на квалификации действий лиц по совокупности преступлений — общеуголовного мошенничества и правонарушений в сфере информатизации и связи.

Мошенничество в информационной сфере носит глобальный характер. С данным противоправным деянием сталкиваются правоохранительные органы всех стран мира. В связи с этим в зарубежных государствах сформировались собственные представления о противодействии мошенничеству с использованием информационных технологий. На наш взгляд, необходимо проанализировать зарубежный опыт правовой регламентации данного противоправного деяния в целях выявления положительных моментов в зарубежном законодательстве и возможности их использования в Республике Казахстан.

Как и в Республике Казахстан, основной мерой противодействия мошенничеству в информационной сфере в большинстве стран является правовое регулирование, в которое входит совершенствование уголовного, административного и информационного законодательства, криминализация новых видов мошенничества, ужесточение ответственности за существующие противоправные деяния. Анализ зарубежного законодательства свидетельствует о том, что ответственность за мошенничество, совершаемое с использованием высоких технологий, предусмотрена уголовным законодательством многих иностранных государств.

Так, Уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки содержит значительный материал для анализа уголовной ответственности за мошенничество в информационной системе. Следует отметить, что основой для развития законодательства об ответственности за совершение компьютерных преступлений на уровне отдельных штатов явился Закон США «О компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях с их использованием» 1986 г. Положения данного документа были включены в главу 47 раздела 18 «Мошенничество и ложные заявления» Кодекса Соединенных Штатов Америки.

Статьи 1028–1030 Кодекса предусматривают ответственность за широкий спектр противоправных деяний. В частности, за «мошенничество и сопряженную деятельность с использованием документов, удостоверяющих личность, функций аутентификации и информации» (ст. 1028), «мошенничество и сопряженную деятельность с использованием средств доступа»

(ст. 1029), «мошенничество и связанные с ним действия в отношении компьютеров» (ст. 1030).

Согласно ст. 1028 Кодекса, уголовной ответственности подлежит лицо, которое умышленно передает, владеет или использует без законных полномочий документ, удостоверяющий личность, или фальшивый документ, удостоверяющий личность, средство идентификации другого лица с намерением совершить преступление или в связи с любой незаконной деятельностью, которая представляет собой нарушение федерального закона или является преступлением в соответствии с любым применимым законодательством штата или местным законодательством. Данное противоправное деяние наказывается штрафом или лишением свободы на срок не более 5 лет.

Под средством идентификации и средством аутентификации понимается «любое имя или номер, которые можно использовать по отдельности или в сочетании с какой-либо другой информацией, чтобы определить конкретное лицо». К нему относятся: имя, номер социального страхования, дата рождения, лицензия или идентификационный номер водителя, регистрационный номер иностранца, государственные номера паспорта, идентификационный номер налогоплательщика; уникальные биометрические данные (отпечатки пальцев, голосовая печать, изображение сетчатки или радужной оболочки глаза или другое уникальное физическое представление); уникальный электронный идентификационный номер; телекоммуникационная идентифицирующая информация или устройство доступа.

В статье 1029 Кодекса США предусматривается уголовная ответственность лица, которое сознательно и с намерением обмана производит, использует или торгует одним или несколькими поддельными средствами доступа; без разрешения участника системы кредитных карт или его агента, сознательно и с намерением обмана принимает меры для того, чтобы другое лицо представило ему для оплаты 1 или несколько доказательств или записей транзакций, совершенных устройством доступа. Санкция статьи предусматривает наказание в виде штрафа и (или) лишения свободы сроком не более 10 лет, с конфискацией личного имущества, использованного или предназначенного для совершения преступления.

Под средствами доступа понимаются: платежные карты, пластины, коды, номера счетов, которые могут быть использованы по отдельности, либо совместно с другими средствами доступа для получения денег, товаров, услуг либо любых других ценностей, либо могут быть использованы для имитации перевода средств.

Согласно ст. 1030 Кодекса США мошенничество с использованием компьютера определяется как доступ к компьютерной информации, осуществляемый с мошенническими намерениями, или использование компьютера с целью получения чего бы то ни было ценного посредством мошенничества. Данное противоправное деяние наказывается штрафом или лишением свободы на срок не более 5 лет [6].

Таким образом, конструкция юридических норм американского законодательства позволяет привлекать к ответственности за мошеннические действия в сфере права собственности с использованием новых, еще не получивших широкого распространения информационно-телекоммуникационных технологий. Кроме того, большое значение имеет использование обобщенного понятийного аппарата, что значительно расширяет сферу действия данной нормы и позволяет квалифицировать по указанной статье новые формы преступных действий, делая ее тем самым универсальной.

В Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия компьютерное мошенничество выделено в отдельный вид мошенничества. Данный состав преступления содержится в разделе 22 «Мошенничество и преступное злоупотребление доверием». Согласно ст. 263а (Computerbetrug — Компьютерное мошенничество) Уголовного кодекса Германии, привлечение к уголовной ответственности подлежит лицо, которое, действуя с намерением получить

для себя или третьего лица имущественную выгоду, причиняет вред имуществу другого лица, воздействуя на результат обработки данных путем неправильного создания программ, использования неправильных или неполных данных, путем неправомерного использования компьютеров. Данное противоправное деяние наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или штрафом. В части 2 ст. 263а предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет или штрафа за приготовительные действия к совершению компьютерного мошенничества [7].

Латвийский уголовный закон предусматривает ответственность за «мошенничество в автоматизированной системе обработки данных» в ст. 177.1, расположенной в главе XVIII «Преступные деяния в отношении собственности». Так, в соответствии с ч. 1 ст. 177.1 Закона лицо привлекается к уголовной ответственности за совершение умышленного посягательства на собственность или на имущественные права, либо обязательства путем введения ложных данных в автоматизированную систему обработки данных. Данное противоправное деяние наказывается лишением свободы на срок до 3 лет. В части 2 ст. 177.1 Закона в качестве квалифицирующего признака выделено совершение компьютерного мошенничества группой лиц по предварительному сговору. Санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. Ответственность за совершение мошенничества в автоматизированной системе обработки данных в составе организованной группы или в крупном размере предусмотрена ч. 3 ст. 177.1 Закона. Данное противоправное деяние наказывается лишением свободы на срок от 2 до 10 лет [8].

В Уголовном кодексе Эстонии ст. 268 «Компьютерное мошенничество» расположена в главе 14 «Преступления в сфере компьютерной информации и обработки данных». Она регламентирует ответственность за получение чужого имущества, имущественной либо иной выгоды путем ввода компьютерных программ или информации, их модификации, уничтожения, блокирования либо иного вида вмешательства в процесс обработки информации, влияющего на результат обработки информации и обуславливающего причинение прямого имущественного или иного вреда собственности другого лица. За указанное преступление предусмотрено наказание в виде штрафа или ареста, или лишения свободы на срок от одного года до шести лет [9].

В Великобритании преступления в отношении собственности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, регулируются общими нормами, обеспечивающими информационную безопасность. Основание уголовной ответственности за компьютерное мошенничество определяет Закон «О мошенничестве» (Fraud act) 2006 г., согласно которому лицо, совершая обманные действия, в том числе с использованием средств связи (информационных технологий), в целях незаконного обогащения и причинения ущерба третьим лицам, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до 5 лет [10].

Специальная норма о мошенничестве в сфере компьютерной информации также отсутствует в Уголовном кодексе Нидерландов. Использование компьютеров, телекоммуникационных устройств через телекоммуникационную инфраструктуру Интернет при совершении мошенничества закреплено в качестве квалифицирующего признака общей нормы о мошенничестве. Ответственность за «виртуальное мошенничество» предусмотрена в п. а ч. 3 ст. 138 ab «Мошенничество», согласно которому «неправомерное проникновение в компьютер, совершенное через телекоммуникационную инфраструктуру Интернет или телекоммуникационное устройство, используемое для обслуживания населения, с целью получения для себя незаконных доходов, наказывается лишением свободы на срок до четырех лет или штрафом» [11].

Проведенный анализ норм уголовного законодательства зарубежных стран, регулирующих ответственность за мошенничество в информационной сфере, позволяет сделать следующие выводы:

1) уголовно-правовое противодействие мошенничеству в информационной сфере реализуется путем:

- регламентации специальной нормы о мошенничестве с использованием данных и информации (США, Латвия);
- законодательного определения специальной нормы о компьютерном мошенничестве (Германия, Эстония);
- применения общих норм об общеуголовном мошенничестве (Великобритания);
- закрепления использования информационных технологий в качестве квалифицирующих признаков общей нормы о мошенничестве (Нидерланды);

2) различия усматриваются и в объекте правонарушения, на что указывает расположение данных норм в главах (разделах) уголовных законодательств, регламентирующих ответственность за мошеннические действия в сфере информационных технологий. Так, в некоторых зарубежных странах мошенничество в информационной сфере рассматривается как преступление против собственности (США, Германия, Латвия, Великобритания, Нидерланды), в других — как преступление, которое посягает на установленный порядок использования информационных данных, телекоммуникационного и информационного оборудования и систем (Эстония);

3) в уголовном законодательстве зарубежных стран предусмотрены следующие квалифицирующие признаки мошенничества в информационной сфере:

- групповой характер его совершения (в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы);
- размер похищенного имущества;
- использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;
- сопряженность хищения с изменением, уничтожением или блокированием компьютерной информации;

4) преобладающими видами наказания за мошенничество в информационной сфере выступают штраф и лишение свободы. Кроме того, в США обязательным видом наказания является конфискация имущества, с помощью которого было совершено преступление. Сроки наказания в виде лишения свободы в зависимости от отсутствия или наличия квалифицирующих признаков варьируются от 2 до 10 лет.

Таким образом, в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран, в отличие от отечественного законодательства содержатся специальные нормы о мошенничестве в сфере информационных технологий. На наш взгляд, данный подход имеет ряд негативных последствий. Среди них, например, проблемы конкуренции уголовно-правовых норм, предусматривающих различные виды мошенничества, отграничения мошенничества от смежных составов преступлений, квалификации мошенничества по совокупности с другими преступлениями, определения содержания новых терминов, раскрывающих признаки специальных видов мошенничества, проблемы дифференциации уголовного наказания за различные виды мошенничества и т. д.

Представляется, что криминализация общественно опасного деяния в самостоятельной статье необходима лишь в случае, если деяние уникально и не является разновидностью другого преступления. На наш взгляд, при появлении нового способа совершения преступления необходимо решить вопрос, влияет ли он на общественную опасность деяния, и только в случае положительного ответа следует выделить его как квалифицирующий признак.

Таким образом, на основании вышеизложенного полагаем, что позиция казахстанского законодателя в части закрепления в ст. 190 «Мошенничество» УК РК в качестве квалифицирующего признака «использование информационной системы» является более обоснованной.

Список использованной литературы:

1. Шутова А. А. Сравнительно-правовой анализ норм, предусматривающих ответственность за информационные преступления, по законодательству Республики Казахстан и России // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. — 2018. — № 2.
2. Статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat>
3. Выступление Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева на совещании с Генеральной прокуратурой Республики Казахстан // Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.nur.kz/politics/power/1899058-mozno-bylo-by-uberec-mnozestvo-lyudei-tokaev-dal-poruceniya-po-borbe-s-finansovymi-piramidami>
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года с изменениями и дополнениями по состоянию на 30 декабря 2020 г. // Электронный ресурс [режим доступа]: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252
5. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве» // Электронный ресурс [режим доступа]: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P170000006S>
6. Кодекс Соединенных Штатов Америки // Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>
7. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия от 13 ноября 1998 г. // Электронный ресурс [режим доступа]: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran>
8. Уголовный закон Латвии от 7 июня 1998 г. // Электронный ресурс [режим доступа]: <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/ugolovnij-zakon-latvii.pdf>
9. Уголовный кодекс Эстонской Республики от 1 сентября 2002 г. // Электронный ресурс [режим доступа]: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/>
10. Закон Великобритании «О мошенничестве» от 08 ноября 2006 г. // Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents>
11. Уголовный кодекс Нидерландов от 1 октября 2012 г. // Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.legislationline.org/download/id/6415/file/Netherlands>

Манджиева Г. Р.,

*Ғылыми-зерттеу институтының ғылыми қызметкері,
полиция аға лейтенанты*

(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: amyliee@mail.ru)

Шетел мемлекеттерінің заң шығарудағы

ақпараттық технологиялар саласындағы алаяқтықтың қылмыстық-құқықтық талдауы

Аннотация. Мақалада алыс шет елдердің заңнамаларында ақпараттық технологиялар саласындағы алаяқтық туралы нормаларға қылмыстық-құқықтық талдау жүргізіледі. Америка Құрама Штаттарының, Германия Федеративтік Республикасының, Латвия Республикасының, Эстония Республикасының, Ұлыбритания Біріккен Корольдігінің, Нидерландының ақпараттық саладағы алаяқтық іс-әрекеттер үшін жауапкершілікті регламенттеу бөлігіндегі қылмыстық заңнамасының нормалары қаралды. Жүргізілген талдау нәтижелері бойынша тиісті қорытындылар жасалды, алыс шет елдердегі қылмыстық заңнаманың белгілі бір заңдылықтары мен даму үрдістері анықталды. Негізгі тұжырым ретінде автор көптеген шет елдердің қылмыстық заңнамасында ақпараттық технологиялар саласындағы алаяқтық туралы арнайы нормалардың болуын анықтайды. Мақалада қазақстандық заң шығарушының «ақпараттық жүйені пайдалану» біліктілік белгісі ретінде бекіту бөлігіндегі ұстанымы негізделген.

Негізгі сөздер: ақпараттық технологиялар, компьютерлік алаяқтық, Ақпараттық технологиялар, Ақпараттық технологиялар саласындағы алаяқтық, ақпараттық-телекоммуникациялық желілер, Интернет, қолжетімділік құралы, компьютер, компьютерлік ақпарат, жоғары технологиялар, заңсыз қолжетімділік, қылмыстық-құқықтық қарсы іс-қимыл.

G. R. Manjiyeva,
*researcher at the Research Institute,
Senior Police Lieutenant
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: amyilee@mail.ru)*

Criminal legal analysis of fraud in the field of information technologies in the legislation of far abroad countries

Annotation. This article provides a criminal legal analysis of the rules on fraud in the field of information technology in the legislation of foreign countries. The article considers the norms of the criminal legislation of the United States of America, the Federal Republic of Germany, the Republic of Latvia, the Republic of Estonia, the United Kingdom of Great Britain, the Netherlands in terms of the regulation of liability for fraudulent actions in the information sphere. Based on the results of the analysis, the corresponding conclusions were drawn, certain patterns and trends in the development of criminal legislation in the countries of the far abroad were revealed. As the main conclusion, the author highlights the existence of special rules on fraud in the field of information technology in the criminal legislation of most foreign countries. The article substantiates the position of the Kazakhstani legislator in terms of securing the «use of the information system» as a qualifying feature in Art. 190 «Fraud» of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: information technology, computer fraud, fraud in the field of information technology, information technology, information and telecommunication networks, Internet, means of access, computer, computer information, high technologies, illegal access, criminal law opposition.

УДК 343.412

Маткенов М. Т.,
*магистрант факультета послевузовского образования,
подполковник полиции
(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,
Республика Казахстан, e-mail: bmw.mado@mail.ru)*

Распространенность применения информационно-коммуникативных технологий в сфере торговли людьми (анализ по Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану)

Аннотация. Торговля людьми представляет собой запрещенную уголовным законом деятельность, которая посягает на одну из главных ценностей общества — личную свободу граждан. Это преступление международного характера и может затрагивать интересы сразу нескольких государств. Наибольшее количество жертв составляют женщины и дети, так как являются «легкой добычей» для лиц, осуществляющих рассматриваемую преступную деятельность. Эта деятельность имеет латентный характер, что ставит под сомнение существующую статистику, но размеры доходов, получаемых от торговли женщинами и несовершеннолетними, позволяют сделать вывод о том, что это крупный и прибыльный бизнес. По оценкам ООН, торговля людьми имеет оборот около 9 млрд долл. в год, некоторые источники со ссылкой на Интерпол указывают цифру в 19 млрд долларов.

Ключевые слова: торговля людьми, эксплуатация, вербовка, перевозка, транспортировка, Интернет-сайты, транзит, жертвы торговли людьми.

Торговля людьми как один из видов преступной деятельности является серьезным нарушением прав человека, поэтому представляет угрозу безопасности национальным интересам не только Республики Казахстан, но и другим государствам во всем мире. В этой связи мировое сообщество, понимая необходимость согласованного, последовательного и скоординированного подхода к указанной проблеме, разрабатывает и осуществляет целый ряд мер, направленных на борьбу с торговлей людьми.

Ежегодно сотни тысяч мужчин, женщин и детей становятся жертвами торговли людьми в собственных странах и за рубежом. Жертвы торговли людьми подвергаются различным видам эксплуатации, включая принудительный труд, сексуальную эксплуатацию, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние и извлечение органов.

Факторы, способствующие торговле людьми, разнообразны и часто отличаются в зависимости от страны. Однако существуют и универсальные, среди которых бедность, экономическое и социальное неравенство, коррупция, политическая нестабильность, несоблюдение прав человека, желание потенциальных жертв мигрировать в поисках работы в силу отсутствия таких возможностей в стране проживания. Важно отметить, что значительным фактором, способствующим процветанию торговли людьми, является наличие спроса на дешевую рабочую силу и платные сексуальные услуги.

Можно отметить, что современное общество за относительно недолгий период времени пережило информационную революцию, и общественные отношения все чаще трансформируются в «цифровой формат». Виртуальная среда стала новым способом реализации человеческого потенциала и увеличила возможность получения интересующей информации. Однако вместе с многообразием современных средств коммуникации и способов получения информации, интенсивно развивающаяся сфера сетевого обмена информацией в глобальной компьютерной сети Интернет, к сожалению, имеет и негативную сторону. Общедоступность информации, размещаемой в сети Интернет и публикуемой на его ресурсах, которые зарегистрированы в качестве электронных средств массовой информации, расширило возможности криминализации информационного обмена в сети Интернет, что послужило причиной постановки вопроса о необходимости противодействия торговле людьми в новых условиях.

На данном этапе развития информационных отношений глобальная компьютерная сеть Интернет позволяет не только получить доступ к интересующим ресурсам, но и значительно облегчает задачу трафикеров. Так, преступники посредством использования различных тематических сайтов или социальных сетей теперь могут не выезжать за пределы принимаемой страны, а осуществлять преступную деятельность по месту своего нахождения, что позволяет им оставаться неуязвимыми и вызывает трудности в обнаружении и раскрытии такого рода преступлений. Стоит отметить, что с помощью использования Интернет-ресурсов может осуществляться только вербовка лиц с целью их последующей эксплуатации. И чаще всего Интернет способствует вербовке потенциальных жертв для трудовой и сексуальной эксплуатации. Такая вербовка выражается в создании тематических Интернет-сайтов. Девушек вербуют для «сексуального рабства» предложениями о трудоустройстве в качестве официанток, гувернанток, моделей или «хостес». Некоторые сайты напрямую предлагают сферу интимных услуг. Соглашаясь на такие предложения добровольно, девушки не осознают всю опасность своего поступка. Также вербовка может осуществляться через существующие сайты, оказывающие услуги в сфере знакомств, так называемые «брачные агентства», которые действуют без лицензии и преследуют совершенно иные цели. Для мужчин распространенными предложениями в Сети является трудоустройство в сфере строительства, сельского хозяйства и в сфере обслуживания. Однако по приезде в страну пребывания у таких «работников» отнимают документы, удостоверяющие личность, и средства связи, что лишает их возможности уведомить правоохранительные органы о своем положении [1].

Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан обладают развитой сетью телекоммуникационных услуг. Согласно данным Internet World Stats (Мировая статистика интернета) по состоянию на 31 декабря 2017 года интернет-пользователями в азиатском регионе являлись 48,7 % населения. При этом в Казахстане уровень проникновения интернета составил 76,4 %, в Кыргызстане — 40,7 %, в Таджикистане — 33,1 %. Значительная доля населения стран пользуется смартфонами с мобильным интернетом, социальными сетями и мессенджерами [2].

Как отмечается в ежегодном отчете Офиса по мониторингу и борьбе с торговлей людьми Государственного департамента США, во всех трех странах зафиксированы случаи торговли людьми с целью трудовой, сексуальной, а также других видов эксплуатации. Казахстан в большинстве случаев является страной назначения для жертв торговли людьми (далее — ЖТЛ), в меньшей степени — страной происхождения и транзита ЖТЛ [2]. Кыргызстан — страна как назначения, так и транзита, но в основном — страна происхождения для ЖТЛ. Таджикистан чаще всего выступает в качестве страны происхождения и гораздо реже — страны транзита и назначения.

Согласно последнему отчету *Trafficking in Persons-2018* («Торговля людьми», отчет за 2018 г.) Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан относятся к странам второго уровня. Ранжирование стран осуществляется в зависимости от усилий, предпринимаемых правительствами для борьбы с торговлей людьми, и достижения им соответствия минимальным стандартам *Trafficking Victims Protection Act* (TVPA, Акта по защите ЖТЛ). Все три страны ратифицировали основные международные документы, посвященные развитию работы по борьбе с торговлей людьми: Конвенцию ООН против транснациональной преступности, Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху.

Существует ограниченное количество обоснованных данных о масштабах использования онлайн-сервисов и ИКТ в рекрутинге и торговле людьми. Достоянием общественности в основном становятся случаи, о которых узнали журналисты. При этом достоверно известно, что преступники, осуществляющие транспортировку (контрабанду мигрантов) и прочие фасилитационные услуги для неурегулированной миграции, зачастую связаны со сферой торговли людьми напрямую. Так, по данным Европола, около 20 % идентифицированных преступников были связаны с торговлей людьми, а доля эксплуатации среди неурегулированных мигрантов в связи с выплатой долгов достигла 5 % от транзакций с организаторами [3].

Интерпол также подтверждает, что попытки неурегулированного въезда в страну назначения миграции делают мигрантов уязвимыми к эксплуатации. Для рынка услуг по контрабанде мигрантов существует значительное число доказательств использования онлайн-сервисов. Также есть свидетельства того, что подобные преступные группы открыто рекламируют себя в социальных сетях [4].

Определение торговли людьми дано в статье 3 (а) Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Протокол о торговле людьми), дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Это понятие означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов [5].

Преступление, связанное с торговлей людьми, состоит из трех элементов: а) деяние (вербовка, перевозка, передача, укрытие или прием людей); (б) средство, с помощью которого совершается данный акт (угроза или применение силы или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимого положения, или предоставление или получение платежей или выгод для того, чтобы добиться согласия лица, имеющего контроль над другим лицом); (в) цель — эксплуатация, независимо от типа [5].

Анализ развития информационно-коммуникативных технологий в странах Центральной Азии показал следующее. Все страны исследования с начала 2000-х гг. пережили стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий. По данным Internet World Stats, лидирующую позицию занимает Республика Казахстан, уровень проникновения интернета в республике — один из самых высоких. Государственная политика в сфере ИКТ и интернета благоприятствует дальнейшему развитию отрасли. Республика Казахстан уже сейчас является лидирующей в СНГ страной по развитию ИКТ. Общее количество абонентов беспроводных сетей 3G и 4G — более 14 млн человек. По данным Комитета статистики, доля пользователей интернета всех возрастов в 2016 году превысила 73 %. Наиболее популярные социальные сети в Казахстане — ВКонтакте, «Одноклассники» и Инстаграм. Используются мессенджеры WhatsApp, Telegram и др. В структуре пользователей мобильного интернета преобладает молодежь и люди среднего возраста. Среди пользователей социальных сетей Казахстана незначительно преобладают женщины [6].

Кыргызская Республика, занимая средние позиции как относительно стран исследования, так и государств СНГ, продолжает развивать сеть 4G, трансграничные связи, рынок мобильных операторов. Так, в 2018 г. «Узтелеком» и «Кыргызстан ISP Elkat» создали трансграничную связь между Узбекистаном и Кыргызстаном, объединив свои сети. Мобильный телефон — основной инструмент, с помощью которого население получает доступ к интернету. В городах 83 % опрошенных назвали его инструментом получения доступа к интернету, а в сельской местности этот показатель вообще составляет 94 %. Самым популярным мессенджером в стране является WhatsApp, значительно реже используются мессенджер Telegram и мобильный видеочат Duo. Приложение Instagram используется повсеместно. Из социальных сетей жители страны отдают предпочтение «Одноклассникам», Facebook и ВКонтакте. В сельской местности частота пользования интернетом значительно ниже, чем в городах (52 % и 73 % соответственно). В северных регионах доля пользователей интернета выше, чем в южных (64 % и 55 % соответственно). Доли пользователей интернета среди мужчин и женщин примерно одинаковы. По сравнению с молодежью население старшего возраста использует интернет в разы меньше [7].

В Республике Таджикистан, несмотря на запуск услуг 4G/LTE, в целом сектор телекоммуникаций продолжает отставать от стран-соседей, рынок не насыщен. Все операторы мобильной связи и интернет-провайдеры были вынуждены приостановить свои услуги IP-телефонии (VoIP). Помимо этого, в январе 2018 года Служба связи при Правительстве Таджикистана поручила всем провайдерам получать доступ к интернету исключительно у Республиканской сети передачи данных, действующей под торговой маркой Tojnet и принадлежащей государственному оператору телекоммуникаций ОАО «Точиктелеком». В качестве основного аргумента власти называют предотвращение радикализации общества и другие серьезные цели. Согласно информации Службы связи по состоянию на январь 2018 г. в Таджикистане насчитывалось 7,3 млн абонентов мобильной связи и 2,3 млн пользователей мобильного интернета. Наиболее многочисленную группу пользователей мобильной связи и интернет-технологий составляет молодежь. В настоящее время самыми популярными социальными сетями среди интернет-пользователей в Таджикистане являются: Facebook, Одноклассники, Viber, WhatsApp, Imo, Telegram [8].

На основании изложенного задачами для дальнейшего исследования проблем противодействия вербовке людей с использованием Интернета считаем следующие.

1. Оценить вклад и распространенность применения ИКТ в сфере торговли людьми.
2. Охарактеризовать возможных ЖТЛ, рекрутированных посредством ИКТ.
3. Рассмотреть существующее законодательство и меры (действия), направленные на решение проблемы рекрутинга ЖТЛ с использованием онлайн-технологий.

4. Разработать рекомендации по развитию соответствующей политики и содействию научно обоснованной разработке программ по борьбе с рекрутингом ЖТЛ с использованием ИКТ.

5. Выявить технологические инновации, которые могут быть предложены для борьбы с торговлей людьми.

Для решения поставленных задач мы предполагаем использовать:

1) кабинетное исследование, включающее анализ уже существующих документов и исследований по теме проекта;

2) поисковое интернет-исследование — анализ форумов и социальных медиа с использованием инструмента «Яндекс блоги», а также прямых поисковых запросов по ключевым словам и фразам.

Список использованной литературы:

1. Бутраменко В. Д. Торговля людьми и интернет: как это связано? // Молодой ученый. — 2019. — № 31 (269).

2. Kemp S. Digital in 2018: Essential Insights into Internet Social Media Mobile and Ecommerce Use Around the World // We Are Social. — 2018. [Электронный ресурс].

3. Trafficking in persons report/ US Department of State. — 2018. — p. 252. [Электронный ресурс]. URL: www.state.gov/documents/organization/282798.pdf (по состоянию на 01.10.2018 г.)

4. EPMT 1YEAR. 10 September 201, special edition. Europol. [Электронный ресурс]. URL: www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/epmt_1year_especial_edition2016.pdf (по состоянию на 07.04.2018 г.).

5. Бадикова Е.В., Кенбаев Ж.А. Некоторые вопросы противодействия торговли людьми в Казахстане: Учеб. Пос. — Астана, 2017 .

6. Жители каких городов Казахстана больше всего «сидят» в социальных сетях. 21.04.2017 г. TengriNews. [Электронный ресурс]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/jiteli-kakih-gorodov-kazakhstana-vsego-sidyat-sotssetyah-316556/ (по состоянию на 10.10.2018 г.).

7. Медиа-предпочтения населения Кыргызстана (8 волна), М-Вектор, 2017 г. <https://soros.kg/wp-content/uploads/2017/12/Otchet-Mediapredpochteniya-naseleniya-KR-8-volna.pdf>.

8. Tajikistan — Telecoms, Mobile and Broadband — Statistics and Analysis. BuddeComm. [Электронный ресурс]. [www.budde.com.au/ Research/Tajikistan-Telecoms-Mobile-and-Broadband-Statistics-and-Analysis/?r=51](http://www.budde.com.au/Research/Tajikistan-Telecoms-Mobile-and-Broadband-Statistics-and-Analysis/?r=51). (по состоянию на 10.10.2018 г.).

Мәткенов М. Т.,

*Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру факультетінің магистранты,
полиция подполковнигі*

*(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: bmw.mado@mail.ru)*

Адам саудасы саласында ақпараттық-коммуникациялық технологияларды қолданудың таралуы (Қазақстан, Қырғызстан және Тәжікстан бойынша талдау)

Аннотация. Адам саудасы — бұл қылмыстық заңмен тыйым салынған, қоғамның басты құндылықтарының бірі-азаматтардың жеке басының бостандығына қол сұғатын қызмет. Бұл әрекет халықаралық қылмыс болып табылады және бірден бірнеше мемлекеттің мүдделеріне әсер етуі мүмкін. Зардап шеккендердің ең көп саны-әйелдер мен балалар, өйткені олар қылмыстық әрекеттерді жасағандар үшін «оңай олжа» болып табылады. Адам саудасымен байланысты іс-шаралар жасырын болып табылады, бұл қолданыстағы статистикаға күмән келтіреді, бірақ әйелдер мен кәмелетке толмағандардың саудасынан түсетін табыс мөлшері оның үлкен және пайдалы бизнес екенін көрсетеді. Сонымен, БҰҰ-ның бағалауы бойынша адам саудасының айналымы жылына шамамен 9 миллиард долларды құрайды, кейбір дереккөздер Интерполға сілтеме жасай отырып, 19 миллиард доллар санын көрсетеді.

Негізгі сөздер: адам саудасы, пайдалану, тарту, Тасымалдау, тасымалдау, Интернет, сайттар, транзит, адам саудасының құрбандары.

Matkenov M. T.,

*Master's student of the Faculty of Postgraduate Education,
Police Lieutenant Colonel*

*(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: bmw.mado@mail.ru)*

The prevalence of the use of information and communication technologies in the field of human trafficking (analysis for Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan)

Annotation. Human trafficking is an activity prohibited by criminal law that infringes on one of the main values of society — the personal freedom of citizens. The act in question is an international crime and may affect the interests of several States at once. The largest number of victims are women and children, as they are "easy prey" for those who carry out the criminal activity in question. The activities related to human trafficking are latent, which calls into question the existing statistics, but the size of the income generated from trafficking in women and minors suggests that this is a large and profitable business. Thus, according to UN estimates, human trafficking has a turnover of about \$ 9 billion a year, some sources with reference to Interpol indicate a figure of \$ 19 billion.

Keywords: Human trafficking, exploitation, recruitment, transportation, transportation, Internet, sites, transit, victims of human trafficking.

УДК 343.98.06

Нуркеева Д. Р.,

докторант,

магистр юридических наук

*(Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: din_uriste@mail.ru)*

Принцип законности как один из важнейших ориентиров уголовно-процессуальной деятельности адвоката в уголовном процессе

Аннотация. В статье рассматривается роль и назначение адвоката в уголовном судопроизводстве. Внимание уделяется деятельности адвокатов в контексте требований к ней, указанных в Послании Президента народу Казахстана от 1 сентября 2020 года. Внедрение трехзвенной модели уголовного процесса объективно потребует пересмотра компетенции и полномочий адвокатов, вплоть до разработки ими акта защиты. По мнению автора, усиление роли адвокатов в уголовном процессе как защитников и представителей тех или иных его участников, требует дополнительного изучения места адвокатуры в уголовно-процессуальной деятельности. Затронутые в статье вопросы целесообразно рассмотреть законодателям и правоприменителям всех уровней в теории и практике в качестве важнейшего узлового подхода к изучению и решению проблемы трехуровневой модели уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: принцип, принципы уголовного процесса, законность, уголовный процесс, адвокатура, адвокат, представитель, юридическая помощь, следственные действия, адвокатская деятельность, акт защиты, правосубъектность.

Принцип законности — стартовые начала, непререкаемые основополагающие требования, лежащие в основе формирования норм права и предъявляемые к поведению участников правовых отношений. Принципы законности раскрывают ее сущность как режима общественно-политической жизни в демократическом правовом государстве [1, с. 102]. Законность — фундаментальная категория всей юридической науки и практики, а ее уровень и состояние служат главными критериями оценки правовой жизни общества, его граждан. Законность — комплексная категория, охватывающая все стороны жизни права, его действительность,

урегулированность общественной жизни в целом. Законность есть комплексное политико-правовое явление, отражающее правовой характер организации общественно-политической жизни, органическую связь права и власти, права и государства. Режим законности — такая морально-политическая атмосфера, при которой в общественной жизни господствуют идеи права, гуманизма, справедливости, когда точное и неуклонное соблюдение законов, реальность и незыблемость прав граждан являются основой жизни общества, его граждан [2, с. 439].

В большинстве учебников по уголовному процессу, изданных в последние годы, а также в других публикациях принцип законности трактуется как требование соблюдения, исполнения законов всеми субъектами уголовного процесса [3, с. 88–126]; [4, с. 1–82]. В таком понимании он, как справедливо отмечают В. Т. Томин и Р. Х. Якупов, поглощает, по сути, все другие принципы [5, с. 24]; [6, с. 62]. Подобная внешняя «агрессивность» принципа законности позволила М. С. Строговичу вообще исключить его из круга принципов уголовного судопроизводства [7, с. 124–125].

Однако исключение принципа законности из перечня принципов уголовного процесса является сегодня недостаточно убедительным. В силу того, что принцип законности в уголовном процессе имеет двойственное содержание или бинарное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность, он не вторгается в сферу действия других принципов уголовного процесса. С одной стороны, принцип законности являет собой в статике требование о неукоснительном соблюдении и исполнении всеми субъектами уголовного процесса требований уголовно-процессуального закона. Так, принцип законности обязывает суд, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание, неукоснительно следовать установленному законом порядку производства дел на всех стадиях процесса, совершать процессуальные действия на законных основаниях и в предусмотренных законом процессуальных формах, основывать свои решения на соответствующих нормах материального и процессуального права, не отступать ни на йоту от закона при применении к лицам мер процессуального принуждения, строго соблюдать правила собирания и закрепления доказательств [3, с. 91].

От общеправового принципа законности следует отличать уголовно-процессуальный принцип законности при производстве по уголовному делу, согласно которому государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, обязаны соблюдать положения УПК, основанного на Конституции.

Принцип законности пронизывает все уголовное судопроизводство. Вполне обоснованно, отмечают Ю. Д. Лившиц и А. В. Кудрявцева, что законность в уголовном судопроизводстве — столь же необходимое требование, как и в других сферах государственной деятельности, регулируемых правом, она является органическим свойством уголовного судопроизводства, без которого немислимо его существование [8, с. 53–56].

Рассмотрим принцип законности в деятельности адвокатов. Исторически, как и в современный период, деятельность адвоката в уголовном процессе вызывала большой интерес законодателя, представителей научных и практических кругов, связанных с юридической деятельностью в обществе и государстве [9, с. 468]. К примеру, деятельность адвоката в уголовном процессе нашла определенное место в Государственной программе правовой реформы от 12 февраля 1994 года [10], последовавших за ней Концепциях правовой политики РК (2002, 2009 годы) [11]; [12]. В настоящее время в Казахстане реализуется второй в истории его суверенитета Закон от 5 июля 2018 г. «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» (первый был принят 5 декабря 1997 года) [13]. Вне всякого сомнения, столь глубокое внимание к вопросу адвокатской деятельности в уголовном процессе, главным образом, основывается на ряде классических положений Конституции РК от 30 августа 1995 г. [14].

Надо признать, что, к сожалению, и до распада СССР, и с обретением Казахстаном суверенитета деятельности адвоката в уголовном процессе в законодательном плане уделялось недостаточное внимание. В этом вопросе больше «шлифуется» деятельность органов уголовного преследования и суда, нежели адвокатов. Безусловно, это несколько заниженный взгляд государства на важность и актуальность постоянного и последовательного совершенствования деятельности адвоката в такой острой сфере его деятельности, как уголовный процесс. К этому общество и государство подталкивают не только международные и национальные правозащитные организации, адвокаты и ученые-правоведы, но и принципиальные требования самой Конституции РК, служащие отправной точкой для совершенствования правосубъектности адвоката, в частности, в уголовном процессе.

Казалось, вполне понятные положения Конституции на деле оказываются труднопреодолимыми в законодательстве и практике его применения, на примере деятельности адвокатуры в уголовном процессе. Пункт 3 ст. 13 Конституции прямо закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Стоит указать, что это право, прежде всего, было реализовано с принятием Закона от 5 декабря 1997 года «Об адвокатской деятельности», в п. 1 ст. 1 которого было указано, что адвокатура в Республике Казахстан призвана содействовать реализации гарантированного государством и закрепленного Конституцией Республики Казахстан права человека на судебную защиту своих прав, свобод и получение квалифицированной юридической помощи, а также содействовать мирному урегулированию спора [14].

Кроме того, к конституционным основам адвокатской деятельности в уголовном процессе следует отнести норму пп. 7 п. 3 ст. 77 Конституции, устанавливающей право допрашиваемого лица на «свидетельский иммунитет». Это право также предполагает обязательное, безусловное участие адвоката при первом допросе лица в том или ином процессуальном качестве по уголовному делу.

В целом, при всей определенности УПК 2014 г., как и УПК 1997 г., касательно регламентации правосубъектности и методов уголовно-процессуальной деятельности адвоката, существующие пробелы в нормах о его деятельности, по нашему мнению, являются следствием того, что адвокат еще не стал неотъемлемой частью системы уголовного правосудия Казахстана. На это обстоятельство постоянно и справедливо обращает внимание профессор М. Ч. Когамов [15]. И, действительно, при внимательном рассмотрении соответствующих норм УПК видно, что правосубъектность адвоката в уголовном процессе недостаточно полно корреспондирует с отдельными его принципами.

Так, УПК закрепляет 21 принцип уголовного процесса. Из них непосредственное отношение к деятельности адвоката имеют принципы, приведенные в ст. ст. 23, 26, 27, 28, 31 УПК. Или принципы, которые органически присутствуют в его процессуальной деятельности. Но это принципы, продиктованные и порожденные велениями жизни, практики, требованиями законодательства, этических основ его деятельности. Они складывались десятилетиями, всегда дублируются в законодательстве об уголовном процессе и, можно сказать, вошли в привычку.

Но при внимательном анализе роли и назначения всех принципов уголовного процесса выясняется, что на адвоката, в буквальном смысле, в частности, не распространяются требования принципа законности именно в уголовном процессе, что недопустимо. И это обстоятельство вполне логично выводит его фигуру не только за пределы действия данного принципа, но и за систему уголовного правосудия в целом.

Стоит напомнить, что согласно ч. 1 ст. 10 УПК «Законность», «суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель при производстве по уголовным делам обязаны точно соблюдать требования Конституции РК, настоящего Кодекса, иных нормативных правовых актов, указанных в ст. 1 настоящего Кодекса». В части 3 этой статьи прямо подчеркивается, что

нарушение закона судом, органами уголовного преследования при производстве по уголовным делам недопустимо и влечет за собой установленную законом ответственность, признание актов недействительными и их отмену [16].

Из изложенного следует, что адвокат не входит в число тех, кто обязан выполнять требования принципа законности в уголовном процессе. И это несмотря на то, что к этому его обязывает ст. 5 Закона «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», которая так и озаглавлена «Верховенство закона», понимаемое так: «юридическая помощь предоставляется на началах равенства всех перед законом, обязанности соблюдать требования Конституции Республики Казахстан, а также настоящего Закона и иных нормативных правовых актов Республики Казахстан».

Однако это не стало веским основанием для указания адвоката среди прочих субъектов права в нормах ст. 10 УПК, на которых распространяется действие принципа законности в уголовном процессе. Дело может быть также и в том, что согласно ч. 1 ст. 1 УПК «положения иных законов, регулирующих порядок уголовного судопроизводства, подлежат включению в настоящий Кодекс» [16]. Этого применительно к включению норм ст. 5 Закона «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» в нормы ст. 10 УПК путем указания также адвоката, к сожалению, не произошло.

Представляется, что адвокат должен быть обязательно включен в нормы ч. 1 ст. 10 УПК, то есть быть полноценным субъектом системы уголовного правосудия, поскольку всегда остается особым участником уголовного процесса, то есть не просто защитником или представителем в уголовном деле. Не случайно ст. 7 УПК связывает с ним такие понятия, как защита, сторона защиты, представители, стороны и т. д. При таком решении вопроса существенно изменится взгляд законодателя на роль и назначение адвоката в уголовном процессе.

По нашему мнению, многие пробелы в его деятельности, в том числе непрофессионализм, пассивное участие в деле, во многом обусловлены именно этим недочетом в процессуальных основах его правосубъектности. Неслучайно поэтому обсуждаемые в настоящее время предложения об акте защиты адвоката в уголовном деле, необходимости совершенствования приемов и способов его процессуальной деятельности, активизации его роли в главном судебном разбирательстве и последующих судебных инстанциях, пока медленно продвигаются в лоно законодательства, определяющего порядок уголовного судопроизводства [15].

Став непосредственно субъектом принципа законности в уголовном процессе, адвокат невольно будет работать над повышением своего профессионального уровня, качеством оказания юридической помощи и соблюдением этических основ в отношениях с защищаемыми и представляемыми им лицами по уголовному делу.

Список использованной литературы:

1. Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебн. — Харьков, 2000. — 704 с.
2. Корельский В. М., Перевалов В. Д. Теория государства и права: Учебн. для юридических вузов и факультетов. — М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. — 570 с.
3. Уголовный процесс: Учебн. / Под общей ред. П. А. Лупинской. — М., 1995. — 544 с.
4. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс: Лекции-очерки / Под ред. В. М. Савицкого. — М., 1997. — 324 с.
5. Томин В. Т. Принципы советского уголовного процесса // Практикум по советскому уголовному процессу. Вып. 1. — Горький: ГВШ МВД СССР, 1988. — 183 с.
6. Якупов Р. Х. Уголовный процесс: Учебн. для вузов / Под ред. к.ю.н. В. Н. Галузо. — М.: Зерцало, 1998. — 448 с.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М.: Наука, 1968. Т. 1. — 468 с.

8. Лившиц Ю. Д., Кудрявцева А. В. Принцип законности в уголовном процессе // Южно-Уральский юридический вестник. — 2001. — № 1. — С. 53–56.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1996. Т. 1. С. 551.
10. Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан: Постановление Президента Республики Казахстан (утратило силу Указом Президента РК от 9 января 2006 года № 1696). http://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001569_#z0
11. Концепция правовой политики Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года Указ Президента Республики Казахстан (утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 17 июня 2011 года) № 102. http://adilet.zan.kz/rus/docs/U020000949_
12. Указ Президента Республики Казахстан. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: утв. 24 августа 2009 года № 858. http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_
13. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 года № 176-VI ЗРК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи». <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000176>
14. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_
15. Материалы международного круглого стола «Актуальные вопросы модернизации правоохранительной и судебной систем в Казахстане»: Алматы, 22.12.2020 года, (организаторы: Казахстанская криминологическая ассоциация, Международный финансовый центр «Астана», Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Институт Сорбонна-Казахстан, Национальное волонтерское движение «Акселератор добра: Ізгілік елшісі», Международный союз юристов).
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>

Нүркеева Д. Р.,
докторант,

заң ғылымдарының магистрі

(Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: din_uriste@mail.ru)

Заңдылық принципі — адвокаттың қылмыстық процестегі қылмыстық-процессуалдық қызметінің маңызды нұсқауларының бірі ретінде

Аннотация. Мақалада адвокаттың қылмыстық процестегі рөлі мен тағайындауы қарастырылады. Президенттің 1 қыркүйектегі 2020 жылғы Қазақстан халқына Жолдауында көрсетілген адвокаттарға қойылатын талаптар тұрғысынан олардың қызметіне назар аударылады. Қылмыстық процестің үш деңгейлі моделін енгізу адвокаттардың құзыреті мен өкілеттігін қайта қарауды объективті түрде талап етеді, олардың қорғау актісін дайындауына дейін. Автордың пікірінше, адвокаттардың қылмыстық сот ісін жүргізуде қорғаушылар мен белгілі бір қатысушылардың өкілдері ретіндегі рөлін күшейту адвокатураның қылмыстық іс жүргізу қызметіндегі орнын қосымша зерттеуді қажет етеді. Мақалада көтерілген мәселелерді заң шығарушы және барлық деңгейдегі құқық қорғау органдарының қызметкерлері теория мен практикада қылмыстық сот төрелігінің үш деңгейлі моделін зерттеу мен шешудің маңызды түйінді тәсілі ретінде қолдануы керек.

Негізгі сөздер: қағидалар, заңдылық, заңдылық қағидасы, қылмыстық процесс, адвокаттық қызмет, адвокат, заң көмегі, тергеу әрекеттері, заңды тұлға.

D. R. Nurkeeva,

doctoral student, Master of Law

(Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, the city of Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, e-mail: din_uriste@mail.ru)

The principle of legality — as one of the most important guidelines for the criminal procedural activity of a lawyer in criminal proceedings

Annotation. The article examines the role and appointment of a lawyer in criminal proceedings. Attention is paid to the activities of lawyers in the context of the requirements for it specified in the President's Address to the people of Kazakhstan dated 01.09.2020. The introduction of a three-tier model of criminal procedure will objectively require a review of the competence and powers of lawyers. Until they develop an act of protection. According to the author, the strengthening of the role of lawyers in criminal proceedings, as defenders and representatives of certain participants, requires additional study of the place of the legal profession in criminal procedural activities. The issues raised in the article should be used by the legislator and law enforcement officials at all levels in theory and practice as the most important nodal approach to the study and solution of the problem of a three-level model of criminal justice.

Keywords: Principles, legality, principle of legality, criminal procedure, legal activity, advocacy, lawyer, legal assistance, investigative actions, legal personality.

УДК 343.1

Тлеубаев К. К.,

докторант факультета послевузовского образования,

магистр юридических наук, подполковник полиции

(Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, г. Караганда,

Республика Казахстан, e-mail: Tleubaev.kanat@mail.ru)

Некоторые особенности использования сил и средств ОВД в борьбе с кражами скота

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены некоторые вопросы применения современных технологий в установлении лиц, совершивших кражу скота. Автором проведён сравнительный анализ уголовных правонарушений данной категории за последние 5 лет, приведены данные правовой статистики. По результатам исследования предложены соответствующие рекомендации, направленные на противодействие рассматриваемому виду преступной деятельности: автор считает, что целесообразно создание отдела по противодействию кражам скота, а также оснащение сотрудников ОВД беспилотными летательными аппаратами «Коптер». Выводы и заключения в работе основаны на анализе материалов правоприменительной практики, юридической литературы и опроса сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: уголовное правонарушение, кража скота, барымта, противодействие, современные технологии, «коптер».

Конституция Республики Казахстан признает и равным образом защищает государственную и частную формы собственности. Субъекты и объекты собственности, объём и пределы осуществления собственниками своих прав, гарантии их защиты определяются законом. Одним из инструментов защиты является уголовная ответственность за противоправные деяния: в главе 6 Уголовного кодекса Республики Казахстан тайное хищение чужого имущества определено как преступление против собственности [1].

Согласно ст. 2 Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», задачами оперативно-розыскной деятельности являются: защита жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов человека и гражданина, собственности от противоправных посягательств [2].

Рассмотрев исторический аспект, мы пришли к выводу, что наиболее распространенным видом преступлений против собственности на территории Казахстана считалось скотокрадство, а основным объектом посягательства являлись лошади. Однако на ранних этапах истории некоторых кочевых народов, в частности, казахского, скотокрадство зачастую путали с легальным отъемом скота (которое применялось в качестве наказания за нанесённую обиду либо компенсации за нанесённый вред), возведенным в ранг традиций — барымтой [3]. В процессе ограничения сферы действия казахского обычного права, неуклонно проводимого царской администрацией, барымта была признана уголовным преступлением и отнесена к подсудности общеимперских судов. Так, в 1865 г. съезд биев и «прочих почетных лиц» Копальского и Алатауского округов постановил: «Угнавший скот барымтою будет судиться как вор» [4, с. 87]. 10 ноября 1921 года Казахский Центральный Исполнительный Комитет издал декрет «О борьбе со скотокрадством», которым скотокрадство признано угрозой народному хозяйству. Этим же декретом ведение уголовных дел по кражам лошадей, верблюдов и крупного рогатого скота было передано от народных судов военным отделениям губернских трибуналов [5].

В настоящее время борьба со скотокрадством на территории Республики Казахстан, несмотря на усилия государственных органов, остается острой проблемой. Состояние работы по противодействию кражам скота вызывает беспокойство у руководства страны и руководства МВД Республики Казахстан. Так, 17 апреля 2019 г. на расширенном заседании коллегии МВД Республики Казахстан Президент страны К.-Ж. Токаев указал на направления, которые требуют усиления работы органов внутренних дел. В их числе: отсутствие эффективного взаимодействия полиции с обществом, недостаточная работа по предотвращению краж скота [6].

Вместе с тем, 27 декабря 2019 г. принят Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности». В Уголовный кодекс внесена новая статья «188-1. Скотокрадство», устанавливающая и усиливающая ответственность за скотокрадство, а также за хищение, сопряженное с проникновением. По скотокрадству квалифицирующее обстоятельство «с незаконным проникновением во двор жилого помещения, предприятия, организации, учреждения, скотного двора, загона или иного хранилища» отнесено к тяжкой категории преступлений, исключающих возможность примирения. Хищение с проникновением предусматривает следующие наказания: кража — от 2 до 7 лет с конфискацией; скотокрадство — от 5 до 10 лет с конфискацией [7]. Принимая во внимание, что скотоводство является доминирующей формой хозяйства казахстанского населения и посягательства на нее вызывают особый общественный резонанс, поправки, связанные с совершенствованием норм, охраняющих право собственности граждан, явились крайне востребованными.

Кража чужого имущества — самое распространенное деяние из всех преступлений, известных Уголовному кодексу и уже в силу одного этого факта представляет повышенную степень общественной опасности для экономических интересов граждан государства [8]. Согласно информационно-справочной статистике за 2015–2020 гг. по Республике зарегистрировано 34 011 краж скота, окончено производством 13 255 дел, прерваны сроки расследования по 21823 делам [9].

Между тем, в 2020 г. произошло заметное снижение, причина которого — изменение в уголовном законодательстве: в 2020 г. штрафная санкция за совершение скотокрадства ужесточена до 7,5 млн тенге. Проведенный анализ свидетельствует о том, что около 50 % преступлений рассматриваемой категории остаются нераскрытыми. Похищают как крупный рогатый скот, лошадей, так и мелкий рогатый скот (овец, коз), причем не только с подворий,

но и с отгонных пастбищ, баз товариществ с ограниченной ответственностью (ТОО), крестьянских хозяйств, частных подсобных помещений, сараев и т. д.

Общественная опасность данного вида преступления выражается прежде всего в огромных материальных потерях. Практически не поддается учету социальный и моральный ущерб, наносимый этими преступлениями, особенно жителям населенных пунктов, а также ТОО и крестьянским хозяйствам, занимающимся животноводством. Существующие методики и рекомендации по расследованию краж, как правило, составлены на материалах исследований, проведенных в городах, и не в полной мере охватывают данный вид уголовного правонарушения. Большинство из них не адаптированы для условий сельской местности и не обеспечивают в должной мере потребностей оперативных и следственных подразделений районных органов внутренних дел соответствующими тактическими разработками. Имущественные уголовные правонарушения, совершаемые в отношении собственности, а именно кражи скота, как правило, носят скрытый характер. Чаще всего скотокрады используют различные ухищрения и уловки, и на современном этапе борьбы с преступностью от органов внутренних дел требуется приложения всех имеющихся сил и средств.

Следует констатировать, что на эффективность противодействия органами внутренних дел кражам скота негативно влияет ряд объективных причин: недостаточная оснащенность технико-криминалистическими средствами, финансовым обеспечением, отсутствие вездеходной техники, предназначенной для передвижения пересеченной местности, недостаточная профессиональная и квалифицированная подготовка кадров, слабое методическое сопровождение их деятельности.

Зачастую данный вид имущественных преступлений сопровождается системной подготовкой к преступному посягательству, конструктивной групповой преступной деятельностью, а в отдельных случаях носит организованный характер. К тому же, они предпринимают активные меры, связанные как с маскировкой своей преступной деятельности, так и оказанием активного противодействия деятельности по раскрытию скотокрадства. Следует отметить, что в большинстве случаев потерпевшие оставляют животных без надлежащего контроля и присмотра на пастбищах, что способствует достаточно легкому совершению преступления.

Несомненно, кражи скота вызывают не только большую общественную опасность, но и представляют сложность в доказывании, поэтому раскрытие и расследование таких преступлений связано с преодолением трудностей как социального, так и тактического характера. Эффективная деятельность возможна лишь в случае комплексного рассмотрения всех аспектов с позиций теории уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и др. По нашему мнению, мероприятия по раскрытию краж скота на сегодня технологически отстают от мероприятий по другим видам преступлений. К примеру, кражи сотовых телефонов, интернет-мошенничества раскрываются с помощью информационных технологий, преступления, совершаемые на улицах и в общественных местах, — с помощью камер видеонаблюдения, в розыске угнанных автомобилей помогают автоматизированные комплексные системы. Из анализа правоприменительной практики следует, что один из важных факторов в раскрытии краж скота — своевременное обращение граждан в ОВД. Зачастую граждане предпринимают самостоятельные поиски, на что уходят дни, недели, и только после того, как терпят неудачу, обращаются в полицию, однако преступники уже успевают отогнать похищенный скот на приличное расстояние от места совершения преступления, что заметно усложняет поиск.

Розыск похищенного скота требует привлечения значительных сил и средств ОВД, прежде всего аппаратов криминальной полиции. Осуществляя розыскные мероприятия по установлению похищенных животных, приходится инспектировать огромные территории и задействовать, как минимум, трех сотрудников полиции: следователя, оперуполномоченного,

участкового инспектора полиции, но и этого бывает недостаточно, чтобы оперативно обнаружить похищенный скот и лиц, причастных к их пропаже. Не всегда представляется возможным проинспектировать местность: посевные площади, озера, реки, болота, леса, холмы и горные массивы. Указанные факты позволили прийти к выводу о целесообразности создания отдела по противодействию кражам скота (далее — ОПКС) на базе управления криминальной полиции ДП областей, выделения дополнительных штатных единиц для борьбы со скотокрадством. Задачи данного подразделения будут заключаться в следующем:

- ведение аналитической работы по противодействию кражам скота, с концентрацией и накоплением всех имеющихся сведений о способах совершения преступлений, местах каналов сбыта похищенного, маршрутов движения преступников по перегону похищенного скота, а также определение районов со сложной криминогенной ситуацией и выработка решений по стабилизации оперативной обстановки;

- обеспечение взаимодействия между районными отделами полиции в областях, а также с приграничными районами соседних государств (на востоке, севере и северо-западе Казахстана — с Россией, на юге — с Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном, на юго-востоке — с Китаем) по проведению оперативно-профилактических и оперативно-тактических мероприятий (куда входит проведение ОРМ, СОРМ), направленных на предупреждение, пресечение краж скота;

- ведение списочного учета скотокрадов по области;

- оказание практической и методической помощи районным подразделениям в раскрытии краж скота;

- организация взаимодействия и координация районных отделов полиции по перекрытию дорог областного и республиканского значения при раскрытии краж скота.

В штат данного отдела целесообразно включить должности: 1 – начальника отделения, 1 – старшего оперуполномоченного, 2 – оперуполномоченных, 3 – младшего оперативного сотрудника. В ДП г. Нур-Султан имеется оперативно-поисковое отделение (ОПО), занимающееся раскрытием имущественных преступлений, а именно: предупреждением и пресечением только карманных краж на общественном транспорте и рынках города. Принципы его функционирования могут быть взяты за основу. Рассматривая вопрос в материально-техническом плане, необходимо обеспечить данное подразделение автомобилем с высокой проходимостью и хорошими техническими характеристиками (в количестве 2 ед.) для передвижения по пересеченной местности. Также предлагаем оснастить ОПКС беспилотными летательными аппаратами (далее — БЛПА) «КОПТЕР», обучив оперуполномоченных, занимающихся этой категорией преступлений, основам управления БЛПА и его применению на месте происшествия. Следует вменить в функциональные обязанности оперативного сотрудника проводить поисковые мероприятия с применением БЛПА «Коптер» при выезде на место происшествия по кражам скота. В случае установления места нахождения, перегона похищенного скота и лиц, причастных к их пропаже, осуществлять преследование, при этом документируя преступную деятельность путем фото-, видеофиксации посредством БЛПА «Коптер». Все полученные материалы предоставлять следователю для приобщения к материалам уголовного дела. Оператор БЛПА, находясь на месте преступления, будет иметь возможность координировать действия сотрудников в ходе проведения поисковых мероприятий и преследования преступников при их установлении. С использованием БЛПА поисковые мероприятия на открытой местности станут более эффективными и дадут дополнительные возможности оперативного поиска на значительных расстояниях, а значит, оперативного раскрытия данного вида преступления.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. Электронный ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000>
2. Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года. Электронный ресурс: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_
3. Исторические факты, барымта. Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Даулетова С. Проблемы казахского обычного права. — Алма-Ата, 1989.
5. Декрет «О борьбе со скотокрадством» Электронный ресурс: https://lenta.inform.kz/ru/10-pouyabrya-kalendar-kazinformadaty_sobytiya_a3715547.
6. Выступление Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел 17.04.2019 года. Электронный ресурс: https://www.akorda.kz/ru/events/news/meetings_and_sittings/prezident-kazahstana-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-rasshirennom-zasedanii-kollegii-ministerstva-vnutrennih-del.
7. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» от 27.12.2019 г. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000292>
8. Расследование скотокрадства (ст. 188-1 УК РК): Методические рекомендации. — Караганда: Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2020. — 40 с.
9. Статистические данные УКПСиСУ при Генеральной прокуратуре за 2015–2020 гг. Сравнительный анализ по Республике Казахстан по категории преступлений «Кражи скота» // www.kaznu.kz.

Тлеубаев Қ. Қ.,

*Жоғары оқу орнының кейінгі білім беру факультетінің докторанты,
заң ғылымдарының магистрі, полиция подполковнигі
(Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., e-mail: Tleubaev.kanat@mail.ru)*

Мал ұрлығына қарсы күресте ІІО күштері мен құралдарын пайдаланудың кейбір ерекшеліктері

Аннотация. Мақалада мал ұрлығымен байланысты қылмыстық құқық бұзушылық жасаған адамдарды анықтауда заманауи технологияларды қолданудың кейбір мәселелері талқыланады. Автор соңғы 5 жыл ішінде осы санаттағы жасалған қылмыстық құқық бұзушылықтарға салыстырмалы талдау жүргізді, құқықтық статистикадан мәліметтер келтірді.

Зерттеу нәтижелері бойынша автор қарастырылған қылмыстық іс-әрекет түріне қарсы тұруға бағытталған тиісті ұсыныстар ұсынады: мал ұрлығына қарсы іс-қимыл жасау бөлімін құру, полиция қызметкерлерін «СОПТЕР» деп аталатын ұшқышсыз ұшу аппараттарымен жабдықтау.

Қорытындылар мен тұжырымдар құқық қолдану практикасы материалдарын, құқықтық әдебиеттерді талдауға және ішкі істер органдары қызметкерлерінің сауалнамасына негізделген.

Негізгі сөздер: қылмыстық құқық бұзушылық, мал ұрлығы, барымта, қарсы әрекет, заманауи технологиялар, коптер.

К. К. Tleubaev,

*doctoral student of the Faculty of Postgraduate Education,
Master of Law, Lieutenant Colonel of the Police
(Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beysenov, e-mail: Tleubaev.kanat@mail.ru)*

Some features of the use of the forces and means of the Department of Internal Affairs in the fight against cattle thefts

Annotation. This article discusses some of the issues of the use of modern technologies in identifying persons who have committed a criminal offense related to theft of livestock. The author carried out a

comparative analysis of the committed criminal offenses of this category over the past 5 years, provided data from legal statistics.

Based on the results of the study, the author proposes appropriate recommendations aimed at countering the considered type of criminal activity: the creation of a department to counteract theft of livestock, equipping police officers with unmanned aerial vehicles called "COPTER".

The conclusions and conclusions are based on the analysis of materials of law enforcement practice, legal literature and a survey of employees of the internal affairs bodies.

Keywords: criminal offense, theft of livestock, barymta, counteraction, modern technologies, copter.

ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THE PROBLEMS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

Бубербаев Н. Д.

О состоянии выявляемости уголовных правонарушений камерами видеонаблюдения..... 4

Весельская Н. Р., Сидорова Н. В., Чиркова Е. Н.

Некоторые проблемы соотношения налогового, банковского и исполнительного законодательства в Республике Казахстан..... 9

Еспергенова Е. В.

Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с хищением денежных средств со счетов банковских карт..... 14

Жолжаксынов Ж. Б., Жунусов Е. Б.

Хищение посредством использования информационно-коммуникационных технологий в уголовном законодательстве Республики Казахстан 20

Корнейчук С. В., Колесников Ю. Ю., Тузельбаев Н. О.

Основной критерий оценки деятельности участкового инспектора полиции по привлечению граждан к охране общественного порядка 26

Муканов М. Р., Амангельдиев Д. А.

Актуальная проблема при объявлении в розыск лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы..... 31

Татарян В. Г., Абеуов Е. Т., Майкенов А. Р.

Анализ структуры, основных терминов, понятий Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан..... 36

Феткулов А. Х.

Анализ наркоситуации в стране и некоторые пути преодоления наркотизма..... 44

Шукенов Н. С., Абеуов Д. А.

Совершенствования законодательства по вопросам согласия для принятия процессуального решения 50

КӘСІБИ ДАЙЫНДЫҚТЫ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ҚЫЗМЕТІН
ӘЛЕУМЕТТІК-ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДІ ЖЕТІЛДІРУ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL TRAINING AND SOCIAL
AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF LAW ENFORCEMENT

Дарменов А. Д.

Роль Карагандинской академии МВД Республики Казахстан в реализации трехзвенной модели уголовного процесса 56

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҮНТЫМАҚТАСТЫҚ ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

INTERNATIONAL COOPERATION AND FOREIGN EXPERIENCE

L. Sh. Avkhadeeva

Introduction of the service model of the police as part
of the overall modernization of the internal affairs bodies Republic of Kazakhstan 60

Горбенко Т. В.

Ускоренное досудебное производство: анализ правовых ограничений 65

F. S. Momysheva, A. B. Kulibek

Theoretical, historical and legal aspects
of the development and formation of state sovereignty 70

ЖАС ҒАЛЫМДАРДЫҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

Байтеленова С. Г.

К вопросу о субъекте уголовного правонарушения,
предусмотренного ст. 430 УК РК..... 76

Беристемова Р. Г.

К проблемам последующего этапа расследования преступлений, связанных
со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров 81

Жұмаханов А. С.

Қылмыстық процес пен жедел-ізвестіру заңнамаларындағы коллизия..... 87

Жунусова М. К.

Об упразднении протокольной формы досудебного производства
в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан 92

Заркенов М. С., Жемпиусов Н. Ш.

О формировании системы информационной безопасности
Республики Казахстан 99

Кудешев Р. А.

Ответственность за посягательство на нормальную деятельность органов
управления в лице представителя власти: сравнительно-правовой анализ 104

Кусаинова А. К.

Сроки давности привлечения к административной ответственности
в области налогообложения..... 111

Манджиева Г. Р.

Уголовно-правовой анализ мошенничества в сфере информационных
технологий в законодательстве стран дальнего зарубежья..... 117

Маткенов М. Т.

Распространенность применения информационно-коммуникативных технологий в сфере торговли людьми (анализ по Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану) 123

Нуркеева Д. Р.

Принцип законности как один из важнейших ориентиров уголовно-процессуальной деятельности адвоката в уголовном процессе 128

Тлеубаев К. К.

Некоторые особенности использования сил и средств ОВД в борьбе с кражами скота 133

Қолжазбаны ресімдеу бойынша авторларға арналған нұсқаулық

Басылымға бұрын басқа басылымдарда жарияланбаған құқықтану, құқық қорғау қызметі, қызметкерлерді кәсіби даярлаудың өзекті проблемалары бойынша қазақ, орыс және шет тілдеріндегі мақалалар қабылданады.

Жұмыстың мазмұны ғылыми жаңалық, теориялық және практикалық маңыздылық, логикалық баяндалу талаптарына сай болуы керек. Мақала кіріспе бөлімінен, проблема қоюдан, негізгі бөлімнен, қорытындыдан тұруы тиіс.

Журнал тоқсанына 1 рет жарияланады. Мақалалар келесі мерзімге дейін ұсынылуы тиіс: № 1 журналдың 15 ақпанға дейін, № 2 — 15 мамырға дейін, № 3 — 15 тамызға дейін, № 4 — 15 қарашаға дейін қабылданады.

Басылымға арналған материалдар келесі талаптарды міндетті сақтай отырып, қағаз және электрондық тасымалдағыштарда ұсынылады:

- 1) ЭОЖ (әмбебап ондық жіктеу коды);
- 2) автордың тегі, аты, әкесінің аты, лауазымы, ғылыми дәрежесі, атағы, жұмыс орны, кала, ел атауы — қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде;
- 3) автордың электрондық поштасы, пошталық мекенжайы және байланыс телефоны;
- 4) мақала атауы — ортасында бас әріптермен — мемлекеттік, орыс және ағылшын тілдерінде;
- 5) зерттеу тақырыбы мен мәнін көрсететін аннотация (80-100 сөз) — мемлекеттік, орыс және ағылшын тілдерінде;
- 6) негізгі сөздер (мақаланың мазмұнын сипаттайтын және ақпараттық іздестіру мүмкіндігін қамтамасыз ететін атау септігінде 8-10 сөз немесе сөз тіркесі) — мемлекеттік, орыс және ағылшын тілдерінде;
- 7) мәтін Word редакторы, қаріп — Times New Roman, мөлшері — 14;
- 8) беттер саны — 6–8 бет (А4 форматында) аннотацияны санамағанда;
- 9) арақашықтық — біржарым (1,5);
- 10) абзацтық шегініс — 1.25;
- 11) жиектері: сол жақ жиегі — 3 см, оң жақ жиегі — 1 см, жоғарғы және төменгі жиектері — әрқайсысы 2 см;
- 12) мәтін бойынша сілтемелер тік жақшаларда дәйексөз беттерін көрсете отырып жазылады [1, 15]. Пайдаланылған әдебиеттер тізімі-құжаттың соңында, мәтінде пайдалану тәртібі бойынша («Библиографиялық жазба, библиографиялық сипаттама. Жалпы талаптар және құру ережелері» 7.1 – 2003 МС сәйкес ресімделеді).

Пайдаланылған әдебиеттер тізімін ресімдеу кезінде Академия қызметкерлерінің ғылыми жұмыстары немесе «Хабаршы — Вестник» журналына сілтемелерді міндетті түрде пайдалану қажет.

Жұмысқа мақала талқыланған бөлініс отырысының хаттамасынан үзінді ұсынылады.

Мақаланың мазмұны, мақалада келтірілген нақты мәліметтердің, дәйеккөздердің, дереккөздердің шынайылығы үшін автор дербес жауапты.

Мақала редакциялық алқа немесе мақала тақырыбына жақын салада зерттеу жүргізетін мамандар плагиатқа тексеріп, оң рецензия бергеннен кейін басылымға жіберіледі.

Әдеп нормалары мен ережелерді сақтау басылым процесінің барлық қатысушылары: авторлар, рецензенттер, редакциялық алқаның мүшелері және редакция қызметкерлері үшін міндетті.

Редакциялық алқа жариялауға ұсынылған материалдарды іріктеу құқығын өзіне қалдырады. Редакция талаптарға сәйкес келмейтін материалдарды қарастырмайды және жарияламайды.

Журналдың электрондық нұсқасын <https://kpa.gov.kz/> сайтынан көруге болады

Редакцияның мекенжайы: 100009, Қарағанды қ., Ермеков көшесі, 124,
Қазақстан Республикасы ПМ
Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
ғылыми-зерттеу және редакциялық-баспа жұмысын ұйымдастыру бөлімі
E-mail: oniirir@kpa.gov.kz,
факс: 8(7212) 30-33-92, тел. 8 (7212) 30-34-12

Руководство для авторов по оформлению рукописи

К изданию принимаются научные статьи на казахском, русском и иностранных языках по актуальным проблемам юриспруденции, правоохранительной деятельности, профессиональной подготовки сотрудников, не публиковавшиеся ранее в других изданиях.

Содержание работы должно удовлетворять требованиям научной новизны, теоретической и практической значимости, логичности изложения. Статья структурно должна включать вводную часть, постановку проблемы, основную часть, выводы.

Журнал издается 1 раз в квартал. Для включения в № 1 журнала рукописи принимаются до 15 февраля, № 2 — до 15 мая, № 3 — до 15 августа, № 4 — до 15 ноября.

Материалы для опубликования предоставляются на бумажном и электронном носителях с **обязательным соблюдением следующих требований:**

- 1) УДК (код универсальной десятичной классификации);
- 2) фамилия, имя, отчество автора, должность, ученая степень, звание, место работы, название города, страны — **на государственном, русском и английском языках;**
- 3) адрес электронной почты, почтовый адрес и контактный телефон автора;
- 4) название статьи — по центру прописными буквами — **на государственном, русском и английском языках;**
- 5) аннотация (80-100 слов), отражающая тему и предмет исследования, — **на государственном, русском и английском языках;**
- 6) ключевые слова (8-10 слов или словосочетаний в именительном падеже, характеризующие содержание статьи и обеспечивающие возможность информационного поиска) — **на государственном, русском и английском языках;**
- 7) текст в редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 14;
- 8) количество страниц — 6–8 (формат А4), не считая аннотации;
- 9) интервал — полуторный (1,5);
- 10) абзацный отступ — 1,25;
- 11) поля: слева — 3 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см;
- 12) сноски — по тексту в квадратных скобках с указанием цитируемых страниц [1, 15]. Список использованной литературы — в конце документа, по порядку использования в тексте (оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 — 2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»).

При оформлении перечня использованной литературы надлежит обязательно использовать ссылки на журнал «Хабаршы — Вестник» или научные работы сотрудников академии.

К работе прилагается выписка из протокола заседания подразделения, на котором обсуждалась статья.

Статья допускается к публикации только после проверки на плагиат и положительной рецензии редакционной коллегии или специалистов, которые ведут исследования в областях, близких к тематике статьи.

Персональную ответственность за содержание статьи, точность приведенных в ней фактических данных, цитат, источников несет автор.

Соблюдение этических норм и правил обязательно для всех участников процесса публикации: авторов, рецензентов, членов редколлегии, сотрудников редакции.

Редколлегия оставляет за собой право отбора предлагаемых для опубликования материалов. Материалы, не соответствующие требованиям, редакцией не рассматриваются и не публикуются.

Электронная версия журнала доступна на сайте академии <https://kpa.gov.kz/ru>

Контактная информация

Адрес редакции: 100021, Республика Казахстан,
г. Караганда, ул. Ермекова, 124,
Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова,
отдел организации научно-исследовательской и редакционно-издательской работы
E-mail: oniirir@kpa.gov.kz
факс: 8(7212) 30-33-92, тел. 8 (721-2) 30-34-12

Authors' guide to the design of a manuscript

Scientific articles in Kazakh, Russian and foreign languages on topical issues of jurisprudence, law enforcement, and professional training of employees that have not been published in other publications are accepted for publication.

The content of the work must meet the requirements of scientific novelty, theoretical and practical significance, and logical presentation. Structurally, the article should include an introductory part, a statement of the problem, the main part, and conclusions.

The journal is published once a quarter. For inclusion in the journal No. 1, manuscripts are accepted until February 15, No. 2 — until May 15, No. 3 — until August 15, No. 4 — until November 15.

Materials for publication are provided in paper and electronic media **with the following requirements:**

- 1) UDC (Universal Decimal Classification code);
- 2) the author's surname, first name, patronymic, position, academic degree, title, workplace, city and country — in the state, Russian and English languages;
- 3) the author's email address, mailing address, and contact phone number;
- 4) the title of the article-in the center in capital letters — **in the state, Russian and English languages;**
- 5) abstract (80–100 words), reflecting the topic and subject of the study — **in the state, Russian and English languages;**
- 6) keywords (8-10 words or phrases in the nominative case, describing the content of the article and providing the possibility of information search) — **in the state, Russian and English languages;**
- 7) text in the Word editor, Times New Roman font, size 14;
- 8) number of pages — 6–8 (A4 format), not counting annotations;
- 9) interval — one and a half (1,5);
- 10) paragraph indent — 1,25;
- 11) margins: left — 3 cm, right — 1 cm, top and bottom-2 cm each;
- 12) footnotes — in the text in square brackets indicating the cited pages [1, 15]. The list of references — at the end of the document, according to the order of use in the text (issued in accordance with the state standard 7.1-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of compilation»).

When making a list of references, it is necessary to use references to the journal «Khabarshi — Vestnik» or scientific works of the academy staff.

The work is accompanied by an extract from the minutes of the meeting of the department at which the article was discussed.

The article is allowed to be published only after checking for plagiarism and a positive review by the editorial board or specialists who conduct research in areas close to the subject of the article.

The author is personally responsible for the content of the article, the accuracy of the actual data, quotations, and sources given in it.

Compliance with ethical standards and rules is mandatory for all participants in the publication process: authors, reviewers, members of the editorial board, editorial staff.

The Editorial Board reserves the right to select the materials proposed for publication. Materials that do not meet the requirements are not considered and published by the editorial board.

The electronic version of the journal is available on the Academy's website <https://kpa.gov.kz/ru>

Contact information

Editorial office address: 100021, Republic of Kazakhstan,
Karagandy city, Ermekova st, 124,
Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after B. Beisenov,
department of organization of research and editorial and publishing work
E-mail: oniirir@kpa.gov.kz
fax: 8(7212) 30-33-92, tel: 8 (721-2) 30-34-12